

Алексей Васильев, Николай Петров

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

РЕЦЕПТЫ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

Русская версия

алгоритм
МОСКВА

2012

УДК 327
ББК 66.2(0)
В 19

Дизайн серии **Александра Новикова**

Оформление переплета *Юрия Щербакова*

Васильев А. М.
В 19 **Рецепты Арабской весны : русская версия / Алексей Васильев, Николай Петров. — М. : Алгоритм, 2012. — 304 с. — (Политический бестселлер).**

ISBN 978-5-4438-0148-3

Как возникли революции в государствах, сравнительно спокойных в социально-экономическом плане и далеко не последних по уровню жизни населения? Кто за ними стоял? Какую роль сыграли в них информационные технологии? На эти и многие другие вопросы отвечают авторы этой книги — ученые, дипломаты, журналисты, в том числе и подготовивший книгу к изданию директор Института Африки РАН Алексей Михайлович Васильев. Все они в той или иной мере были свидетелями революционных событий.

Своеобразной «сверхзадачей» данной книги был поиск ответа на вопрос: существовали ли у сценария арабских восстаний «режиссеры»? А вывод о том, возможны ли аналогичные события в нашей стране или на территории постсоветского пространства, читателям этой книги предстоит сделать самим.

УДК 327
ББК 66.2(0)

ISBN 978-5-4438-0148-3

© Васильев А. М., 2012
© Петров Н. И., 2012
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2012

В один из декабрьских дней 2010 года 26-летний тунисец, потерявший возможность заработать на хлеб для своей семьи, оскорбленный полицией и муниципальными властями, решил на шаг отчаяния — облил себя легковоспламеняющейся жидкостью и поджег. Он умер в страшных мучениях через две недели. Его жуткая участь воспламенила пожар массовых антиправительственных протестов в арабских странах от Залива до Атлантики. Пламя не потушено и поныне.

Как возникла революционная ситуация в государствах сравнительно спокойных в социально-экономическом плане и далеко не последних по уровню жизни населения? Почему в движениях протеста принимали активное участие представители образованных слоев, среднего класса и так много молодежи? Какую роль сыграли информационные технологии? Какие цели ставили восставшие и были ли достигнуты эти цели? На эти и многие другие вопросы отвечают авторы этой книги — ученые, дипломаты, журналисты. Все они в той или иной мере были свидетелями событий либо впоследствии «по горячим следам» подвергли их обстоятельному анализу. Своеобразной «сверхзадачей» коллектива авторов и составителей данной работы был поиск ответа на вопрос: существовали ли авторы сценария арабских восстаний и дирижеры драматических событий? А вывод о том, возможны ли аналогичные события в нашей стране или на территории постсоветского пространства читателям этой книги предстоит сделать самим.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глава I

ЦУНАМИ РЕВОЛЮЦИЙ НЕ СПАДАЕТ

Начало

17 декабря 2010 года Мухаммед Буазизи — 26-летний тунисец, безработный обладатель степени бакалавра — попытался заработать на жизнь, торгуя с тележки овощами и фруктами. Полицейский отнял у него товар и вдобавок оскорбила. Попытки пожаловаться властям кончились тем, что его вышвырнули из муниципалитета. Униженный, отчаявшийся, лишенный куска хлеба молодой человек совершил самосожжение.

В страшных муках он скончался спустя немногим более двух недель. О его судьбе разнесли сообщение независимые телеканалы и Интернет. Для мусульманина самоубийство — вообще большой грех, а такая страшная смерть взорвала тунисское общество. Тысячи, а затем десятки тысяч человек вышли на улицы, протестуя против бесчеловечного режима, угнетения, безработицы, коррупции, диктатуры президента Туниса Зина аль-Абидина Бен Али и его клана.

Несмотря на принятые властями жесткие меры и даже убийство нескольких демонстрантов, полиция отступила перед массами восставших. Армия не вмешалась. Бен Али бежал (его отказалась принять Франция, и убежище предоставила Саудовская Аравия), страна погрузилась в хаос. Непрочную власть пытались удерживать бывшие сторонники президента, но многие из них просто спасались бегством.

Тунис считался до недавнего времени раем для туристов, стабильным государством, которое даже за независимость боролось исключительно политическими средствами. Со времен

первого президента Хабиба Бургибы страна стала светской, с высоким уровнем образования, достаточно многочисленным средним классом, гендерным равноправием (многоженство было официально запрещено, 20% депутатов парламента — женщины). Шариат играл незначительную роль, вся интеллигенция знает французский язык, ей близка европейская культура. В республике широко использовался Интернет. Были устойчивы связи с Европой и США. Экономика Туниса неплохо развивалась нацеленная на сотрудничество с Евросоюзом. В Европе находились до миллиона тунисцев. В страну из Европы приезжало несколько миллионов туристов в год.

Но вместе с тем за 23 года авторитарного правления Бен Али правительству не удалось решить главную проблему — преодолеть высокий уровень безработицы. Она затрагивает не только беднейшие слои населения, но и молодежь с высшим образованием. В последние годы безработица в Тунисе выросла из-за мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 годов, а также из-за ограничений на иммиграцию в странах Европы. Возникло противоречие между завышенными ожиданиями образованной молодежи и отсутствием возможностей для их реализации. Низы не хотели жить по-старому, верхи не могли по-старому управлять. В итоге организаторами протестных акций стали образованные молодые люди, координирующие действия с помощью Интернета, социальных сетей «Фейсбук» и «Твиттер».

Политический произвол и ограничение властями свободы СМИ способствовали распространению идей исламского фундаментализма среди не только беднейших слоев, но и части среднего класса. Авторитарно-полицейский режим жестоко подавлял оппозицию, запрещая деятельность исламистских партий. Это, в частности, вызывало симпатии к Бен Али со стороны США и Франции, которые проявили готовность углублять с ним сотрудничество, но значительная часть общества видела в исламистах героев, жертв и врагов ненавистного строя.

Существенной причиной массового недовольства стала коррупция власти. Если про первого президента Туниса Х. Бургибу говорили, что он ушел с поста с 30 долларами на банковском счету, то отличительной чертой правления Бен Али

стал явный и откровенный расцвет коррупции и семейственности. Особую ненависть населения вызывала семья второй жены президента — клан Трабелси, который захватил самые лакомые куски в банковском секторе, сфере недвижимости, в торговле, туристическом бизнесе и в других отраслях.

Президент Бен Али утратил чувство реальности, перестал учитывать настроения населения. Достаточно было искры, чтобы гнев общества выплеснулся на улицы. Самоубийство несчастного торговца фруктами стало такой искрой.

У оппозиции не было общепризнанного национального лидера. Средний класс и беднейшие слои общества объединились в стремлении свергнуть режим Бен Али. Власть в Тунисе временно перешла в руки людей из окружения сбежавшего президента, которые заявили о разрыве с ним и его семьей, временно сохранял свой пост премьер-министр, но и он был вынужден подать в отставку. Продолжался период хаоса, безвластия и разгула криминала, что усугубляло экономический кризис. Демонстрации не утихали, население требовало немедленной передачи власти оппозиции до новых президентских выборов. Ситуацию усугублял наплыв десятков тысяч беженцев из Ливии, но об этом — особый разговор.

Успех в целом мирной революции в Тунисе вдохновил на такие же действия египтян. Поднялась на восстание самая населенная арабская страна — 85 миллионов жителей.

«Ат-Тахрир» — значит «Освобождение»

С 25 января по 11 февраля прошлого года продолжались массовые народные волнения в Египте. Численность их участников то сокращалась до ста тысяч человек, то вырастала до миллионов. На восстание поднялись массы — от Александрии до Асьюта и от Мансуры до Синайского полуострова. Центром восстания, его средоточием, символом, знаменем стала площадь Ат-Тахрир (в переводе — Освобождение) в центре Каира. Здесь шел непрекращающийся митинг, кипели дискуссии, читались стихи и пелись песни, пять раз в день люди молились. На этой площади давали интервью, позировали перед телекамера-

ми важнейших мировых каналов. Здесь же были разбиты палатки, в которых жили люди, поклявшиеся не покидать это место до победы, сюда подносили воду, пищу, медикаменты, одеяла. Среди митингующих ходили коптские (христианские) священники в темных одеждах и улемы-богословы из исламского университета Аль-Азхара в закрученных тюрбанах. Полиция после столкновений с демонстрантами (по всей стране погибло несколько сот человек) разбежалась. Вокруг площади стояли армейские танки и бронетранспортеры, которые не вмешивались в демонстрации. Но когда начались столкновения демонстрантов с нанятыми режимом бандами хулиганов, военные постарались разъединить дерущихся. Общим требованием был уход президента Хосни Мубарака, который правил 32 года.

После 18 дней массовых народных волнений восставшие победили. Президент Мубарак 11 января ушел в отставку. О его личности мы поговорим позднее.

Исчез с политической арены фактический преемник Мубарака — Омар Сулейман, руководитель разведки и служб безопасности страны, назначенный вице-президентом. Власть в Египте взял Высший совет вооруженных сил во главе с министром обороны Хусейном Тантави, который распустил парламент, отменил старую конституцию, объявил о проведении новых выборов, назначил комиссию для выработки новой конституции и, соответственно, нового избирательного закона. Фактически рухнула прежняя партия власти — Национально-демократическая. Было арестовано несколько министров, замешанных в особо крупных актах коррупции.

Победа народного мирного восстания не ограничилась этими видимыми результатами. Может быть, психологический результат восстания был важнее его временных политических итогов. Люди преодолели страх, постоянный страх перед силой репрессивной машины государства, перед властьюмишцими, их охватило чувство ликования от завоеванной свободы. Восставшие считали, что после долгого периода авторитарного режима, унижений и бессилия они вновь обрели человеческое достоинство.

Перед мощью народных выступлений появился страх у властьюмишцих, в том числе у генералитета, страх перед силой

народного гнева, страх перед перспективой потерять свои позиции, если не будут удовлетворены народные требования.

А что осталось?

Все дело в том, что режим Хосни Мубарака опирался на армию и силы безопасности. Под давлением масс ушел глава военного режима, рухнул символ прежней власти, но власть осталась — может быть, временно — в руках именно военных. Антиправительственные демонстрации были прекращены или по крайней мере стали менее масштабными. Люди выходили на демонстрации, чтобы выразить радость победы. Но были и другие демонстранты, требующие повышения заработной платы, улучшения условий труда...

А что дальше? Что должно было определить политическую систему Египта, его экономическую структуру, путь развития египетского общества? Какие силы реально действовали в стране и что получится из их взаимодействия или столкновения?

Отвлечемся на несколько мгновений от сегодняшних бурлящих политических страстей Египта. Вернемся на площадь Ат-Тахрир, которая сама по себе полна символики и несет отпечаток и древней, и недавней истории Египта. Она — своего рода микрокосм Египта.

В северной стороне площади расположено здание Египетского национального музея с бесчисленными и бесценными сокровищами времен фараонов (кое-кто в ходе восстания пытался его грабить, но сокровища защитили военные и сами демонстранты). Прямо напротив него, на южной стороне, здание, в котором находится учреждение с названием, трудно поддающимся переводу, Аль-Мугаммаа — многоэтажное средоточие регистрационных и справочных служб Египта, жуткая бюрократическая организация, где каждый шаг сопровождается взятками.

Рядом с Аль-Мугаммаа находится штаб-квартира Лиги арабских государств, созданной при активном участии Египта. Страна претендовала и претендует на ведущую роль в арабском мире, но, к разочарованию гордых египтян, теряет ее из-за своих экономических проблем. Она даже не попала в «двадцатку» самых весомых государств в мировой экономике, а Саудовская Аравия со своей нефтью и валютными резервами туда вошла.

Рядом со зданием Лиги арабских государств ремонтируется отель «Хилтон», первый 5-звездочный отель в Египте, построенный в 50-е годы прошлого столетия на месте казарм английских войск, которые когда-то оккупировали страну. Напротив «Хилтона», по другую сторону площади, лежат кварталы, построенные в конце XIX века по парижским образцам, сейчас обветшавшие, а когда-то бывшие самой элитной частью Каира. На одном из этих зданий три десятка лет красовалась огромная реклама «Аэрофлота», сменившаяся сейчас рекламами западных корпораций. Чуть справа от него одним крылом на площадь Ат-Тахрир выходит здание Американского университета в Каире, который традиционно считается каналом идеологического и культурного проникновения США в Египет. Но если вернуться к Национальному музею, то сразу за ним, за виадуком, ведущим в аэропорт, лежит район Булак. Это — средоточие старых, рассыпающихся зданий, нищеты, перенаселенности, отчаяния, злости, безнадежности. Наверное, об этом самом районе писал стихами поэт-бунтарь Ахмед Фуад Нигм: «Те одеваются по последней моде, а мы живем вдесятером в одной комнате».

Между зданием Аль-Мугаммаа и штаб-квартирой Лиги арабских государств начинается мост через Нил — на остров, и прямо перед мостом на острове возвышается статуя Саада Заглула, который возглавил египетское восстание против англичан в 1919 году. После этого Египет получил полуколониальную псевдодемократию, с игрой политических партий и с полным игнорированием интересов народа. Королевское правительство, зависимое от англичан, потеряло всякую легитимность. В стране господствовал класс землевладельцев-феодалов при нищем населении.

Такая ситуация вызвала взрыв недовольства, вылившийся в 1952 году в военный переворот — революцию, которую совершили «свободные офицеры» (всего несколько батальонов!) во главе с Гамалем Абдель Насером. С 1952 года в Египте установился военный режим. При Насере он был леворадикальным. Насер провел аграрную реформу, лишив большей части земель феодальный класс, национализировал ряд предприятий с иностранным капиталом и крупной египетской собственностью, попытался ввести рабочих в правление компаний.

В свое время Гамаль Абдель Насер взял на вооружение антизападную (антиимпериалистическую) идеологию и стал почти союзником СССР. Президент Египта нарушил западную монополию на поставки оружия на Ближний Восток, закупив советское оружие через Чехословакию, затем национализировал Суэцкий канал. В ответ на это была совершена тройственная англо-франко-израильская агрессия 1956 года, остановленная, как блефом Никиты Хрущева, который намекал на возможность ядерного удара по агрессорам, никогда не собираясь сделать это, так и осуждением со стороны США. Всемирный банк не дал кредита на строительство высотной Асуанской плотины, которая спасла бы Египет от голода, его предоставил Советский Союз, и плотина вместе с мощной электростанцией была построена, значительно увеличив посевные площади Египта. (К слову сказать, Египет даже после Насера при Анваре Садате полностью расплатился за все советские поставки — как за строительство высотной Асуанской плотины, так и за оружие).

Но Насер создал военно-репрессивный режим, не терпящий ни оппозиции, ни инакомыслия. Какое-то время в концлагерях были вместе и коммунисты, и «Братья-мусульмане» (о них — позже), их били и пытали. Затем некоторых коммунистов освободили и кооптировали в органы власти и пропаганды.

Насер проиграл войну с Израилем в 1967 году, что надломило его здоровье и позиции Египта в арабском мире. Новый президент Анвар Садат установил правую военную диктатуру, начал возвращать собственность, конфискованную у крупных предпринимателей, переметнулся на сторону США. Он начал в союзе с Сирией войну с Израилем, которая в первые дни благодаря внезапности удара и предварительной подготовке войск советскими офицерами и поставкам советского оружия и техники была успешной. К концу военных действий Египет оказался вновь на грани поражения. Война кончилась вничью, что в тех условиях означало победу Египта и Сирии и поражение Израиля. Впоследствии при посредничестве американцев он заключил мирный договор с Израилем, фактически отказавшись от поддержки дела палестинцев, но вернув в

демилитаризованном виде египетскую территорию — Синайский полуостров. Садат стал проводить так называемую «политику открытых дверей» (инфитах). Это породило в Египте класс паразитической буржуазии, представителей которой называли «жирными котами» инфитаха, тесно связанными с госаппаратом.

Садат был убит в 1981 году мусульманскими экстремистами во время военного парада. Вице-президент Хосни Мубарак во время этого нападения чудом уцелел и стал президентом Египта. Перед своей смертью Садат пытался подавить всю оппозицию, бросив в тюрьму и коммунистов, и насеристов, и представителей коптов, и часть «Братьев-мусульман». Именно из отколовшейся от «Братьев-мусульман» группировки вышли будущие убийцы Садата.

Встав во главе государства, Хосни Мубарак освободил из тюрем большинство заключенных, среди них был и коптский патриарх. Он постарался восстановить отношения с арабскими странами, порвавшими их с Египтом после того, как тот заключил мир с Израилем. Мубарак решительно проводил борьбу с терроризмом и первое время пытался даже ограничить аппетиты «жирных котов». При этом он сохранил и углубил тесные отношения с США, сотрудничество с Израилем, участвовал в первой войне Соединенных Штатов против Ирака.

Главной силой в стране после революции осталась армия, точнее, армейское офицерство и генералитет.

Танковые дивизии не вмешались

Становым хребтом военного режима в Египте всегда были привилегированное офицерство и генералитет. Они не только пользовались различными социальными благами — высокой зарплатой (на фоне массовой бедности населения), хорошими жилищными условиями, поликлиниками, клубами, спортивными сооружениями, — но со времен Садата еще имели возможность заниматься бизнесом, руководить военной промышленностью, которая частично стала работать на внутренний рынок гражданской продукции. После выхода в отставку многие офицеры и генералы занимали важные посты в администрации, в

правлениях частных компаний и банков. Большинство губернаторов египетских провинций были бывшие генералы.

В ходе народного восстания армия, которая пользовалась популярностью и уважением в стране, в том числе и среди масс населения, занимала нейтральную позицию, не участвуя в подавлении народных волнений. Она прошла по тонкому лезвию между преданностью режиму, его главе — Мубараку и сочувствием к народным волнениям. Армейское руководство понимало, что перемены и реформы в стране необходимы. Но как проводить реформы, сохраняя прежние привилегированные позиции и политическое влияние?

При этом не стоит забывать, что высшее руководство армии, все без исключения, было подобрано Хосни Мубараком из людей, преданных лично ему. При продвижении по службе личная преданность ценилась выше военного профессионализма. Армия поддерживала тесные связи с Вашингтоном, получая от США каждый год военную помощь в размере 1,3 млрд. долларов, за годы правления Мубарака была перевооружена в основном американцами; лишь часть оружия советского производства осталась в ее распоряжении. Среднее и высшее офицерство прошло обучение в США, а также в Англии и во Франции. Один из первых декретов нового военного руководства гласил, что прежние международные договоры, в том числе мирный договор между Египтом и Израилем, останутся действующими.

Реальная сила исламистов

Вторая но, очевидно, главная сила, которая стала участвовать в формировании нового политического курса и структуры страны, — это «Братья-мусульмане», наиболее сплоченная и массовая социально-политическая организация.

Она была создана еще в 1928 году, всегда опиралась на массы религиозно настроенного населения, для которого были чужды «игры эффенди», то есть прозападных правящих классов, были чужды слова «демократия», «либерализм», «свободные выборы» и т.д. Эта организация проповедовала возвращение к «истинно исламским ценностям», к следованию законам

шариата. Она широко развернула сеть благотворительных учреждений — больниц, школ, приютов.

«Братья» находились в оппозиции к королевской власти. В конце 40-х годов прошлого века тогдашний премьер-министр страны пал жертвой их боевиков, а в ответ власти организовали убийство лидера «Братьев» — Хасана аль-Банни.

После короткого флирта с режимом Гамаль Абдель Насера представители «Братьев-мусульман» организовали неудачное покушение на популярного президента. Организация была запрещена, а ее активисты оказались в концлагерях вместе с коммунистами, проамериканскими либералами и другими оппозиционерами. Многие «Братья-мусульмане» были подвергнуты пыткам, некоторые казнены.

Сейид Кутб, теоретик «Братьев-мусульман», разработал в концлагере идею джихада против правителей мусульманских стран и «неверного» Запада. По его мнению, правители мусульманских стран на самом деле были агентами Запада, а не мусульманами, поэтому против них можно было восставать. Кутб был повешен в насеровской тюрьме в 1966 году. А его идеи вдохновили крайних экстремистов вроде Аймана аль-Завахири, который стал главным помощником Усамы бен Ладена в организации «Аль-Каида», а также слепого шейха Омара Абдель Рахмана, благословившего террористов на первую попытку взрыва Всемирного торгового центра в Нью-Йорке в 1993 году. Идеи Кутба подхватили экстремисты и террористы во всем мусульманском мире.

Организация была фактически реабилитирована после прихода к власти президента Анвара Садата в 1971 году. Но, страшась ее силы, и Садат, и сменивший его президент Мубарак держали «Братьев-мусульман» на полулегальном положении. Само руководство заявляло о своей несогласии с действиями экстремистов. Но в отколовшихся от них группировках собрались люди, готовые на теракты. Именно представители одной из них организовали убийство президента Садата. Именно они участвовали в убийствах как представителей власти, так и иностранных туристов и иностранных граждан в Египте. Нападения на туристов, подрывавшие отрасль эконо-

мики, с которой связана работа нескольких миллионов египтян, лишили экстремистов части социальной базы. Крайних исламистов подпитывали «афганцы», участвовавшие в войне против просоветского левого режима в Афганистане и советских вооруженных сил.

Репрессии, включая аресты по закону о чрезвычайном положении, пытки в тюрьмах и казни экстремистов ослабили мусульманские террористические организации, загнали их в подполье.

Руководство «Братьев» стало делать упор на легальную деятельность.

В качестве независимых депутатов или представителей некоторых оппозиционных партий «Братья-мусульмане» стали участвовать в парламентских выборах. На предпоследних (до революции) выборах 2005 года, даже в условиях ограничений, репрессий и фальсификаций, они завоевали 88 мандатов — почти 20 процентов парламентских мест. Но в ходе последних выборов в ноябре-декабре прошлого года из-за массовой фальсификации, арестов и давления властей «Братья» лишились представительства в парламенте.

Руководство «Братьев-мусульман» не участвовало в первые дни в волнениях, но оно позволило своей организации молодежи выйти на улицы

Поколение Интернета, «Фейсбука», «Твиттера»

Сила, которая организовала восстание, — это молодое поколение 20—30-летних достаточно образованных египтян, которые были настроены оппозиционно к режиму, выступали за демократические свободы — свободные выборы, свободные СМИ, права человека, человеческое достоинство. Это люди отнюдь не из самых бедных семей. Они связываются друг с другом по Интернету. С помощью системы социальных сетей «Фейсбук», «Твиттер», «Ю-Тьюб» они смогли поднять на восстание, организовать и сплотить сначала десятки, а потом сотни тысяч и миллионы людей. Они не были и не являются политической партией. Их политические взгляды разнообразны, порой противоречивы. Они не оформились как единая организация.

Молодые люди установили контакты друг с другом, с тунисскими компьютерщиками и выработали оказавшуюся успешной тактику народного восстания, включая технические детали.

К этим молодым людям примыкали довольно слабые оппозиционные партии, в том числе либерально-демократические «Кифая» (что означает «довольно, хватит»), «Аль-Гад» («Завтра»), «Молодежное движение 6 апреля» — группа, объединенная вокруг Мохаммеда эль-Барадеи, Нобелевского лауреата, бывшего главы МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии), у которого проявились политические амбиции.

Оставшиеся в тени из-за гражданской войны в Ливии политические страсти в Египте не утихали и в последующие месяцы. Под давлением демонстрантов ушел в отставку назначенный еще Мубараком премьер-министр генерал Ахмед Шафик (он включен в состав Высшего совета вооруженных сил), сменилось несколько министров. Главой правительства стал хозяйственник Исам Шараф. Еще и еще раз менялся состав правительства. Многие требовали демонтажа всей структуры безопасности. Шли столкновения между противниками и сторонниками этих мер, были жертвы. В Каире были сожжены штаб-квартира тайной полиции, а еще ранее — здание ЦК бывшей правящей Национально-демократической партии. После того, как на площади Ат-Тахрир в ходе антиправительственного восстания обнялись полумесяц и крест, вражда на улице вновь разделила коптов-христиан и мусульман. Произошли кровавые стычки, были сожжены церкви.

Свидетели и участники

Вот что мне говорил выдающийся современный египетский писатель Гамаль аль-Гитани: «Примерно за неделю до 25 января я был в президентском дворце на приеме — кому-то вручали высший орден «Ожерелье Нила». Я был подавлен. Я видел царский двор, с лакеями, церемониями, лжецами, лизоблюдами. Все казалось мертвым и безнадежным. «Неужели это на долгие годы?» — спрашивал я себя. Конечно, я слышал еще 24 января, что на следующий день с помощью Интернета молодежь организует демонстрацию. Но как человек старшего

поколения я просто не верил в успех Интернета. И вот — свершилось! Алексей! Свершилось! Революция объединила всех, мусульман и коптов, богатых и бедных, интеллектуалов и неграмотных. Это был общенациональный порыв. Пусть будут трудности, страдания, жертвы! Но не вернется старый, мертвый режим!»

«Друг мой! Мой верный, честный, бесконечно талантливый друг. Мне так хочется тебе верить! Так хочется верить в будущее любимого мной Египта. Но я-то из страны, которая за век пережила столько революций и контрреволюций! И с какой горечью я смотрю на сегодняшний день моей родины»... Я не сказал этих слов, чтобы не причинить ему боль. Так, как он, думают многие. Мейса — вдова Мухаммеда Сид-Ахмеда, моего друга, философа и публициста, прошедшего 5 лет в насеровском концлагере, основателя одной из египетских компартий, воскликнула при встрече: «Мы — в новом Египте! Мы вернули честь и достоинство великого Египта!»

В Египет мне удалось попасть примерно через два месяца после революционного взрыва.

...Я — на площади Ат-Тахрир, в центре Каира. Пятница. Люди собираются на митинги в разных концах площади. Участников не сотни тысяч, но, во всяком случае, — десятки. Само название Ат-Тахрир стало брендом египетской революции, символом стойкости, мужества, свободы. Восемнадцать дней без перерыва здесь кипели страсти, звучали речи, споры, стихи, песни, были схватки с полицией и с нанятыми полицией хулиганами и даже с верблюжьей кавалерией. Из миллионов глоток рвалось одно слово в адрес президента Мубарака: «Уходи!!!». Полиция тогда исчезла. Вокруг площади и в переулках стояли танки. Армия не вмешивалась в события.

В критический день 11 февраля толпа намеревалась двинуться к президентскому дворцу, где стояла готовая стрелять президентская гвардия. Мне рассказывали, что якобы состоялся телефонный разговор президента Мубарака с министром обороны маршалом Тантави. Этот разговор уже стал частью революционной мифологии. «Почему ты не на моей стороне? — кричал президент. — Я же сделал тебя маршалом, я назначил тебя министром обороны!». «Да, я всем обязан тебе, мой пре-

зидент. Но если выбирать между тобой и родиной, я выбираю родину. Уходи! Армия будет против твоей гвардии». Президент подал в отставку и улетел с семьей в Шарм-эль-Шейх на личную виллу. А кровавой бани удалось избежать.

Власть в стране взял Высший совет вооруженных сил во главе с Тантави. Но лишь единицы знали, что накануне этого решения начальник египетского генштаба Сами Энан несколько дней сидел в Вашингтоне, в Пентагоне, согласовывая с американцами план действий. Было решено пожертвовать Мубараком, но сохранить власть в руках военных, которые должны начать реформы.

Народ не знал закулисной истории и ликовал.

Но революции имеют свою логику. Ее составная часть — наращивание требований.

Речь шла не только об изгнании Мубарака, но и о смене режима. Правительство отправили в отставку, назначили новое, была отменена старая конституция, опубликованы временные конституционные положения, распущен прежний парламент.

А вот теперь на площади я слышу новые требования. Оратор выкрикивает в рифму: «Вот наши требования, о *мушир* (*мушир* — по-арабски маршал), слушай голос Ат-Тахрир!» Толпа размахивает национальными флагами и хором раз за разом повторяет лозунг.

Рядом другой митинг. Выступает имам мечети Омара, перемежая свое выступление цитатами из Корана и рифмованными лозунгами:

«Спасибо революции 25 января!», «Под суд коррупционеров!», «Почему власти медлят?», «Привести сюда, на площадь, Мубарака, его сыновей и подручных, пусть их судит народ!», «Убрать прежних руководителей СМИ!», «Почему остались на своих местах губернаторы, ставленники Мубарака? Гнать их!», «Да здравствует революционная законность!», «Не может быть диалога с убийцами, на руках которых кровь наших мучеников!», «Нам принадлежит законность!», «Никакие дела нельзя делать без учета наших требований, требований народа!», «Это — не футбольные соревнования и не разногласия между поклонниками того или иного клуба, чтобы говорить о примирении. Затронута честь народа, кровь мучеников».

Толпа бурно реагирует на каждое слово, на каждый выкрик, отвечая одобрительным гулом, повторяя рифмованные призывы.

«Любой, кто хочет покончить с революцией с помощью контрреволюции и вызвать конфессиональную вражду, раскол между мусульманами, христианами — преступник. Под суд его, как и коррупционеров! Мы, мусульмане, христиане, действуем вместе. Храмы и монастыри христиан — под нашей защитой».

«Вот список наших требований:

Создать президентский совет, который будет править Египтом до выборов.

Суд над всеми коррупционерами во главе с Хосни Мубарак.

Распустить Национально-демократическую партию и национализировать ее имущество. Мы отвергаем саму мысль, что у НДП есть право участвовать в национальном диалоге, потому что это не национальная партия, это партия предателей.

Приостановить деятельность всех прежних руководителей и их представителей во всех структурах, имеющих влияние. Посадить их под домашний арест, чтобы не допустить преступных заговоров.

Никакой закон не должен запрещать забастовки.

Отменить все законы о чрезвычайном положении.

Почему военный совет распустил парламент, а не распустил местные советы?

Необходимо продолжать нашу революцию, пока она не достигнет полного успеха. Никакие цели не достигнуты, пока не будет покончено с коррупцией и коррупционерами».

Метрах в ста идет молодежный митинг, требования почти те же:

«Судить коррупционеров, начиная с Хосни Мубарака и до самого маленького ответственного чиновника.

Снять всех губернаторов и распустить местные советы.

Организовать гражданский президентский совет, который будет править Египтом до выборов.

Вернуть все награбленные деньги из-за границы в Египет.

Отправить в отставку руководителей университетов, которые были назначены прежним режимом.

Никакого примирения и диалога с теми, кто пролил кровь мучеников, никакого диалога с коррупционерами.

Не допустить участия Национально-демократической партии в национальном диалоге, запретить НДП.

Отправить в отставку руководителей СМИ, которые работали на прежний режим.

Освободить всех политических заключенных, которых посадили до революции. Прекратить пытки заключенных в тюрьмах».

Повсюду рифмованные крики: «Народ требует судить президента», «Наша революция — не игра в кошки-мышки», «Поднимите свой голос в защиту революции», «Кто борется, тот не умрет», «Почему у власти представители прежнего режима? Долой!». «Нельзя построить дом, если какие-то этажи уже разрушены, нужно разрушить весь дом до основания. Это надо сделать побыстрее».

Речи распалют собравшихся. Ораторы стирают с лица крупные капли пота и говорят, говорят, говорят, выкрикивая лозунги. Толпы их подхватывают. Расхаживают продавцы бубликов и воды. Танцуют под барабаны. Дети вместе с родителями несут плакаты и размахивают национальными флагами. Продаются сувениры с эмблемами «Революция 25 января». Фотографируются на фоне плакатов и посылают изображения по мобильным телефонам друзьям и знакомым. Делают видеосъемки. Под единственным деревом в центре площади расположилась семья: старик, муж и жена и четверо детей, пьют чай.

Подчеркиваю: это — день сравнительно небольшого скопления народа. В следующую пятницу, когда меня уже не было в Каире, на площадь собрались вдесятеро больше людей.

Улица не просто кричала и митинговала. Она добивалась своего. Военный совет отступал шаг за шагом. Была распущена НДП и конфискованы ее фонды и ее имущество. Мубарака, его жену и сыновей арестовали и отдали под суд. Еще несколько десятков высших коррупционеров оказались за решеткой. Толпа требовала крови. Пока своих робеспьеров, троцких или свердловых не появилось. Но кто знает... Были смещены все руководители государственных СМИ. Свободная печать воздействовала на политику и кадровые назначения. Мой друг,

писатель Гамаль аль-Гитани, поместил колонку в газете «Аль-Ахбар» с критикой только что назначенного министра культуры, назвав его менеджером, а не деятелем культуры. Министра сняли. Сын Гамалья Абдель Насера дал интервью в одной из газет. Он осудил режим Мубарака со словами: «Революция 25 января — продолжение революции 23 июля (1952 года)».

Но, как и в любой революции, все было хаотично и противоречиво. Бастовали студенты, требуя повысить отметки, полученные ими на экзаменах. Бастовали ученики старших классов школ, требуя облегчить учебные программы. Произошел общеегипетский скандал: во время футбольного матча египтян с тунисцами выигрывали тунисцы. И тогда огромная толпа египетских болельщиков выбежала на поле и стала избивать тунисских игроков. Полиция не вмешалась. К чести египтян, надо сказать, что по этому поводу заседал даже Высший совет вооруженных сил, который направил извинения Тунису. К тунисскому посольству приходили десятки молодых людей, чтобы выразить свое сочувствие и извинения. В социальных сетях молодые активисты распространяли призывы к соотечественникам соблюдать правила дорожного движения и не свинячить на улицах (Вспомним: «Граждане! Будьте культурны! Не плюйте на пол, а плюйте в урны!»)

Поступали сообщения о том, что салафиты (крайние исламисты) разрушали надгробья и склепы над могилами святых, почитаемых суфиями, мусульманскими мистиками. Шли столкновения на кладбищах. Из Афганистана, Пакистана, Ирана, из стран Западной Европы возвращаются сотни членов «Аль-Джихад аль-Ислами» и других террористических мусульманских организаций. Они, мол, были борцами с прежним деспотичным режимом Мубарака. Из тюрьмы освободили соучастников убийства президента Садата в 1981 г. (основные участники этой акции были тогда казнены). Появилось заявление «Братьев-мусульман»: «Мы осуждаем салафитов и террористов».

Все тревожнее были сообщения о ситуации в экономике. Люди ожидали немедленного улучшения своего положения, а оно ухудшалось. Доходы от туризма резко упали. Удар пришелся по служащим гостиниц, гидам, торговцам, шоферам

такси. Золотовалютные резервы страны сократились на несколько миллиардов долларов. Из страны «убежали» многие миллиарды долларов частных вложений. Один из бизнесменов жаловался мне на встрече в клубе «Сувейрис», где собирается журналистская и писательская элита: «Мы собирались строить новый металлургический завод. И вдруг нам говорят: «Вы получили лицензию с помощью Ахмеда Изза (металлургический олигарх, друг сына Мубарака Гамалы). Ваши лицензии недействительны. Или давайте 100 миллионов фунтов (!) «на лапу» или уходите». Мы вынуждены закрыть бизнес. На работу молодые люди ходят со своими компьютерами и переписываются по «Фейсбуку». Попробуй запретить. Нам отвечают: «У нас теперь демократия, мы скоро будем выбирать и руководство фирм».

Я запомнил воодушевленную, возбужденную журналистку из влиятельного журнала. Она кипела горячим энтузиазмом и верой в будущее. «Сейчас, — говорила она, — журналисты получают 500—600 фунтов в месяц, а нужно установить минимум 1200 фунтов. Откуда взять деньги? Да ведь очень просто. Нам же вернут те десятки миллиардов, которые Мубарак и прочие коррупционеры перевели за границу, вот и хватит на всех денег». Я с ней не стал спорить, но представил себе наивность и надежды простых египтян, если журналистка из солидного издания верит в сказку о завтрашнем дне.

Наслушался упреков в адрес России, от всех — правых, левых, бизнесменов и шоферов такси, университетских профессоров и разнорабочих: «Где вы, русские? Почему вас не видно и не слышно? Почему вы хотя бы не примите на лечение раненых в ходе нашей революции, как это сделали немцы? Почему вы не установите с нами контакты на уровне неправительственных организаций? Вы опаздываете. Кто последний пришел, тот на последнем месте по своему авторитету и окажется». Я пытался оправдываться:

«Мы отменили запрет на поездку туристов в Египет, а это очень существенная экономическая составляющая».

А что еще было добавить? Хорошо, что в Египте побывал наш министр иностранных С.В. Лавров. А где наши профсоюзы, правозащитники, организации дружбы и солидарности, ор-

ганизации женщин, молодежи, спортсмены, писатели, научные делегации?

Знаю ответ: нет денег. На контакты и поездки в США или Францию, Германию или даже Китай деньги есть. На арабов — нет. В советские времена деньги были. (Повторю: Египет расплатился с Россией за ВСЕ (!) свои долги — и за высотную Асуанскую плотину, и за оружие, и за заводы.)

А контакты человека с человеком? Миллионов с миллионными? Пусть эти контакты подождут... Подождем своего Билла Гейтса, который сам заработал десятки миллиардов (долларов, не рублей) и половину отдал на благотворительность. Но у наших олигархов другие заботы.

Вот так мы и живем. Арабские революции и будущее арабских стран — само по себе, а мы с нашими проблемами, претензиями — сами по себе.

Никто как будто не виноват. У нас, действительно, свои большие заботы. Понятно, почему от нас уходят и забывают о нас друзья. А деньги? Ну что ж, можно с уверенностью сказать, что если в арабских странах установятся режимы, устраивающие Запад, деньги у Запада найдутся. Да и куда деваться без экономических связей? Ведь Россия не выпьет арабскую нефть, не выкупит арабский газ, а послереволюционные правительства могут найти общий язык с Западом. Но без нас. Нам достанутся в лучшем случае крохи.

Говорят участники событий

Беседую с теми, кто через Интернет, «Фейсбук», «Твиттер», «Ю-Тьюб» стал организатором египетской революции. Не важны их имена, они их не скрывают, пожалуйста, цитируйте, но их не знает наша публика. Брендом этой группы стал их приятель У. Гонем. Он был занят в день встречи. У молодых людей нет ни чувства ревности, ни зависти. Раскованные, образованные ребята. Совершенно искренние. Патриоты. Революционеры. Один из них на площади Ат-Тахрир потерял глаз... Умные и... пусть простят они меня... наивные, увлеченные западными лозунгами и ценностями.

Постарался расположить их к себе. Раскрыл свою книгу «Египет и египтяне» и прочитал посвящение и заключение. Им понравилось. Сказал, что приехал учиться, а не учить, изучать обстановку, и потекла откровенная беседа с жаркими спорами.

— *Когда вы решили, что настал час «Х» для революции?*

— Мы не планировали революции. Мы не собирались устраивать революцию, хотя знали об успехе наших тунисских братьев. Мы призвали людей на демонстрацию против ненавистной полиции. Хотели испортить праздник полиции 25 января. Рассчитывали, что на демонстрации выйдут тысяч 40, а вышло больше 200 тысяч. Были жертвы. А дальше стало ясно: народ не хочет Мубарака. 28 января после пятничной молитвы на улицу вышел миллион протестующих и еще несколько миллионов по всей стране. Ненависть вырвалась наружу. А дальше — дело известное. Полиция после нескольких попыток расправиться с демонстрантами разбежалась, а армия была вместе с народом.

— *Каковы ваши задачи?*

— Демократия. Возвращение человеческого достоинства. Возвращение величия Египта. Свобода. Свободные выборы.

— *А почему вы выступили против поправок к конституции, затем против временной конституции, предложенной военными?*

— Нужно было время для обсуждения проекта конституции. Мы не хотели, чтобы в ней сохранилась статья «Ислам — государственная религия, а шариат — основной источник законодательства». Мы были против введения формальной квоты в парламенте — 50% для рабочих и крестьян, — сохраненной со времен Гамалия Абдель Насера.

— *Вы сами надеетесь на успех на выборах?*

— Вряд ли мы получим много голосов. Но у нас формируется два блока «Союз 6 апреля» — он существует уже пару лет — и «Блок революционной молодежи». Стоит задача дискредитировать прежнюю партию власти — Национально-демократическую, конфисковать ее имущество, показать народу, насколько коррумпированы ее члены. О текущей задаче: отправить под суд всех коррумпированных высших чиновников прежнего режима.

— *А как вы относитесь к Ливии?*

— Мы — союзники ливийских революционеров, мы — против диктатора Каддафи.

— *Вы согласны с натовскими бомбардировками страны?*

Некоторые колебания моих собеседников, а затем решительно:

— Если для успеха революции нужен союз с НАТО, пусть будут бомбежки НАТО.

— *А если вы столкнетесь с сопротивлением здесь, в Египте, вы пригласите бомбить Египет натовские самолеты?*

Я намеренно задал провокационный вопрос. Мои собеседники горячо заспорили между собой, до крика, потом пришли к консенсусу:

— Египет — великая страна, она сама справится со своими проблемами. Бомбить Египет не посмеют. У нас самая сильная армия и самое сильное ПВО на Ближнем Востоке. (Про Израиль мои собеседники, конечно, забыли, а о качестве египетской ПВО в сопоставлении с современными требованиями они, видимо, не знали.)

— *Знаете ли вы, что все революции всегда приводили к экономическому упадку? Люди надеялись на немедленное улучшение ситуации, на немедленное улучшение своего личного положения. Но этого не будет.*

Один из них сказал:

— Но ведь коррупционеры перевели за границу десятки миллиардов долларов. Мы их вернем.

— *Простите, — возразил я, — из Африки за 50 лет независимости был незаконно вывезен почти один триллион долларов. Вы знаете, сколько удалось вернуть за многие годы усилий? Один миллиард — одну тысячную часть награбленного.*

Ребята погрустнели. Но потом один из них сказал:

— Но мы же нужны демократическому Западу. Запад нам поможет.

— *Вы не ожидаете контрреволюции?*

— Да, такая опасность есть. Но есть и опасность новой революции, «революции голодных», если экономика не наладится.

Точно такие же слова о возможной «революции голодных» я услышал от одного из руководителей «Братьев-мусульман» Саада Хусейни.

Офис «братьев» в одном из отдаленных районов Каира. Скромное, непритязательное жилище. Охраны почти нет или она невидима. Снуют посетители. Руководители в отутюженных европейских костюмах, с галстуками, бороды аккуратно подстрижены. Речь спокойная и взвешенная. Мы говорили по-арабски, но тут же сидел готовый помочь дипломант Менделеевского института, кандидат химических наук, женатый на русской. Мой собеседник — бывший член парламента созыва 2006—2010 гг. — был официальным представителем фракции «Братьев-мусульман» в том парламенте. В следующий парламент подручные Мубарака не пропустили «братьев», грубо сфальсифицировав выборы.

Беседа была дружеской и откровенной. «Братья» по глупейшему решению нашего суда 90-х годов числятся «преступной террористической организацией». Поэтому у нас с ними — никаких официальных контактов. Президент России Д.А. Медведев только что освободил меня от должности его представителя по связям с лидерами африканских государств. Поэтому я как свободный ученый мог встречаться с кем угодно.

Я полагал, что в какой-то мере был готов к встрече и дискуссии. Я сам писал, что есть ислам и ислам. Ислам разнообразен, многолик и противоречив. Его знаменем могут прикрываться общественно-политические течения самого разного свойства. Есть полуофициальный ислам аль-Азхара — влиятельнейшего богословского университета в Египте; народный ислам мистиков-суфиев; ислам экстремистов-террористов. И ислам самой массовой общественно-политической организации «Братьев-мусульман». Они отвергали идеалы «западников»-либералов и революционеров-националистов, искали ответы на вызовы современности в Коране и сунне (жизне пророка Мухаммеда). Борьба за сохранение ислама — вот главная задача мусульман, считали они. Поэтому нужно сопротивляться империализму, Западу, который хочет разграбить ресурсы мусульманского мира и разрушить ислам.

Когда-то «братья» отвергали политические партии как неприемлемую форму социально-политической жизни мусульманского Египта. Но потом прагматично использовали выборы в парламенте или как независимые, или в союзе с другими партиями. Но, по их мнению, политические партии и демократия в Египте провалились. Парламент формировали из угнетателей народа. Управлять справедливо государством можно лишь на основе шариата, имеющего божественное происхождение, а не на основе законов, созданных человеком. Но демократия может функционировать в рамках исламского законодательства, поэтому обвинять «братьев» в недемократичности — «большая ложь». Ряд экономических мер должен обеспечить благосостояние народа и независимость от иностранного экономического господства. Нужно освободиться от империализма в его различных обликах. Когда-то врагами «братьев» были и коммунисты с их атеистической идеологией, но сейчас о коммунистах просто забыли.

Это краткое резюме отнюдь не охватывает широчайшего спектра взглядов «братьев-мусульман» на все стороны социальной, семейной, политической и экономической жизни. Но как полезно услышать мнение прагматика-«брата», одного из лидеров организации!

— Наконец-то вы пришли к нам, в нашу штаб-квартиру. Мы, «братья», всегда хотели встречаться с русскими и вести открытый диалог, — говорил Саад Хусейни. — Это в интересах России, Египта и всего человечества. Мы помним, как вы помогали Египту и Палестине, мы помним, как вы помогали создавать наши вооруженные силы, строить высотную Асуанскую плотину, возводить заводы, готовить кадры. Мы этого не забудем.

После распада СССР в мире образовалась пустота. Раньше был баланс сил в интересах человечества, а значит — и в интересах арабских стран. Сейчас баланс нарушен. Россия — великая держава, и она должна играть большую роль в мире, в том числе в нашем регионе.

— *А какова ваша позиция в отношении конкретных событий?*

— Напомню, что когда Грузия вела войну в Осетии, а министром обороны Грузии тогда был гражданин Израиля, мы поддерживали Российскую Федерацию, мы поддерживали Россию в войне против Грузии.

Мы приветствуем диалог с русскими в любом формате, или на официальном уровне, или в рамках НПО в интересах двух стран. Но препятствия — с вашей стороны. Мы очень сожалеем, что в России все еще числимся в «черном списке» террористов и преступников. Этого нет нигде в мире, только у вас. Наша организация имеет миллионы членов. Имена, телефоны, наши офисы известны. Мы — террористы? С нашими братьями из ХАМАСа в секторе Газа вы официально встречаетесь, а мы — преступники? Если определять наши позиции, то мы — центристы, мы за то, чтобы принимать «других».

Наши постулаты следующие: упадок нравов в мусульманском мире предполагает неприятие и осуждение «других», вызывает волну экстремизма и терроризма. Мы понимаем, почему рождается насилие. Но мы против насилия, против терроризма, хотя мы за право сопротивляться агрессии и оккупации. Мы осудили теракты 11 сентября в США. Именно мы сдерживаем терроризм в мусульманском мире, поэтому некоторые террористы называют нас «неверными».

Сейчас организации «братьев» существуют в 90 странах в разной форме, иногда участвуют в правительствах. У нас очень много молодежи. Наша задача признавать «других» и выступать за демократизацию, отвергая насилие. Мы — школа будущего.

Резюмирую свои слова: мы хотим больше связи с Россией, мы ждем снятия с нас обвинений в терроризме. Вы уже опаздываете, а кто опаздывает, тот теряет позиции. (К концу беседы мой собеседник поглядывал на часы. В приемной уже сидел новый гость — советник-посланник посольства Германии.)

— *Играли ли «братья» роль в революции?*

— Наша молодежь участвовала в переписке по «Фейсбуку», и мы разрешили молодым «братьям» участвовать в демонстрациях 25 января, причем не только в Каире, но и по всей стране, особенно в индустриальном центре Махалле-эль-Кубре.

А 28 января мы решили, что все «братья» должны участвовать в революции как часть народа, но не выдвигать особые требования. «Свобода! Справедливость! Демократия!», «Мубарака — в отставку!» — это были лозунги всех и в том числе наши лозунги. Вместе с тем, мы выступали против насилия, даже против насилия в отношении полиции. Если бы не наше участие, не обошлось бы без еще больших жертв. Среди демонстрантов были агенты полиции, именно они пытались провоцировать столкновения. Мы считаем, что наша позиция предопределила успех революции, ведь она прошла по всей стране, а не только на площади Ат-Тахрир. Это была революция всей страны, поэтому мы отвергли поддержку, выраженную нам Хасаном Насраллой (лидер ливанской партии «Хезболла». — *А.В.*) и Ахмади-нежадом (президент Ирана. — *А.В.*), которые утверждали, будто в Египте произошла исламская революция. Мы сказали им «нет». Это — революция всех египтян.

— *Каковы ваши планы на ближайшее время и среднесрочные перспективы?*

— Мы должны свалить Национально-демократическую партию. Она погрязла в коррупции, связана с аппаратом, с репрессиями. Партия должна быть распущена, ее собственность конфискована. Мы предполагаем, что они могут изменить название, но мы составим черный список коррупционеров из НДП, чтобы помешать их успеху на выборах под другим названием. Но на местах у них есть крепкие позиции, поэтому многие могут пройти в парламент.

— *Каковы ваши планы по созданию собственной партии?*

— Некоторое время назад была создана партия «Васат» из числа молодых «братьев». Теперь мы создаем массовую Партию свободы и справедливости, чтобы ее зарегистрировать. Может быть, мы создадим свой телевизионный канал и газету. Мы не против закона, запрещающего образование партий по религиозному принципу. У нас будет светская партия. Мы не против участия в ней даже христиан-коптов. Мы не стремимся к созданию теократического религиозного государства. Мы — за гражданское государство, за гражданское правительство. Наша тактика следующая: во-первых, мы не будем выставлять свою кандидатуру на пост президента, но, естествен-

но, будем поддерживать того, программа которого будет близка нашей; во-вторых, мы не будем участвовать в переходном правительстве, хотя участие в будущем правительстве не исключено; в-третьих, мы не стремимся завоевать большинство в парламенте, чтобы никого не пугать. Ведь Мубарак нами пугал Запад, чтобы обеспечить себе западную поддержку. Мы хотим усилить активность политической жизни Египта, не претендуя на монополию власти. 20—30% мест в парламенте для нас достаточно.

— *Как вы оцениваете экономическую ситуацию в стране?*

— Мы знаем, что Египет ждут очень трудные времена, поэтому, в частности, мы не хотим принимать на свои плечи всю ответственность. Экономическое положение ухудшается. Возможна так называемая «революция голодных». Нужно этому помешать путем активной борьбы с коррупцией. У многих есть наивные надежды — вернуть деньги, украденные коррупционерами, переведенные в западные банки, а потом раздать эти деньги. Все это нереально. Нужно создавать условия для гармоничного экономического развития. Мы надеемся, что выборы будут честными, и в парламенте мы сможем отстаивать свои принципы.

— *Если обратиться к международным делам, каковы ваши внешнеполитические установки?*

— Мы считаем Иран мусульманским государством. У нас общие интересы. Правда, мы против их методов экспансии. Мы против некоторых положений шиизма. Но мы хотим строить мосты сотрудничества с Ираном, мы готовы к этому сотрудничеству. Отношения с Саудовской Аравией мы считаем очень важными. Египет и Саудовская Аравия — это два столпа арабского мира. Есть сотни причин для сотрудничества с мощной саудовской экономикой. «Братья-мусульмане» во времена Насера бежали в Саудовскую Аравию и работали там, преподавали. Мы любим эту страну, там находятся две главные святыни ислама.

— *Вы можете изложить вашу позицию по вопросу о возможном производстве ядерной бомбы в Иране?*

— Об этом много говорят, но сейчас почему-то не говорят о том, что у Израиля больше 200 ядерных боеголовок. Если они

откажутся от них, то и мы также откажемся. Но мы против израильской монополии в регионе на ядерное оружие. Мы хотим развивать мирный атом. А обвиняют в чем-то Иран. Израиль уже наносил удары в Ираке и Сирии по атомным объектам. Говорят о возможности таких же действий в отношении Ирана.

— *Как вы относитесь к будущим отношениям с Израилем?*

Мой собеседник попеременно употребляет термины — то «сионистское образование», то «Израиль».

— Мы уважаем мирные договоры, заключенные Египтом. Но с «сионистским образованием» — дело особое. Есть три варианта. Первый — полностью отменить мирный договор. Второй вариант — оставить его в неизменном виде. Третий вариант, за который мы выступаем, — предложить народу обсудить содержание договора после выборов. Пусть говорят все. После этого провести референдум или голосование в парламенте. Мы будем выполнять волю большинства народа. Если народ решит изменить договор, будем вести переговоры.

Мы оба понимали, что мой собеседник озвучивал тезисы, предназначенные для передачи российскому руководству. Возможно, что в других обстоятельствах некоторые акценты были бы расставлены по-другому.

...Прошло полгода, и мы снова встретились. Я прилетел тогда из Саудовской Аравии сразу после трагических событий у здания телевидения. В Эр-Рияде все казалось спокойным, а Каир кипел. Копты протестовали против разрушения церкви в районе Асуана. Произошли столкновения с военными. Было убито два с половиной десятка демонстрантов и примерно десять военнослужащих. Египет содрогнулся. Из груди большинства вырвался крик на экраны телевизоров, на страницы газет: «Не допустим раскола страны! Не допустим межконфессиональной розни!» В одной из газет рисунок: плачущая мать-родина, а у ее колен умирают в крови два ее сына — мусульманин и христианин.

Никто толком не объяснил, что произошло, кому это выгодно. На своей пресс-конференции представитель Высшего

совета вооруженных сил валил все на какую-то «третью силу», на необозначенных «провокаторов». Копты обвиняли военных. Мой собеседник Саад Хусейни неопределенно говорил о «проблемах Израиля». Я предположил, что у всех просто сдали нервы: военные были не готовы исполнять функции полицейских, а копты не могли сдерживать гнева.

Мы встретились с Саадом Хусейни в городе-спутнике 6 Октября, в полдвенадцатого ночи. Мой собеседник выглядел усталым, занятый почти круглые сутки на митингах и собраниях, еще более уверенным, чем на прошлой встрече.

— Мы создали объединение «Демократический альянс» во главе с нашей Партией свободы и справедливости. В него входит почти сорок других партий и организаций. Победа на выборах обеспечена.

— А уступят ли военные власть?

— Дело военных защищать родину и не вмешиваться в политику. Они должны вернуться в казармы. Мы не допустим, чтобы военные отменили или отложили выборы в парламент.

Мой собеседник спросил меня, когда же в России отменят решение суда, объявлявшее «братьев» «террористами и преступниками». Не мог же я сказать, что высшему руководству России, занятому своими выборами, было не до Египта. Но все-таки пытался оправдаться:

— Мы же установили официальные контакты с вашим политическим крылом — Партией свободы и справедливости. Интервью с ее лидерами корреспондента нашего журнала «Азия и Африка сегодня» будет опубликовано в ближайшем номере.

Сомневаюсь, чтобы Саад Хусейни был удовлетворен моим ответом.

Другая встреча с аналитиком и журналистом из другого лагеря Имадом Гаадом произошла в Центре стратегических исследований газеты «Аль-Ахрам». Со времен Мухаммеда Хасанейна Хейкаля — друга президента Насера — «Аль-Ахрам» была крепостью египетских интеллектуалов, имеющих западное образование. Сам Гаад, копт, демократ, либерал, был как бы неофициальным представителем «Блока Египет», который

объединил либералов, светские партии, левых. К ним примыкали представители туристского бизнеса, опасавшиеся за свое будущее, умеренные исламисты. Мистика ислама — суфии, противники салафитов, а также значительная часть «Интернет-молодежи».

Наш собеседник был настроен решительно против «братьев», надеялся на успех «Блока Египет» на выборах. Но на прощанье он с горечью сказал:

— Нужно еще лет пятьдесят, чтобы в Египте установилась настоящая демократия.

«Да, прав он, — подумал я. — Но решать это самим египтянам. Они должны попробовать власть исламистов».

И была еще одна встреча — с лидером левой партии Ата-Тагаммуа Рифатом Саидом. Бывший коммунист, проведенный в насеровских тюрьмах и концлагерях, где его били и пытали, полтора десятка лет, когда-то рассчитывавший на поворот Египта влево в сотрудничестве с СССР, он остался блестящим аналитиком, но мрачноватым скептиком:

— Сейчас резко растет влияние салафитов, особенно среди неграмотного населения. Их щедро субсидируют Саудовская Аравия и другие монархии Залива. Идеологически они — родные братья. Чтобы не потерять электорат в их пользу, «братья-мусульмане» вынуждены дрейфовать вправо. Ожидать успеха просвещенных интеллектуалов за пределами Каира и Александрии просто невозможно. Да и здесь они в меньшинстве. В Египте нет или почти нет демократических и светских традиций. Египет — не Турция. У нас даже армия пронизана происламистскими настроениями.

— Но армия обеспечивает безопасность.

— Да, безопасность нужна для нормального функционирования государства. А сейчас в условиях разрушения государственных структур такой безопасности нет, особенно за пределами Каира. Скажем, в Верхнем Египте люди вооружаются для самозащиты. Военные не годятся для выполнения полицейских функций.

— Уйдет ли армия в казармы?

— Сомневаюсь. Кто же добровольно отдаст власть? Может быть, обстоятельства заставят.

* * *

К ситуации в Египте — центральной арабской стране — будем возвращаться вновь и вновь. Мы писали о событиях по свежим следам. Но прошел год с их начала. Что-то прояснилось, что-то запуталось еще больше, что-то меняется, что-то идет по кругу. И не забудем: семь месяцев арабский мир жил под грохот натовских бомбежек Ливии. Попробуем же взглянуть на регион в целом, на действующих лиц революций, на их внутренние и внешние факторы, на позиции США и Израиля, на специфику от страны к стране.

Глава II

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ. СЛЕДСТВИЯ

Цунами революций и движений протеста в Северной Африке и на Ближнем и Среднем Востоке коренным образом изменило геополитические реалии не только этого региона, но воздействует на международную обстановку в целом. Дело даже не в том, что волнениями были охвачены арабские страны также «к востоку от Суэца». От событий в северной части континента не могут быть иммунизированы как страны, лежащие к югу от Сахары, так и государства северного пояса Ближнего и Среднего Востока и даже Европы. Причина революций, их характер, движущие силы, внешнее воздействие, методы, результаты требуют серьезного и непредвзятого подхода именно для того, чтобы представить себе будущий виток исторического развития отнюдь не только на Ближнем и Среднем Востоке и не только в других развивающихся странах.

Революции и протестные движения в арабском мире воздействуют на мировые энергетические рынки, заметно выросли цены на нефть. Правда, наиболее важное значение имеет ситуация в Саудовской Аравии и Иране — этих самых крупных экспортеров углеводородов, — а там сохраняется стабильность. Совокупный экспорт Алжира и Ливии равен иранско-

му, поэтому конфликты в этих странах тревожны для мировой энергетики, но не критические.

Выработка стратегии по отношению к революционным событиям в регионе, главном нефтедобывающем регионе планеты, стоит на повестке дня внешней политики США и других стран НАТО, а также России и Китая. Существенным образом может измениться геостратегическое положение Израиля и процесс арабо-израильского урегулирования.

Среди причин революций обычно называют несколько:

- кризис авторитарной модели власти и репрессивно-полицейских режимов, оказавшихся неспособными адаптироваться к новым условиям общественного развития;

- отсутствие системы смены лидеров;

- блокировка режимами попыток сформировать основы гражданского общества, их неспособность и нежелание проводить эффективные реформы;

- чудовищную коррупцию;

- разрыв между «верхами» и «низами», между богатыми и бедными;

- высокий уровень безработицы;

- противоречия между ожиданиями, порой завышенными, образованной молодежи и отсутствием возможностей для их реализации;

- отсутствие демократических прав и свобод;

- воздействие роста цен на продовольствие.

Вместе с тем отметим: революции охватили эти страны не потому, что там была самая страшная бедность в мире. Глинобитные трущобы Каира утыканы телевизионными антеннами. В домах есть электричество и нередко вода, а дети почти все ходят в школу. Ситуация в Тунисе еще лучше, а о Ливии и говорить не приходится.

Не потому, что они были голодными. В среднем даже египтянин получал калорий выше общепринятой нормы, благодаря субсидированным ценам на лепешки, растительное масло, сахар, хотя, конечно, без европейской доли в диете мяса, овощей, фруктов, молока.

Не потому, что в этих странах был экономический застой. Наоборот, средние темпы прироста ВВП в Египте в нашем

веке — 5—7% в год (около 4% даже в кризисный 2009 год) — были выше мировых, хотя и ниже китайских или индийских. Достигнутый уровень — примерно 6 тысяч долларов на душу населения в год (по ППС) — выглядит неплохо.

Не потому, что в Египте или Тунисе были самые деспотичные и репрессивные режимы на земле. Были и есть режимы много хуже и страшнее. В Египте и Тунисе все же существовала оппозиционная пресса, была развита система адвокатуры. Хотя были и произвольные аресты, и пытки в тюрьмах и концлагерях.

(По общепринятым стандартам, ливийский режим был более репрессивный. Это — одна сторона дела. Но, с другой стороны, он уделял больше внимания решению социальных проблем.)

Не потому, что Египет, Тунис или Ливия стали чемпионами по коррупции. В этих странах была чудовищная коррупция. Но в списке самых коррумпированных стран они находились где-то в середине. Хотя заранее оговоримся, что общепризнанных критериев определения уровня коррупции не существует.

Несомненно, что социальную напряженность усилило всемирное повышение цен на продовольствие. Это было вызвано как плохими погодными условиями в некоторых государствах — основных производителях продовольствия, так и перераспределением части продовольственных культур на производстве биотоплива, а также повышением спроса на высококачественное продовольствие в развивающихся гигантах — Китае и Индии.

Но почему же произошли революции и массовые волнения именно в 2011 году, то есть здесь и сейчас?

Очень существенная составляющая часть кризиса — демографическая. Ученые называют ее «молодежный бугор». В чем его суть? 20—30 лет назад, благодаря успехам медицины, резко снизилась детская смертность. Но фертильность женщин — то есть количество рождений на каждую женщину — временно оставалось прежней. Снижение рождаемости происходило, но отставало от снижения смертности. И к настоящему времени в арабских странах до 40—50% населения составляют молодые люди в возрасте 15—30 лет. Наиболее пассионарную,

нетерпеливую и решительную часть населения составляют молодые люди 20—29 лет.

«Быстрый рост [удельного веса] молодежи может подорвать существующие политические коалиции, порождая нестабильность, — отмечает американский исследователь Дж. Голдстоун, — Большие когорты молодежи зачастую привлекают новые идеи или гетеродоксальные религии, бросающие вызов старым формам власти. К тому же поскольку большинство молодых людей имеют меньше обязательств в плане семьи и карьеры, они относительно легко мобилизуются для участия в социальных или политических конфликтах. Молодежь играла важнейшую роль в политическом насилии на протяжении всей письменной истории, и наличие «молодежного бугра» (необычно высокой пропорции молодежи... в общем взрослом населении) исторически коррелировало с временами политических кризисов. Большинство крупных революций... — [включая и] большинство революций XX века в развивающихся странах — произошли там, где наблюдались особо значительные молодежные бугры».

Отметим, что в Латинской Америке наиболее отчетливый «молодежный бугор» приходился на 70—80-е годы прошлого века, что и совпадало с пиком социально-политических волнений. В арабских странах «молодежный бугор» спадет через 5—7 лет. Критически опасная масса протестов в сочетании с другими обстоятельствами пришлось именно на 2009—2012 годы.

Быстрый рост общей численности молодежи требует кардинально увеличивать создание новых рабочих мест, что представляет собой очень сложную задачу. Всплеск же молодежной безработицы имеет особо мощный дестабилизирующий эффект, создавая армию потенциальных участников для всевозможных политических, в том числе революционных потрясений.

Мало того, из деревни, где традиционно высока рождаемость, избыточное население выдавливается в города. Рост производительности труда в сельском хозяйстве дает дополнительный стимул для выталкивания «излишнего» населения. Напряженность создается именно в крупных городах, где усиливается безработица, увеличивается количество недоволь-

ных, создается пояс трущоб. В города из деревни переезжает обычно молодежь.

Само достаточно быстрое развитие экономики в тех или иных странах не гарантирует стабильности, потому что сопровождается ломкой прежних социальных устоев, переливанием рабочих из одного сектора деятельность в другой, столкновением традиционного или неотрадиционного мышления и поведения с новыми ценностями, которые приходят в основном с Запада. Простые проценты прироста ВВП отнюдь не означают создание или укрепление социальной стабильности. Экономике, чтобы выдержать конкуренцию современных секторов, требуется развитие новейших технологий, где более высокий уровень квалификации и меньшее количество рабочих рук. Исчерпывается экстенсивный потенциал экономического развития, и он не успевает заместиться на интенсивный наукоемкий потенциал.

Как правило, политические режимы в своей эволюции запаздывают с изменениями социальных и экономических структур.

Масса молодежи, в отличие от прежней эпохи, как правило, — образованные или полуобразованные люди. У них велики социальные амбиции, но мало амуниции. Телеканалы на арабском языке «Аль-Джазира», «Аль-Арабийя», исповедовавшие западные ценности в арабской оболочке, действовавшие по западным стандартам, давали свое видение мира. А работы-то не хватало. А зарплаты были низкими, если вообще были. А денег на калым и женитьбу не хватало. Скапливалась критическая масса протестного взрыва почти во всех арабских странах.

Специфика от страны к стране

Если взять арабские страны, охваченные революциями и волнениями, мы обнаружим в каждой из них свои специфические черты.

Наиболее «спокойно» развивалась обстановка в Тунисе. За несколько месяцев политическая напряженность несколько снизилась. Руководство «Всеобщего союза трудящихся Туниса» было удовлетворено принятием решений о приостановке действия ряда положений конституции и проведении выбо-

ров в Национальное учредительное собрание (высший орган законодательной власти). Вернувшись из эмиграции исламисты резко активизировались.

На этом фоне силы внутренней безопасности при поддержке подразделений национальных вооруженных сил стали задерживать бежавших из мест заключения преступников и изымать у населения оружие и боеприпасы.

Из революции и последовавшей за ней нестабильности максимум успеха извлекли исламисты. У них была широкая социальная база. Они и победили на выборах 28 октября 2011 года, прошедших в свободной обстановке. Ими в союзе с двумя партиями было сформировано правительство.

На данном этапе сложно предсказать, как в Тунисе будут дальше развиваться события. Социальные проблемы не решены. Растут цены на продовольствие. Безработица не уменьшилась. Десятки тысяч людей бегут в Европу, которая страшится наплыва нелегальных иммигрантов.

О Египте нужно опять-таки поговорить особо, вспомнив недавнее прошлое. Мы говорили об основных компонентах революционной ситуации. Остановимся на некоторых из них.

Разрыв между богатством и нищетой существовал в Египте пять тысяч лет. Но современные египтяне знали, КАК становились сверхбогатыми людьми: благодаря приватизации наиболее лакомых кусков государственной собственности, получению почти бесплатных земель для будущего развития, привилегированных займов государственных банков, доступу к государственным заказам, появлению совместных предприятий с иностранными корпорациями.

Около 40 процентов населения жили на один-два доллара в день, питались лепешкой с бобами, а «элита» строила для себя виллы с полями для гольфа, со всеми услугами и службами, которые имеют привилегированные классы на Западе, воздвигала дворцы на побережьях Нила, Красного и Средиземного морей. Каждый год на трудовой рынок Египта выбрасывалось 700 тысяч новых рабочих. Большая часть из них работу не получала. Формально безработица составляла 10—15% населения, фактически — больше. Достаточно развитая система

высшего образования, качество которого падало из года в год, выпускала десятки, а то и сотни тысяч молодых людей, получивших дипломы, кое-какие знания и имевших амбиции, но не нашедших работы. Молодые люди, получившие образование или полубразование, мечтали о собственной автомашине, о возможности жениться, о собственном жилье.

Телевидение показывало египтянам чужую красивую жизнь, достойное существование, уважаемых людей, свободу, а собственного будущего у них не было. Экономическое положение народа очень медленно менялось к лучшему, либо стагнировало.

На все накладывалась коррупция сверху донизу. Любая бумажка в государственном учреждении, получаемая из рук мелкого чиновника, могла стоить 50—100 фунтов при зарплате текстильщика 350 фунтов в месяц (1 доллар был равен примерно 5,9 египетского фунта). Взятки на высшем уровне исчислялись миллионами и десятками миллионов фунтов. Предприниматели и чиновники делали колоссальные деньги «из воздуха» с помощью финансовых операций. Таким образом «распиливались» огромные государственные средства и делились между «жирными котами» и чиновниками. Миллиардеры проникали в парламент, высшие эшелоны кабинета министров. Правительственные чиновники, уходя со своих постов, оказывались во главе гигантских корпораций, которые ворочали сотнями миллионов и миллиардами фунтов. При этом население оставалось погруженным в заботу о лепешке. Любой протест подавлялся. Более 30 лет сохранялся режим чрезвычайного положения.

Произведенные аресты и пытки через социальные сети, с помощью информационных технологий, становились известными обществу. Грубая фальсификация выборов вызывала отращение к власти.

Немногочисленные зародышевые либеральные организации — «Кифайя», созданные на его базе «Движение 6 апреля», а также группы «Молодежь — за перемены», «Аль-Гад», женская группа «Улицы — наши» не переросли в массовые партии. Но их след в сознании образованной молодежи остался.

С учетом всех этих компонентов, очень важен стал психологический настрой наиболее активной, молодой части населения.

Дело в том, КАК воспринимали египтяне свое положение. Существующий порядок вещей стал невыносимым, хотя десятилетия и десятилетия главной мудростью египтянина была максима: «терпение — добро!» Терпи унижения, терпи безработицу, терпи скандальный разрыв между богатыми и бедными, терпи несправедливость и произвол судей, чиновников, полицейских. Терпи невозможность реализовать свои таланты. Не протестуй. Да воздастся тебе в другом мире за твою добродетель и терпение в этом мире.

А уровень образования быстро рос, а спутниковые каналы показывали достойную, красивую, свободную жизнь. А Интернет и мобильные телефоны стали доступны миллионам. А люди знали и видели, что небелые, неевропейцы — японцы, корейцы, а затем и китайцы — поднимались все выше, жили все лучше. А арабская нефть и арабский газ куда-то утекали.

Как же так? Мы же — древнейшая цивилизация на земле! Мы — умм ад-дунья — то есть мать мира! У нас же лучшая в мире религия — ислам. На нашем, на арабском, языке ниспослан великим Аллахом на землю Коран!

И внутри, в сердце, в мозгу нарастал крик «Хватит!», который до времени не выплескивался наружу.

Выплеснулось. Люди вышли на улицы и площади. Жертвы от рук полиции раскалили ненависть к режиму добела. Крик в адрес президента Мубарака: «Уходи!!!» стал всеобщим.

Революция свершилась. Или как бы свершилась?

О том, что происходило в Египте после революции было сказано в предыдущей главе. Поэтому ограничимся лишь схематичным описанием событий, которые привели к выборам в парламент и триумфу исламистов.

Высший совет вооруженных сил Египта объявил о проведении парламентских выборов в три этапа по трем регионам страны, начиная с конца ноября 2011 года, а затем и президентских выборов. Две трети членов парламента должны избираться по партийным спискам, треть — как независимые кандидаты. Обещания, данные населению, частично выполня-

лись. Была распущена правящая партия НДП, проведен референдум по изменению антидемократических статей в конституции, арестованы влиятельные коррупционеры, в том числе из высших эшелонов власти, начаты против них процессы, кое-кто из них был осужден на длительные сроки.

В соответствии с конституционной декларацией, президент Египта будет избираться на четыре года не более двух сроков подряд. При этом он обязан назначить вице-президента в течение 60 суток после своей инаугурации. В законе закреплено право народа на проведение мирных санкционированных протестных акций и гарантируется свобода слова. Декларация будет действовать до утверждения новой конституции Египта вновь избранным парламентом и проведения общенационального референдума по ее принятию.

Независимо от результатов выборов армейское руководство стремилось оставить за собой функции гаранта устойчивости управления страной и не планировало проведения коренных изменений в вопросах государственного устройства. Но брать на себя всю ответственность было рискованно в условиях нарастающих экономических проблем, роста преступности, требований западных стран провести реформы и демократизацию.

Опасность экономического хаоса, ухудшение безопасности, социальных волнений и конфессиональных междоусобиц вполне была реальной. Уже упоминалось о том, насколько египетское общество потрясли кровавые столкновения между коптскими демонстрантами и армией 9 октября 2011 года у здания телевидения. Новые столкновения с десятками жертв произошли после объявления военными намерения сохранить контроль над страной и после выборов. Высший совет вооруженных сил сделал шаг назад. Было сменено правительство. «Братья-мусульмане», которые шли к победе на выборах, предпочли не поддерживать протестующих, чтобы не сорвать голосование.

Давление снизу нарастало: народ хотел быстрее получить хоть какие-то материальные дивиденды от революции, в то время как и финансовые средства, и лимиты для новых популистских мер были исчерпаны.

Реальные доходы населения уменьшались. Хрупкую социальную стабильность поддерживали субсидии на лепешки, растительное масло, сахар.

Революция вернула людям человеческое достоинство и свободу. А как с социальными достижениями? Их пока не было, и они не предвиделись. И вот на волне народной революции начались массовые забастовки от Александрии до Асуана. Они были формально запрещены военными, но продолжались в других формах.

Многие обозреватели считали, что прежний революционный потенциал в Египте, как и в Тунисе, был исчерпан. Нужно было говорить уже о контрреволюционных мерах новых властей, направленных на сдерживание требований масс. В условиях нарастающего хаоса, завышенных ожиданий, когда толпа почувствовала свою силу, реформы не приводили к желаемым целям. В обществе чувствовалась тоска по сильной руке, по сильному лидеру для стабилизации обстановки.

Но пока общенационального лидера не было, исламисты усиливали свое влияние. Салафиты действовали через свое политическое крыло — партию «Аль-Нур». Они были обязаны включить в свои списки кандидатов — женщин, но вместо их портретов поместили цветочки.

Особняком стояла старейшая политическая партия Египта Вафд. На фоне многих десятков новых, никому неизвестных организаций, ее название было на слуху. Любой египтянин, мало-мальски знакомый с историей Египта в XX веке, знал, что она была лидером революции 1919 года. Ее нынешнее руководство осторожно маневрировало: она состояла в «Демократическом альянсе» вместе с «братьями», но вышла из него, сохранив с ними точки соприкосновения; одновременно ее старые либеральные традиции позволяли ей находить общий язык с другими светскими партиями.

Серьезной силой были члены распущенной Национально-демократической партии. Она была запрещена, ее имущество конфисковано. Но на местах, особенно в Верхнем Египте, оставалось немало ее сторонников с широкой электоральной базой, местные влиятельные политики, землевладельцы, предприниматели. Их отношения с режимом Мубарака строились

как бы на «договорной основе»: мы поддерживаем тебя, ты помогаешь нам. Они выступали и как независимые кандидаты, и как члены новых политических партий.

На первом этапе выборов «братья-мусульмане» и их союзники получили 49%, партии салафитов неожиданно вышли на второе место с 20%, Вафд — 11%, «Блок Египет» — едва набрал 10%.

Таковы были реалии Египта.

Волна арабских революций докатилась до Ливии и переросла в гражданскую войну между оппозицией и сторонниками режима полковника Муаммара Каддафи, сопровождаемую иностранным военным вмешательством.

Важно отметить, что среди причин волнений не называют стремление «получить кусок хлеба с маслом». В Ливии не было нищеты, правительство строило кварталы дешевого и вполне приличного жилья, было доступным образование и медицинское обслуживание, пособия по безработице. Пустынная огромная страна с населением 6,5 миллиона человек была покрыта прекрасными дорогами. На базе источников подземных вод была построена целая искусственная река. Имея самые крупные в Африке запасы нефти, Ливия была третьей по размерам производителем на континенте, а ВВП составлял около 12 тыс. долларов на душу (примерно как в России).

В результате быстрого демографического роста молодое поколение Ливии составляет 40—50 процентов населения. Почти все они живут в городах. По данным официальной ливийской статистики, уровень безработицы среди граждан Ливии в 2009 год составил 20,7%, т.е. оказался формально самым высоким среди всех стран региона. Молодежь получила образование, но с работой были проблемы. Рос накал неудовлетворенных желаний, чаяний, надежд, амбиций. Рабочих мест хватало, но они были не престижны и низкооплачиваемы. Их занимали иммигранты — около миллиона — полутора миллионов человек из разных стран, в основном египтяне. Они не бунтовали — они приехали на заработки — и не находили общего языка с недовольной ливийской молодежью.

Молодежь — точнее ее значительная часть — не верила в лозунги режима, была возмущена растущей коррупцией, ос-

корблена полицейским произволом, информационной закрытостью страны. Поведение Каддафи, его форма правления их не устраивали.

Когда Тунис и Египет показали успешные примеры свержения прежних правителей, часть молодежи, объединенная информационными технологиями, вышла на улицы. Знамя восстания подхватили организации исламистов, различные группировки недовольных светскими устремлениями Каддафи.

Важно отметить, что на первом этапе наибольший успех у восставших бы в восточной части страны — Киренаике — оплоте суфийского ордена сенуситов, оппозиционной власти. Ведь свергнутый 42 года назад ливийский король был главой этого ордена. У восставших появились прежние королевские флаги.

В Бенгази был создан аморфный Переходный национальный совет.

Раздавались призывы создать в Киренаике режим халифата. В Ливии вспыхнула гражданская война.

Каддафи ответил мобилизацией своих сторонников — из армии, полиции, верных племен, наемников, отрядов «своих» ополченцев. Появились первые убитые, затем восставшие захватили оружие на разгромленных полицейских участках и военных базах, вооружились. В столкновениях стали гибнуть десятки и сотни людей.

Стоит отметить достаточно жесткий национальный характер ливийцев — готовность сражаться. Ведь итальянцы потратили в начале прошлого века почти 20 лет на завоевание этой страны. Образцов для подражания у Каддафи было много. В своей речи 22 февраля он ссылаясь и на американское вторжение в Ирак для насаждения там «демократии», и на израильскую расправу с сектором Газа, и (увы! для нас) на расстрел российского парламента по приказу Бориса Ельцина.

Проправительственные войска, имея на вооружении тяжелую технику, танки, самолеты, вертолеты, начали контрнаступление и подошли к оплоту восставших — второму по величине городу Бенгази. Руководитель ЦРУ США заявил, что силы, верные Каддафи, «победят».

США и страны НАТО рассчитывали на возможность повторения египетского или тунисского вариантов и в Ливии. Но,

оказалось, что позиции существующего режима гораздо прочнее, чем в Египте и Тунисе. Поэтому когда встал вопрос о возможной военной победе сил Каддафи над оппозицией в разгоравшейся гражданской войне, США и страны НАТО приняли решение оказать оппозиции вооруженную поддержку авиационными и ракетными ударами. Это было сделано на основе резолюции 1973 Совета Безопасности ООН, которая, впрочем, «исключает иностранные оккупационные силы в любой форме в какой-либо части ливийской территории». Толкуя расширительно резолюцию 1973 Совбеза, вооруженные силы НАТО более 7 месяцев с помощью авиационных (более 10 тысяч бомбежек!) и ракетных ударов расчищали путь к военной победе повстанцев. Действия авиации НАТО координировали спецподразделения, направленные из Великобритании и Франции.

Участвовать в войне против сил Каддафи согласились ОАЭ и Катар, направив туда несколько своих самолетов. Поддержать переходный совет в Бенгази согласилась Саудовская Аравия и Египет.

Авиа- и ракетным ударам подверглись ливийские ПВО, флот, тяжелая боевая техника, командные пункты. Была организована «охота» лично на Каддафи с воздуха в надежде, что смерть лидера покончит с режимом. «Охота» завершилась через семь месяцев его убийством. Он был ранен в результате авиаудара НАТО в своем последнем оплоте — городе Сирте и захвачен в плен. Его буквально растерзали под наведенными видеокамерами, а потом захоронили тело где-то в пустыне.

Оппозиционеры, в рядах которых немало крайних исламистов, захватили большие склады оружия. Есть данные о его утечке и передаче в руки ячеек «Аль-Каиды» в других странах.

Благодаря своевременно принятым прежним руководством Ливии мерам, удалось сохранить значительное количество боевой техники различного назначения, в том числе пусковые установки оперативно-тактических и тактических ракет, танки, самолеты, вертолеты. Этому способствовало выведение их из-под воздушных ударов, рассредоточение в жилых кварталах городов, использование маскировки. Кроме того, для сокращения потерь в живой силе и военной технике подразделения сухопутных войск практически отказались от применения

в ходе наступления тяжелых видов вооружения и перешли к использованию автомобилей повышенной проходимости.

Наступление повстанцев и ведение ими полномасштабных боевых действий против группировки вооруженных сил М. Каддафи даже при интенсивной огневой поддержке авиации многонациональных сил затянулось на многие месяцы. Негативно сказывалось отсутствие поддержки действий ПНС и резкое осуждение иностранного военного вмешательства значительной частью местных племен и кланов.

Но в конце концов первая фаза борьбы завершилась поражением сил, верных Каддафи, и крушением его режима. ПНС стал реальным и международно признанным правительством Ливии. Но многие задаются вопросом: а не создан ли с помощью НАТО политический монстр, с которым его западные спонсоры просто не справятся?

На подконтрольной ПНС территории активизируют свою деятельность экстремистские группировки. В частности, «Аль-Каида исламского Магриба» наладила контрабанду попавших в руки ливийских мятежников вооружения и боеприпасов в Египет, Тунис, Судан, Алжир, а также в кризисные районы за пределами Ближнего Востока и Северной Африки.

Значительная часть представителей вооруженной оппозиции (по некоторым данным 15—25%) прошли подготовку в тренировочных лагерях исламистов в Афганистане и Пакистане, принимали участие в боевых действиях в Ираке. Вместе с тем силы «Аль-Каиды» активной открытой роли в ливийских событиях не играли. Исламисты занимали выжидательную позицию и выстраивали свою деятельность в зависимости от складывавшейся обстановки. Не исключено, что после победы ПНС они постараются усилить свои позиции в рамках новой власти.

Переходный национальный совет под аплодисменты западных спонсоров говорит об «установлении власти закона», «строительстве демократического государства», «установки политического плюрализма». Но в реальности нет сил, которые могли это осуществить. Страна не имела институтов гражданского общества, да и реально действующих государственных структур. Создать это десятком декретов невозможно.

Власть Каддафи базировалась на кооптации племен во власть, и проблема взаимоотношений между племенами будет в значительной степени определять будущее страны при новом режиме. Был сложный баланс веса племен во власти, в экономических доходах, в распределении стипендий на учебу и т.д. Ливийские лидеры приходили во власть отнюдь не в результате выборов. Племенные связи играли и будут играть важнейшую роль в условиях, когда не было и нет других институтов.

Если рассматривать вероятность распространения революционных перемен на другие арабские страны, то в первую очередь речь пойдет о Сирии, Алжире и Йемене.

18 марта 2011 года огонь распространился на Сирию, и с тех пор не мог быть потушен, хотя Асад утверждал, что Сирия — «это не Египет и не Тунис», а его режим в отличие от режимов Мубарака и Бен Али пользуются поддержкой сирийских граждан благодаря своей сильной антиизраильской и антиамериканской позиции.

В Сирии не было такой крайней бедности, как в Египте, но недовольство нарастало. В Сирии много университетов и, как в Египте, выпускники часто не имеют работы. Молодое поколение было частично деполитизировано. Кровавые войны в Ливане и Ираке убеждали многих, что стабильность и безопасность — это то, что не стоит разрушать. Но демографические проблемы, высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи, коррупция, полицейский произвол создавали антиправительственные настроения. Экономическая либерализация позволяла делиться доходами между элитой алавитов[□] и суннитов, но трения сохранялись. Сам Асад сравнительно молод — ему 45 лет, он подавал себя как антизападного и, конечно, антиизраильского лидера. В Сирии многие рассматривали падение Мубарака как свидетельство краха проамериканского президента, ставшего союзником Израиля.

Судя по тому, как развиваются события в Сирии, устойчивость режима Асада поставлена под большой вопрос. Все социально-политические причины, вызвавшие взрыв в Тунисе и Египте, явно присутствуют и в Сирии. Причем подспудно зрели они давно. Триада баасистской идеологии — единство, свобода и социализм — потеряла свою мобилизующую роль и

привлекательность в арабском мире. Монополия партии БААС на власть также стала анахронизмом для населения страны, открытой для внешнего мира и с довольно высоким образовательным уровнем. Потеряв идеологический ореол, режим партии БААС терял и социальную опору, приобретая все более открытый конфессиональный (алавитский) характер. Узость властной базы компенсировалась усилением роли репрессивного аппарата и клановых связей среди алавитского меньшинства. Режиму удалось на время сохранить преданность армии и сил безопасности.

В Сирии киберактивисты призывают к продолжению протестов.

Смести баасистский режим пока, на декабрь 2011 года, не удалось, но основы его подорваны.

В стране созданся порочный круг: протесты, насилие, новые протесты, растущие вооруженные столкновения между противниками и сторонниками режима. На все накладывается яростная информационная война, которую ведут против баасистского режима телеканалы «Аль-Джазира», «Аль-Арабийя» и другие, при поддержке почти всех телеканалов в арабских странах, печатных СМИ. Все они подталкивают страну к гражданской войне. На сторону оппозиции встали правительства стран Запада и монархии Персидского залива.

До сих пор, на декабрь 2011 года, нет ответа на вопрос, справится или нет с революционными волнениями Башар Асад, даже если предположить, что израильские и американские спецслужбы пока (!) не работают против него. У арабских революций своя логика и своя динамика. А сирийские «братья» не забыли, как в 1982 году Хафез Асад (отец нынешнего президента) утопил в крови с тысячами жертв восстание «братьев» в городе Хаме. У наследников того восстания свои счеты и с алавитами — костяком правящей партии, офицерства и генералитета, и с семейством Асада, и с его окружением. Ясно, что почти бескровные египетские или тунисские варианты в Сирии не пройдут. А представители «интернет-молодежи», сидящие в Ливане или Иордании через сеть социальных связей, гнут свою линию — «Долой баасистский режим!».

В ответ — массовые репрессии с участием армии. Уравнение со многими неизвестными...

Социальные волнения перекинулись на Алжир. Люди требуют работы, улучшение условий труда и более высокие зарплаты. Есть некоторая опасность превращения социального протеста в политический. Элементы демократии существовали и существуют в Алжире. Но ведь в свое время, всего лишь 20 с небольшим лет назад, когда страна стояла перед реальной угрозой захвата власти исламистами через урны для голосования, произошел военный переворот. Все, кто находится у власти, должны учитывать мнение командования армии. В Алжире в 90-е годы прошлого века и в первые годы нынешнего фактически шли военные действия между правительственными войсками и исламистами. За 10—15 лет ползучей гражданской войны в Алжире, по некоторым данным, были убиты почти 100 тысяч человек. С тех пор в стране действует режим чрезвычайного положения. Отмена его — одно из требований демонстрантов.

В отличие от Сирии алжирский режим имеет больше резервов, в первую очередь финансовых. Президенту Бутефлике удалось придать военной власти фасад демократичности. Армия в Алжире остается более монолитной, чем в Сирии или в Йемене и по-прежнему является гарантом стабильности. К тому же у алжирцев за время борьбы с исламистским терроризмом (с 1992 г.) накопился значительный опыт противодействия антирежимным акциям. Светская оппозиция разобщена. Пока военные контролируют ситуацию, смена власти там демократическим путем вряд ли возможна.

В то же время алжирские власти быстро отреагировали на вспышки массовых волнений, приняв комплекс социальных и политических мер, призванных сбить протестную волну, вызванную «эффектом домино» из Туниса и Египта. Отменен действовавший с 1992 года закон о чрезвычайном положении. Расширен доступ к независимым средствам массовой информации. Выполняются программы по повышению уровня жизни населения, ликвидации безработицы среди молодежи, предотвращению роста цен на продукты первой необходимости.

В сложившихся условиях повышен статус национальных вооруженных сил. На них возложены задачи по координации

действий всех силовых структур в интересах стабилизации обстановки и борьбы с терроризмом.

На случай резкого обострения ситуации в республике президент А. Бутефлика рассматривает вариант отставки действующего правительства, а также проведения досрочных выборов главы государства и парламента страны. При этом он не намерен выдвигать свою кандидатуру на новый срок.

В алжирском обществе, пережившим свою «демократическую весну» в конце 80-х — начале 90-х годов, еще свежи тяжелые воспоминания о последовавшей за этим многолетней гражданской войне. Психологическая атмосфера (пока) не способствует накоплению критической массы, способной сменить режим, как это было в Тунисе и Египте.

В долгосрочном плане нельзя недооценивать опасность негативного влияния на Алжир ситуации в Ливии и укрепления там позиций исламистов.

Специфическая обстановка сложилась в Йемене, где почти 40 лет существовал авторитарный режим президента Али Абдаллы Салеха. Это одна из самых бедных и отсталых арабских стран, с мертвящей бюрократией и всеобщей коррупцией. Власть одновременно должна была противодействовать полупартизанским операциям мусульманских экстремистов на севере страны и сепаратистам на юге. Здесь особую роль играют противоречия между племенами и между умеренными шиитскими группировками (зейдитами) и суннитами. В конце концов, окончательный исход этих событий будут определять крупные конфедерации йеменских племен. Хотя «сомализацию» страны нельзя исключать.

Режим Салеха в Йемене, по сути дела, сдавал свои позиции, но оттягивал решение. Вопрос сейчас в том, когда это будет формализовано и какова альтернатива этому режиму. Салех в ноябре прошлого года по соглашению с оппозицией передал власть своему вице-президенту в обмен на иммунитет от любых судебных преследований и обещал провести новые выборы в марте 2012 года.

Йемен после поражения сети «Аль-Каиды» в Саудовской Аравии стал наиболее уязвимым перед лицом исламского экстремизма.

В отношении Йемена Соединенными Штатами была избрана линия «конструктивного давления», которая при посредничестве Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива привела к выработке плана мирной трансформации режима путем передачи власти переходному коалиционному правительству с последующим проведением президентских выборов. Однако говорить о возможности становления демократического режима в очень бедной, еще вчера — средневековой стране — просто рано. О вмешательстве НАТО речи не идет — в стране почти нет нефти...

Королевские режимы в Марокко и Иордании имеют свою специфику. Там правят довольно молодые, хорошо образованные монархи, которые заранее начали сверху проводить кое-какие реформы, расширять демократическое представительство масс, вести диалог с мусульманской оппозицией. Обе династии считаются прямыми потомками пророка Мухаммеда и пользуются почитанием среди верующих. Правда, бедность населения, нехватка ресурсов, не позволяющие удовлетворить запросы масс, поднимают накал именно социальной напряженности, хотя не вызывают (пока?) антикоролевских движений. Естественно, что здесь остается множество неизвестных.

Марокко является конституционной монархией с избираемым парламентом. Но конституция позволяет королю распускать законодательное собрание, вводить чрезвычайное положение и определять ключевые назначения в правительства. Звучат требования к властям внести изменения в конституцию. В ноябре 2011 года в относительно свободной обстановке прошли выборы в новый парламент, на которых победу одержали исламисты.

Можно полагать, что монархические устои в этих двух странах менее уязвимы, они могут сохраниться, пройдя существенную трансформацию. Короли Иордании и Марокко, представляющие новое поколение арабских лидеров, восприняли происходящее в высшей степени серьезно и готовы к дальнейшим реформам при финансовой поддержке Запада.

Что касается аравийских монархий (не считая Бахрейна), то тенденция серьезного противодействия верховной власти в этих странах пока не прослеживается. Эту пятерку условно

можно разделить на две части по характеру политического режима. В Саудовской Аравии установилась, по сути дела, традиционная монархия, с принципами правления, заложенными еще основателем королевства Абдель Азизом (Ибн Саудом), а позднее королем Фейсалом. В Кувейте, ОАЭ, Катаре, Омане правящие семейства управляют авторитарно, но более мягкими, патерналистскими методами.

Вопрос заключается и в том, есть ли в самих аравийских государствах достаточно потенциала для революционных перемен. На данном этапе, видимо, нет. Скорее всего трансформационные процессы в этой части арабского мира будут протекать эволюционно. В Саудовской Аравии медленно, в других монархиях, возможно, быстрее. Коренное население не настроено антимонархически. Его либеральная часть (по местным меркам) выступает за ограничение власти короля и введение монархического строя в конституционное русло.

Искусственный перенос анализа социально-политической ситуации Египта или Туниса на такие специфические страны, как аравийские монархии, мог бы просто исказить картину.

В крошечном островном королевстве Бахрейн с миллионом населения по примеру тунисцев и египтян началось массовое народное движение против королевского режима. На Бахрейне находятся база и штаб-квартира 5-го военно-морского флота США, постоянно дислоцированы несколько тысяч американских военных. Подчеркнем, что в каждой стране своя специфика. На Бахрейне режим представлен суннитской правящей династией, в то время как население на 70 процентов — шииты. Сунниты занимают высшие посты в администрации, компаниях, ведущие позиции в экономике. Поэтому религиозные протесты сочетаются с протестами социальными. Уровень жизни на Бахрейне высок, даже среди шиитов. Но оскорбленное чувство человеческого достоинства, нежелание шиитов быть людьми второго сорта подталкивали их на восстание. Королевский режим не потерял своей основы, контроль над армией и полицией, но делал одну уступку за другой. Естественно, что шиитскую оппозицию подогревала иранская пропаганда.

Чувствуя шаткость своей ситуации, правительство Бахрейна пригласило в страну войска из Саудовской Аравии и Объ-

единенных Арабских Эмиратов. Около двух тысяч военнослужащих из этих стран заняли позиции для защиты государственных зданий и объектов инфраструктуры, пытаясь избежать столкновений с демонстрантами. Представители шиитского большинства заявили, что произошла оккупация их страны. Тегеран сделал по этому поводу несколько резких заявлений, но дальше риторики не пошел.

Король Бахрейна ввел режим чрезвычайного положения. Полицейские и армия силой выбили демонстрантов с Жемчужной площади, используя слезоточивый газ и резиновые пули. Палатки демонстрантов были сожжены. Были жертвы.

Арабо-иранские и суннитско-шиитские противоречия остаются существенным компонентом общей кризисной ситуацией и в зоне Залива и в целом на Ближнем и Среднем Востоке. При этом наблюдается значительное усиление позиций в регионе Ирана и Турции, как с учетом роста их экономического веса, так и принимая внимание намеченный уход вооруженных сил США из Ирака и Афганистана.

Установление политического доминирования шиитов в Ираке и массовые антиправительственные выступления шиитов на Бахрейне вызвали огромную озабоченность в странах Персидского залива. В политических заявлениях и в СМИ делается упор на активную поддержку Ираном бахрейнских шиитов. Конкретных данных о вмешательстве Ирана в дела Бахрейна пока нет, хотя риторика Тегерана была жесткой и воинственной.

Аравийские режимы, чувствуя усиление и активизацию шиитов и в какой-то степени ослабление позиции суннитов, призывают Запад занять жесткую позицию по отношению к Ирану. Достаточную активность проявляет здесь Саудовская Аравия, учитывая, что часть населения в этой стране, особенно в Восточной (нефтяной) провинции, — шииты (по некоторым данным около 10% всего населения королевства).

Официальная пропаганда Ирана пытается изобразить нынешние арабские революции как продолжение иранской революции 1979 года. Тегеран активизирует старые свои связи и сотрудничество с Хизбаллой в Ливане и движением ХАМАС в секторе Газа.

Суннитско-шиитские противоречия, уровень их накала будет зависеть и от ситуации в Сирии. Если произойдет крушение нынешнего баасистского режима в Сирии, то волнения могут перекинуться и на Ливан и Иорданию. Тогда суннитско-шиитские противоречия еще более обострятся.

Иран попытается взять реванш (хотя и совершенно неадекватный) в Йемене, где значительная часть населения принадлежит к шиитской секте зейдитов.

Революция в Египте изменила расклад в суннитско-шиитских отношениях в целом регионе. Главная суннитская страна региона — Египет после революции поставил задачи нормализовать отношения с Ираном. Прорабатывается вопрос о восстановлении дипломатических отношений.

Ясно, что США будут активно поддерживать и поддерживают революционное движение в Иране с помощью спецслужб, денег, информационных технологий. Но они поддерживают это протестное движение для того, чтобы свергнуть режим своего врага на Ближнем и Среднем Востоке, устроить там «цветную революцию». Режим, который необычайно усилился и окреп после того, как США одной рукой разгромили и уничтожили власть Саддама Хусейна в Ираке — противника Ирана, а другой — власть талибов в Афганистане, тоже противника Ирана.

В Иране растет недовольство «властью мулл». Движущие силы протестов похожи на те, которые существуют в Египте, — городской образованный или полуобразованный средний класс. Но власть имущие в Иране пока что гораздо более мощные и сплоченные и готовы применить силу против бунтующих.

Конечно, образованный средний класс в Саудовской Аравии на события смотрел по-другому, кое в чем морально поддерживая восставших в других арабских странах. Саудовские блогеры осуждали правительство за то, что оно дало бывшему правителю Туниса Бен Али убежище. Но для одних он был диктатор, для других — почти безбожник, слишком светский правитель. Кто-то жаловался на недостаточный уровень зарплаты, плохие школы, нехватку рабочих мест.

Среди сторонников революции по египетскому пути в Саудовской Аравии могут быть какие-то представители городского среднего класса. Но и им надо выбирать между сравнительным материальным благополучием и потенциально опасными последствиями бунта. В королевстве действует разбросанная по всей гигантской территории королевская семья, точнее — клан из более пяти тысяч человек. За штурвалами самолетов сидят в основном члены королевской семьи, они — в аппарате всех ведомств, в армии, полиции, в главе многих провинций. В Саудовской Аравии находятся главные святыни ислама — Мекка и Медина, и религиозный истеблишмент имеет глубочайшие корни. Призывы к восстановлению основ ислама в Саудовской Аравии прозвучали бы просто смешно, потому что в стране нет другого права, кроме шариата. Власть опирается не только на сильные полицейские структуры, но и на национальную гвардию, которая формируется из верных династии племен «голубой крови». Что касается рабочих — семьюсьми миллионов иммигрантов из Пакистана, Бангладеш, Филиппин и некоторых других стран, — то они приехали сюда не для того, чтобы остаться и получить саудовские права, а для того, чтобы заработать денег и уехать.

В стране скопились огромные финансовые ресурсы. Они направляются на диверсификацию экономики, создание новых рабочих мест, на социальные цели.

У правительства достаточно широкий выбор средств для того, чтобы ослабить любую оппозицию. Оно может прибегать к репрессиям, пропаганде, племенным связям, к патронажу. Престарелый (87 лет) король Абдалла перед возвращением после лечения в страну объявил о социальной программе в 37 миллиардов долларов на помощь бедным, отсрочку кредитов, на строительство жилья. Были расширены кое-какие права женщин. Но отметим, что любые шаги к какой-либо «демократизации» раньше давали преимущества крайним антизападным исламистам в Саудовской Аравии, поэтому просто призыв к «свободным» выборам — опасный лозунг даже для скрытых либералов.

Только в Восточной провинции, где есть достаточно многочисленное шиитское население, мог бы вспыхнуть массо-

вый протест. Но религиозные лидеры там очень осторожны. Они боятся обвинений в том, что играют роль «пятой колонны» Ирана. Конечно, пожилые авторитеты могут потерять контроль над улицей. Прошли демонстрации, в которых участвовали несколько сот человек. Но у большинства саудовцев пока что вряд ли есть желание увидеть в стране революцию. Правда, они хотят реформ и меньше коррупции.

Проблема и в том, что сейчас правители заняты вопросом престолонаследия и плохим здоровьем очень пожилых членов королевской семьи.

Роль личностей

Существенной причиной слабости авторитарных режимов перед лицом революций и движений протеста стал кризис личной власти лидеров, их возраст и слишком долгое нахождение на вершине пирамиды власти.

Общество, которым они руководили, кардинально менялось, а они сами просто теряли связь со своими народами.

Какие бы заслуги они ни имели в прошлом, подобная ситуация означала, в частности, политический застой, невозможность для правящих элит держать руку на пульсе настроений значительной части населения.

В условиях отсутствия перемен шло формирование замкнутых группировок, и, каковы бы ни были намерения верховной власти, создавались условия для все большей коррупции. Она распространялась и на самих лидеров, и на их семьи. Концентрация в руках правящих группировок основных рычагов авторитарной власти и экономических ресурсов затрудняло или делало невозможными реформы. Жесткий контроль за кадровыми передвижениями в госучреждениях и в бизнес-структурах ограничивает возможности молодежи.

Мы уже отмечали, что отличительной чертой правления Бен Али стал явный и откровенный расцвет коррупции и семейственности. С помощью жены он набивал тайники в своих дворцах миллионами евро и долларов, золотом и бриллиантами. Все это было обнаружено после его поспешного бегства. Он утратил чувство реальности, перестал учитывать настрое-

ния населения. Достаточно было искры, чтобы гнев общества выплеснулся на улицы.

В своей последней речи президент Мубарак заявил: «Это выступление отца, обращенного к своим сыновьям и дочерям». Возможно, он искренне верил в то, что говорил. Его обращение вызвало издевательский смех собравшихся и вопль из миллиона глоток: «Уходи!!!». Через несколько часов он подал в отставку.

Когда записывали последнее обращение Мубарака к нации, он дважды терял сознание.

За всем этим скрывалась личная трагедия, которая объясняет упрямое непонимание президентом своих «сыновей и дочерей», упрямство, которое поставило Египет на грань разрушения и — не исключено! — гражданской войны. Президент — в свои 82 года — верил, что он единственный, кто может спасти страну от сползания в пропасть. Но насколько другими стали ее граждане за 32 года его правления!

Встав во главе государства после того, как террористы убили Анвара Садата, Хосни Мубарак освободил из тюрьмы большинство заключенных. Он постарался восстановить отношения с арабскими странами, порвавшими их с Египтом после того, как тот заключил мир с Израилем.

Хотя широко распространились слухи, что якобы он лично и его семья награбили многие миллиарды долларов, ряд дипломатов в Египте считали это большим преувеличением. «По сравнению с клептократами в других странах, я не думаю, чтобы президент Мубарак как-то выделялся, — говорил один из послов в Каире, который предпочел остаться анонимным. — Конечно, в Египте была коррупция, но, насколько я знаю, президент и мадам Мубарак жили достаточно скромно». Но при оценке бизнеса его сыновей такие щадящие оценки не высказывались никогда.

Мубарак не ожидал такого конца своей карьеры и своей жизни. Как командующий египетской авиацией, получивший военное образование в СССР, он был героем войны 1973 года против Израиля. Когда в 1975-м Анвар Садат пригласил его в свой дворец, Хосни Мубарак ожидал, что ему предложат какой-нибудь важный дипломатический пост. Но Садат возвел

генерала, не имевшего политических амбиций, на пост вице-президента. 6 октября 1981 года Садат и Мубарак сидели на параде рядом друг с другом, когда радикальные исламисты в военной форме убили Садата.

Так Хосни Мубарак стал во главе страны. За годы его правления развились промышленность и туризм, многие сотни тысяч человек получили университетское образование, миллионы стали пользоваться Интернетом, в каждом доме появились телевизоры. Но Мубарак, окруженный лизоблюдами, не понимал, насколько изменилась страна. Его партнером по семейной трагедии была жена Сюзан, которая хотела вырастить из сыновей смену отцу.

Старший сын Аля был бизнесменом, футбольным фанатом и не играл в политику.

Младший, Гамаль, стал как бы необъявленным наследником отца. Именно Гамаль со своими друзьями заговорил о династиях политиков Кеннеди, Бушей, Клинтонов в США, не говоря уж о династиях фараонов.

Весной 2009 года 80-летний Мубарак установил нормальные отношения с президентом Соединенных Штатов Бараком Обамой, как и с предыдущими американскими президентами. Обаму убедили, что Мубарак — единственный человек в стране, который может сохранять стабильность в Египте, давить экстремистов и удерживать свою армию в рамках мира с Израилем. Буш пытался говорить о демократизации арабского мира, но Мубарак выглядел солидным, непроницаемым, как сфинкс.

Гамаль примерно десять лет готовился к тому, чтобы стать политическим деятелем. В Лондоне он работал в «Бэнк оф Америка», а затем создал свою собственную компанию «Мединвест». Она стала успешным бизнес-проектом, и Мубарак-младший заработал сотни миллионов долларов, очевидно, используя свое положение сына президента.

Но у Гамалья не было данных политического лидера, не было харизмы. «Он учился в Американском университете в Каире и был умненьким юношей, — говорили его друзья. — Гамаль много читал, многому научился, стал хорошим банкиром, специалистом по инвестициям. Он был технократом, но не

политическим деятелем. Он не чувствовал настроения людей, настроения народа, он не мог стать лидером или правителем».

А тем временем вокруг Гамаля, ставшего неформальным главой Национально-демократической партии, собрались жадные до денег и власти «жирные коты». Некоторые из них действительно понимали, что экономику надо модернизировать. Либерализация, приватизация и развитие телекоммуникаций уже меняли ландшафт бизнеса.

В Египет потекли иностранные вложения, экономика росла, сложился новый класс сверхбогатых. Их образ жизни вызывал негодование и ненависть миллионов людей, а также образованной молодежи. В то же время недовольство высказывали и военные, и органы безопасности, являвшиеся реальной базой режима Мубарака. Они не хотели видеть во главе государства его сына.

Весной 2010 года звезда Гамаля уже заходила. Отец не верил в его политическое будущее, а генералы не хотели видеть в Гамале лидера. Хосни Мубараку сделали операцию по удалению желчного пузыря в Германии. Он ослабел физически, но по-прежнему считал себя незаменимым. Его ближайший советник (кстати сказать, по-своему умный и талантливый начальник разведки, потом руководитель всех египетских спецслужб) Омар Сулейман все время оставался в тени. Именно он, а также фактический руководитель Национально-демократической партии Ахмед Изз убрали всех политических оппонентов и сфальсифицировали выборы в парламент в 2010 году. В окружении Хосни Мубарака ему не оставалось замены. Старая генеральская гвардия была недовольна ни Гамалем Мубараком, ни окружающими его алчными бизнесменами.

Согласно материалам «Викиликса», американский посол в Каире характеризовал Сулеймана как «прагматика с очень острым и аналитическим умом». Телеграммы от американского посла определяют его как «наиболее удачный элемент» в американо-египетском сотрудничестве по поводу урегулирования мирного процесса на Ближнем Востоке. В телеграммах из американского посольства в Тель-Авиве сообщалось, что израильтяне очень высоко ценили Сулеймана. Израиль был бы очень доволен, если бы Омар Сулейман стал наследником Хосни

Мубарака. Сулейман стал вице-президентом в последние дни правления Мубарака, в завершающем акте трагедии. Но оппозиционные группы и протестующие видели его лишь как продолжателя режима Мубарака и не верили ни одному его слову. У революций своя логика и своя психология.

Мубарак опирался на армию, но для того, чтобы сбить волны протестов, генералы уговорили его уйти в отставку. Глубокий старик, морально и физически раздавленный, уступил их требованиям. Говорят, что окружение Мубарака запрещало показывать ему телевизионные сюжеты сцен ликования миллионов людей на улицах Каира, когда было объявлено о его отставке. Генералы понимали, что армия не будет стрелять в народ. Дело могло бы кончиться кровопролитием и печальным концом для них самих. Мало того, старая генеральская гвардия попыталась перевести гнев людей на самых наглых из «жирных котов» — бывших министров, наиболее нажившихся на спекуляциях и грабеже собственного народа. Под давлением «улицы» Мубарак, его семья, десятки лиц из ближайшего окружения были арестованы и предстали перед судом. Впрочем появление Мубарака, больного и немощного старика, на носилках в клетке перед судом вызвало симпатии к нему части населения.

Лицом, брендом молодых организаторов восстания стал Уазль Гонем — 30-летний компьютерщик, глава маркетинговой компании «Гутл» по Ближнему Востоку. Выпускник Американского университета в Каире, он был успешным менеджером. У него был опыт коммерциализации любого предложения, в том числе демократии, в формах, приемлемых для пользователей «Фейсбука». Это был инструмент, по его мнению, в борьбе с египетским полицейским государством.

Гонем вел две разные жизни: днем работал на свою фирму, а по вечерам и ночам создавал антиправительственные материалы на «Фейсбуке». В июне 2010 года молодой александрийский бизнесмен по имени Халид Саид, который поместил видео полицейских, употребляющих наркотики, был схвачен средь бела дня полицией в интернет-кафе. Его выволокли на улицу и избили до смерти. Фотография трупа, покрытого сса-

динами и синяками, попала в Интернет. И тогда Гонем организовал новую страничку в «Фейсбуке» под названием «Каждый из нас — Халид Саид». Эта страница стала брендом борьбы против полицейской жестокости в Египте, сюда непрерывно поступали фотографии, видеозаписи, новости. Благодаря умелому отбору материалов и таланту Гонема эта страничка быстро превратилась в один из самых посещаемых оппозиционных египетских сайтов.

Молодой компьютерщик бросил вызов режиму и целому полицейскому аппарату. Гонем сохранял анонимность и взял псевдоним Аль-Шахид, что значит «жертвующий собой».

Когда 14 января протесты в Тунисе привели к падению диктатора, Гонем объявил, что в Египте можно совершить собственную революцию. Его веб-страницу посещали более 350 тысяч «фанов», и он предложил им участвовать в протестах 25 января, попросив «кликнуть»: «да», «нет» или «может быть». Через три дня пришло 50 тысяч «да». Но Гонем не был уверен, что те, кто в киберпространстве выразил готовность выйти на демонстрацию, на самом деле сделают это. Он не знал, каков будет результат. Несколько его товарищей по Интернету пытались координировать лозунги и формы организации в виртуальной сети с теми, кто раньше уже участвовал в реальных демонстрациях. Задача состояла в том, чтобы люди преодолели психологический барьер.

Гонем настаивал, что ни он, ни его товарищи не являются лидерами. Он хотел, чтобы люди почувствовали: они сами могут быть властью. У восстания не было вождей.

Видимо, за ним уже следили, и на следующий день его арестовали полицейские в штатском. Тогда же распространилось сообщение, что «Аль-Шахид» — именно Гонем. Восставшие на площади Ат-Тахрир объявили его своим символическим лидером и стали появляться на страничке в «Фейсбуке» под названием «Каждый из нас — Гонем».

Раскрытие имени спасло жизнь Гонему. С ним уже не решились расправиться и освободили на пике восстания. Он вдруг узнал, что стал как бы брендом народного восстания, чего он так хотел избежать. В своем интервью 7 февраля жур-

налу «Ньюсуик» он сказал: «Это не входило в мои планы, я ненавижу эту роль. Но все уже вышло из-под моего контроля. Я не герой. Я просто обычный человек. Я делал самую простую вещь. Я просто писал в киберпространстве. А многие за это дело погибли».

Гоним знал призывы «Долой!», «Свобода!», «Достоинство!», программы же у него не было.

...Чтобы реально представить себе обстановку в Ливии, нужно понять, что за личность Каддафи, стоявший во главе страны более 40 лет. Молодой офицер, поклонник Гамаль Абдель Насера, лидера египетской революции 1952 года — антизападной и частично социальной — Каддафи организовал и успешно осуществил государственный переворот против короля в 1969 году. Затем Каддафи ликвидировал американские и английские военные базы, национализировал иностранные нефтяные компании, банки, собственность королевской семьи, земли итальянских колонистов и стал строить новую государственность. Как и Г.А. Насер, он установил тесное сотрудничество с СССР и стал закупать (и расплачиваться за закупки) горы советского оружия, но также заводы и технику.

Он был мечтателем. Он мечтал о создании единого арабского государства, объединившего для начала Египет, Ливию и Сирию или — Ливию, Тунис, Алжир, Марокко, Мавританию. Когда проекты провалились, он стал мечтать о создании Соединенных Штатов Африки — дело не пошло дальше деклараций. Он мечтал о создании справедливого общества. Запрещал частную торговлю, что создавало очереди и дефицит товаров в сравнительно богатой стране. Власть формально принадлежала народным комитетам, а на деле — усиливающейся бюрократии, полицейскому аппарату, его ближайшему окружению.

Но Каддафи был опасным, беспощадным мечтателем, диктатором. Чтобы сделать людей «свободными» и «счастливыми», он готов был уничтожать противников и несогласных. Счастье должно было быть навязано по его собственным лекалам. Несколько волнений, которые произошли во время его правления, были подавлены жестоко, с многочисленными жертвами. Он потерял связь с массами или, точнее, частью масс.

Он оставался бедуинским лидером, убежденным, что он — почти махди, что он несет человечеству «третью мировую теорию». Он вел себя настолько вызывающе и высокомерно, что отталкивал и арабов, и африканцев. Но с помощью ливийской нефти и миллиардных капиталов поддерживал свой авторитет.

США и страны Евросоюза после начала восстания оказались перед дилеммой. Ведь после периода антизападной (антиимпериалистической) реальной политики режим Каддафи стал устраивать Запад. Каддафи полупризнал ливийское участие во взрыве американского «Боинга», заплатив отступное семьям погибших по разным оценкам от 200 миллионов до 2,5 миллиардов долларов. Он отказался от производства ядерного оружия, выдав с головой пакистанцев, которые поставляли ему ядерные технологии. (Он все же был реалистом, и видел, как американцы вторглись в Ирак под предлогом не допустить производства атомной бомбы). Он вновь пригласил, правда, на выгодных для Ливии условиях, западные нефтяные корпорации в страну. Он заключил выгодные сделки на миллиарды долларов с Италией, Англией, США, Россией. Ливийские деньги были вложены в ценные бумаги и недвижимость в странах Запада. Начался процесс приватизации торговли, промышленности, банков, на чем наживалась ближайшее окружение Каддафи и иностранцы.

На его обычную антизападную и антиизраильскую риторику перестали обращать внимание.

В сентябре 2008 г. Триполи посетила госсекретарь Кондолиза Райе. Это был первый визит такого уровня с 1957 г. Райе заявила: «Настало время развивать конструктивное сотрудничество между Ливией и США».

Но после начала восстания страны НАТО сделали ставку на его свержение. Конец Каддафи известен.

С президентом Сирии Башаром Асадом многие связывали возможность реформ. Башар изучал офтальмологию в Лондоне, и у него элегантная жена, урожденная англичанка. Он свободно говорит по-английски и по-французски.

Но Асад был окружен родственниками, включая своего брата Махера Асада, который командовал 4-й бронетанковой

дивизией, и своего шурина Асефа Шауката — шефа разведки. По слухам, они были готовы действовать беспощадно. Асад все время опаздывал.

С началом рыночных реформ (2006 г.) ведущие позиции в экономике сосредоточились в руках родственников Башара Асада и близких к ним предпринимателей. Символом коррупции и засилья семейного бизнеса в Сирии стало имя двоюродного брата президента Рами Махлюфа, который вынужден был уйти с политической арены в ходе протестов. Политические реформы не дали провести окружение президента.

Неутешительный прогноз в отношении будущего сирийского режима подкреплялся еще и тем, что президент явно опаздывал с реакцией на происходящее в стране. В первые недели волнений антиасадовских лозунгов почти не было. Лозунги отставки Асада и смены бааситского режима стали появляться после того, как был взят курс на силовые действия с применением оружия и вовлечением армии. После того, как было принято решение не идти на уступки под нажимом улицы, какие-либо политические реформы могли начаться только после подавления оппозиционных выступлений (если, конечно, удалось бы подавить). Правящая элита опасалась обвального характера реформ, как это было в Советском Союзе (намек на это содержался в выступлениях Б. Асада).

На декабрь 2011 года стоял вопрос, надолго ли могло хватить у режима ресурсов выживаемости — экономических, политических, военных.

Оппозиция находилась или внутри, в подполье, или в основном — за границей, где и был сформирован оппозиционный Национальный совет по образцу ливийского.

В Йемене президент Салех показал чудеса выживаемости путем политического маневрирования и гибкой тактики, сохранив преданность части армии и части племен. Его предупреждения о том, что немедленный уход президента со своего поста ввергнет страну в гражданскую войну и вновь расколется на Север и Юг, возымели временное действие. Ползучая гражданская война в декабре 2011 года продолжалась. Салех, наконец, согласился уйти, но оппозиция не довольна достигнутыми соглашениями.

Действует ли «вашингтонский обкам»?

Официальный Вашингтон знал о растущей социально-политической напряженности в арабских странах, он правильно считал, что нужны реформы, но реформы — сверху, постепенно, демократизация в рамках союза с Западом. Программа «Большого Среднего Востока», как и слегка измененная программа «Нового Среднего Востока» была нацелена на трансформацию правящих в регионе элит по западным лекалам. Президент Джордж Буш в 2003 году в обращении к Национальному фонду в поддержку демократии заявил: «До тех пор пока Средний Восток остается местом, где свобода не процветает, он будет оставаться местом стагнации, недовольства и насилия, готовых для экспорта». Но в исследовании «Рэнд корпорейшн» говорилось: «Учитывая нынешнее негативное отношение населения региона к США, поддержку американских инициатив по реформам лучше всего проводить через неправительственные и некоммерческие организации». Не удалась эти планы. То ли заостенели эти самые элиты в своих привилегиях и традиционных методах «тащить и не пущать», то ли перед их глазами стоял пример саморазрушения коммунистических номенклатур, которые попытались принять западные правила игры и рухнули. Но арабские элиты остались недвижимы. Формы и методы «демократизации по-американски» были отвергнуты лидерами арабских государств. А неправительственные организации снизу, выращенные на американские и западноевропейские деньги, оставались маргинальными под ударами полицейских дубинок и одновременно чужими для масс населения.

«Президент Обама в августе 2010 года поручил советникам написать секретный доклад о нестабильности в арабском мире. И те пришли к заключению, что в отсутствии всеобъемлющих политических изменений страны от Бахрейна до Йемена готовы к народному бунту», сообщила «Нью-Йорк тайме» 17.02.2011 г. Проект хранился в тайне.

На слушаниях в сенате США в феврале 2011 года представительница ЦРУ С. О'Салливен заявила о том, что в конце

2010-го разведка информировала американскую администрацию об угрозе возникновения нестабильности в Египте и ослабления власти Мубарака. «Но мы не знали, что станет спусковым крючком», — добавила она.

Революционный протест в арабском мире подпитывала целенаправленная американская и в целом западная пропаганда, поддерживали арабские телеканалы, которые продвигали западные ценности в арабской упаковке. После успеха некоторых «цветных революций» на постсоветском пространстве под прицелом оказались арабские страны. Взамен прежнего лозунга «Братьев-мусульман»: «Ислам — вот решение», «Коран — наша конституция» были вброшены новые лозунги: «Демократия — вот решение», «Права человека — вот лозунг борьбы», «Свобода — вот цель». Лозунги для образованной или полубразованной молодежи — пьянящие, радужные, прекрасные. Кого волнует, что при этом игнорируются тысячелетние традиции своих цивилизаций, традиции коллективизма, нормы социальной ответственности? В сторону! Скинуть все эти традиции с корабля современности!

Через американский Национальный фонд развития демократии, с бюджетом в десятки миллионов долларов, через развитую сеть неправительственных организаций, через приглашения на учебу, семинары, конференции на Западе присматривались к потенциальным новым лидерам в арабских странах.

Молодых людей, использовавших современные информационные технологии, нельзя считать просто наивными романтиками. Известно, что один из создателей общественной организации США «Альянс за молодежное движение» американец Джаред Козн был сотрудником офиса политического планирования госсекретаря США с 2006 по 2010 год. Его умение работать в социальных сетях использовал во время своей избирательной кампании Барак Обама. «Альянс за молодежное движение» создал учебный центр для активистов Интернета, в котором проходили обучение молодые люди со всего мира, включая арабов. Их учили, как действовать в случае, если власть отключает Интернет, как организовывать протесты с помощью мобильных телефонов, как распространять идеи посредством «Фейсбука», как направлять работу сайта «Твит-

тер», как обновлять поступающую информацию и связывать с собою группы протеста.

Еще в декабре 2008 г. в студенческом городке юридического факультета Колумбийского университета проходил обучение молодых оппозиционных активистов из разных стран, в том числе из египетского «Движения 6 апреля» (наследника «Кифая»), по программе «Борьба против репрессий, угнетения и насильственного экстремизма». Среди учителей были ключевые сотрудники команды Барака Обамы, отвечающие за социальные сети. Организатором выступила НПО «Альянс за молодежное движение».

Хиллари Клинтон в мае 2009 года незадолго до поездки Обамы в Каир на встречу с Мубараком принимала у себя ряд молодых египетских интернет-активистов в Вашингтоне под эгидой «Фридом Хаус».

Национальный фонд развития демократии участвовал в подготовке «революции гвоздик» в Грузии. Он же помогал египетскому движению «Кифая». «Кифая» сразу же позиционировалась «как свободная децентрализованная сеть ячеек», которые трудно было быстро разгромить. «Рэнд корпорейшн» по заказу военных ведомств провела специальные исследования «Кифая».

В исследовании отмечалось, что это оппозиционное либеральное движение активно использовало информационные технологии. Среди ее методов были послания по электронной почте, включая послания между владельцами мобильных телефонов, чтобы объявить о своих действиях, использовались различные способы передачи сообщений по Интернету, публиковались объявления онлайн. Это было легче, чем публиковать печатные объявления, которые могли быть конфискованы властями. Открывали собственные веб-сайты, на которых публиковали и лозунги и политические карикатуры, документировали нарушения закона о государственной безопасности, используя цифровую фотографию и распространяя эти фотографии. Но оказалось, что, с одной стороны, прозападное либеральное движение не имело социальной поддержки, а с другой — подчеркилось ударам репрессивного аппарата.

Известный предприниматель Джордж Сорос создал институт «Открытое общество на Среднем Востоке и в Северной Африке», который обеспечивал финансовую поддержку многочисленным оппозиционным группировкам. Например, спонсировал в Тунисе радиостанцию «Калима», ставшую рупором революционной молодежи.

Шведская газета «Свенска Дагбладет Стокхольм» опубликовала статью, в которой говорилось, что египетская и тунисская молодежь обучалась, а затем руководствовалась методами, разработанными в свое время сербской молодежной группой «Отпор», свалившей в 2000 году режим Слободана Милошевича. Учитывался опыт «ненасильственного сопротивления» Махатмы Ганди, противников апартеида в ЮАР и сторонников Мартина Лютера Кинга. Организаторы массовых протестов в Египте прошли соответствующую подготовку в Сербии.

Стратегия ненасильственного движения для достижения социально-политических целей была систематизирована выпускником Гарвардского университета Джином Шарпом. Его книга «От диктатуры к демократии» неоднократно переиздавалась на десятках языков. В ней перечисляются 198 способов «ненасильственных действий».

Когда Мубарак 28 января распорядился отключить доступ к сети Интернета, его восстановили для части пользователей с помощью спутников. «Нью-Йорк тайме» писала: «Гугл» и «Твиттер» активно помогли протестующим, создав новый сервис `speak2tweet`.

Через Интернет распространяли инструкции «ненасильственной» борьбы — от забрызгивания краской ветровых стекол полицейских автомашин до картонок под пиджаки и рубашки, чтобы сделать неэффективными удары полицейскими дубинками.

Эти факты позволяют некоторым аналитикам защищать «теорию заговора», утверждать, будто все революционные события в арабском мире были срежиссированы Вашингтоном. При этом не учитываются противоречия в самой структуре внешней политики Соединенных Штатов, отсутствие единого всеопределяющего центра и возможность того, что разные

центры и организации могут действовать в противоположных направлениях.

Как легко кидаться хлесткими эпитетами, если не копать глубже. Как просто объяснять революции и движения протеста заговорами Вашингтона или Тель-Авива («вашингтонского обкома» и «израильского райкома»).

Да, американская внешняя политика была не менее идеологизирована, чем политика СССР. В США всерьез мечтали о том, чтобы «демократизировать по-американски» весь мир, тратили на эту задачу колоссальные средства, иногда становились пленниками собственной идеологии. Но это всегда сочеталось с проведением политики американского доминирования в мире. И прагматика, эгоистические интересы США всегда брали верх. Поэтому не уйти от факта — именно факта: существовал реальный военно-политический союз Вашингтона (вкуче с НАТО) с репрессивными авторитарными режимами в арабских странах. «Хотя он сукин сын, но это наш сукин сын», повторяли и повторяют лидеры Запада. (Сам видел, как на конференции Афросоюза — Евросоюза в Триполи всего лишь в ноябре 2010 года европейские лидеры заискивали перед Каддафи). Никуда не уйти от сотрудничества Запада с репрессивными режимами с целью поддержания стабильности в угоду Западу, для сохранения мира с Израилем, обеспечения неограниченного доступа к главному — нефтегазовым ресурсам огромного региона, сотрудничества в деле борьбы с терроризмом и исламским экстремизмом. Для достижения этих целей обычной была политика двойных стандартов. Как отмечалось в исследовании «Рэнд корпорейшн», задачей США было, с одной стороны, сохранять дружбу с руководителями режимов... с другой, — помогать неправительственным организациям, давать им современные технологии.

Арабские революции показали, что политическая борьба идет не только на улицах и площадях, но и в информационных и социальных сетях. Правительства находят способы контролировать трафик Интернета, а Интернет-провайдеры находят способы обходить эти ограничения. Связь с международными провайдерами обеспечивается через международные порталы, которые контролируются правительствами, иногда связь идет

по единственной линии стекловолоконной связи. Но вплоть до 28 января в Египте ни одна из стран не показывала, что правительство может почти полностью закрыть связь по Интернету.

В Ливии для вывода людей на улицу был использован сайт знакомств «Мавада», который находился вне зоны внимания полиции. На этом сайте было 170 тысяч противников Каддафи.

15 февраля 2011 года, выступая в университете Джорджа Вашингтона, госсекретарь Хиллари Клинтон заявила, что США выделяют дополнительные средства на «поддержку технических экспертов и активистов, старающихся действовать в обход ограничений, устанавливаемых правительствами в отношении доступа к Интернету». Далее она заявила: «Мы осуществляем широкий и инновационный подход, при котором наша дипломатия дополняется технологией, защищенными сетями распределения программных продуктов и прямой поддержкой тех, кто находится на передовых линиях... Мы поддерживаем несколько инструментов, так что если репрессированные правительства найдут способ справиться с одним из них, другие будут по-прежнему доступны».

Готовятся электронные инструкции «выживания»: как не оставлять следов от своих электронных писем, очищать память компьютеров, уходить от охоты, организованной аппаратами безопасности.

Хотя американская внешняя политика в высшей степени идеологизирована, прагматика превалировала над идеализацией демократических перемен. Демонтаж политических структур в регионе не отвечал интересам США. Гораздо более важный приоритет для Б. Обамы в предвыборный период было обеспечение условий для ухода из Афганистана и Ирака или, по крайней мере, сокращение там американского военного присутствия, а также сохранения стратегического партнерства с Израилем.

И вдруг! Тунис! Египет! Ливия! Бахрейн! Иордания! Йемен! Сирия! Десятки тысяч, сотни тысяч, миллионы демонстрантов.

Столь крупная и практически одномоментная дестабилизация всего региона оказалась неожиданной. США, как и их западноевропейским союзникам, понадобилось какое-то вре-

мя, чтобы после сомнений и колебаний перейти от поддержки близких к ним арабских авторитарных режимов к декларациям солидарности с протестными движениями. Выбор приходилось делать между относительной предсказуемостью в условиях сохранения статус-кво и полной неопределенностью в результате смены политических сил у власти. Учитывалось и то, что массовые выступления в арабских странах на том этапе почти не содержали антиамериканских выпадов, а требования манифестантов соответствовали требованиям «демократизации», которые традиционно предъявлял к арабским режимам Вашингтон независимо от смены администраций.

США в разных странах действовали в зависимости от обстоятельств и значения для них той или иной страны.

В Египте ставка была сделана на вооруженные силы, взявшие под контроль переходный период вплоть до формирования новой инфраструктуры власти. В Тунисе — практически то же самое. В Йемене, где армия раскололась, США отошли как бы на второй план, действуя через механизм Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. В отношении Бахрейна и Сирии реакция США сначала ограничилась формальным осуждением чрезмерного использования силы. По Бахрейну дальше деклараций дело не пошло.

Администрация президента Обамы с началом египетской революции 25 января металась. С одной стороны, она поддерживала своего верного старого союзника Хосни Мубарака, с другой — уговаривала его срочно начать реформы, рекомендовала развивать демократию, не нарушая порядка.

Когда по арабским странам покатились революционная волна, в Вашингтоне возник некоторый разнобой в действиях и заявлениях Белого дома, госдепартамента и Пентагона. Наиболее последовательно действовал Пентагон. Опираясь на обширные связи на всех уровнях с египетскими военными, он отслеживал обстановку и оказывал на них определенное воздействие.

В ходе социально-политического кризиса в Египте Соединенные Штаты решили пожертвовать лично президентом Х. Мубараком и его окружением, дав как бы «карт бланш» египетской оппозиции при сохранении власти в руках военных.

Через несколько дней после начала революции начальник генштаба египетских вооруженных сил был приглашен в США, где и выработал тактику — пожертвовать Мубараком, но пока сохранить власть военных. Кто бы ни выигрывал, Обама проигрывал.

Президент США в телефонных беседах с Мубараком все настойчивее подталкивал его к уходу в отставку до тех пор, пока тот просто перестал брать телефонную трубку. В Вашингтоне считали, что в Египте положительно оценили эти действия президента США, не внявшего призывам «спасти» Мубарака.

При сложившихся обстоятельствах такой оборот событий в Египте пока более или менее устраивал Вашингтон. Но там понимали: это только начало, что пути тех сил, которые объединились в борьбе за свержение Мубарака, скорее всего разойдутся. Не было уверенности и в том, что египетские военные смогут обеспечить «мирный переход к демократии».

Когда Обама посетил Египет в июне 2009 года, он заявил: «Америка и ислам не исключают друг друга и не должны соперничать. Вместо этого они разделяют общие принципы — принципы справедливости и прогресса, терпимости и достоинства человека». Но после революции 25 января администрация США очень нервно реагировала на укрепление позиций «Братьев-мусульман», которые оказались самой мощной организованной оппозиционной силой в стране.

Президент Б. Обама, несмотря на негативные прогнозы ЦРУ, принял решение о проведении силовой акции, фактически направленной на свержение режима М. Каддафи. Однако общих подходов к оценке сложившейся ситуации в Ливии, единых целей и совпадающего видения последствий военного вмешательства среди США и их союзников не существовало, несмотря на совместные декларации.

[Среди западноевропейских государств Германия выделялась своей независимой позицией. Ее руководство проявляло осторожность в оценках ситуации и стремилось избегать участия в военных действиях. По мнению Берлина, крах правительств в Тунисе и Египте являлся убедительным доказательством того, что авторитарные режимы не могут гарантировать стабильность в течение длительного времени. Что касается

Ливии, то немецкие власти считали, что М. Каддафи утратил легитимность в глазах международного сообщества и должен был незамедлительно уйти в отставку. Однако операция многонациональных сил рассматривалась Германией как «военное вмешательство»].

Военное командование операцией НАТО в Ливии заверяло о приверженности резолюции СБ ООН 1973, в которой цель операции определена как защита гражданского населения. Лидеры США, Франции и Великобритании требовали, чтобы Каддафи безоговорочно ушел в отставку, что не было предусмотрено резолюцией 1973. К ним присоединился президент России. Разгром сил, верных Каддафи, был предreshен.

Будучи втянутым в ливийский конфликт, Белый дом какое-то время проявлял сдержанность по отношению к ситуации в Сирии. В США понимали, что Сирия представляет собой стабилизирующий элемент в Ливане и Иордании. Хаос в ней мог распространиться на соседние страны.

Администрация Обамы долго играла с идеей попытаться втянуть Дамаск в западный лагерь и заставить отойти от Тегерана. Вашингтон даже направил посла в Сирию. Его предшественник был отозван после убийства ливанского премьер-министра Рафика Харири. Вашингтон подозревал, что было сирийское участие в убийстве. В Вашингтоне утверждали, что целью Белого дома за последние 2,5 года было посадить Сирию и Израиль за стол мирных переговоров.

Сирия относилась администрацией к числу неудобных для Вашингтона стран, однако ввязываться во внутрисирийский конфликт долгое время Запад не решался. Правда, применение военной силы против народных волнений, что привело к многочисленным жертвам, заставило и США, и другие страны Запада выступить с резкими заявлениями в адрес президента Сирии и его режима. Была сделана ставка на свержение баасистского режима в этой стране.

Сравнительно спокойная реакция Белого дома на жестокое подавление властями манифестантов в Йемене еще раз продемонстрировала двойные американские стандарты. Не забудем, что в стране почти не было месторождений нефти. В условиях возможной потери контроля над йеменской ситуацией и «со-

мализаций» страны, Вашингтон оказывал давление на своего старого союзника — президента А. Салеха, вынуждая его уйти в отставку, чтобы выполнить главное требование оппозиции и одновременно сформировать лояльное к США руководство.

Проблему утраты доверия к себе как гаранту региональной безопасности и стабильности в глазах ряда монархий Персидского залива, Вашингтон был намерен решить в ближнесрочной перспективе. Для этого администрация США планировала и впредь использовать обеспокоенность их руководства в связи с сохраняющейся, по мнению американцев, угрозой вооруженной экспансии со стороны Ирана.

Даже с учетом арабских революций израильско-палестинское урегулирование оставалась узловым моментом ситуации на Ближнем и Среднем Востоке.

В своей программной речи 19 мая 2011 года о политике США на Ближнем и Среднем Востоке Барак Обама заявил, что полный отказ Израилем от оккупированных территорий является базисом урегулирования израильско-палестинского конфликта. Он предложил создание палестинского государства с границами 1967 года при возможности определенного территориального обмена с тем, чтобы отложить на более позднее решение статуса Иерусалима.

Правда, Обама заявил, что «наши обязательства поддерживать безопасность Израиля непоколебимы». Он подчеркнул необходимость решать вопросы и будущего Иерусалима и судьбы палестинских беженцев. Обама также поддержал позицию Израиля, которая заключается в том, что включение ХАМАСа в правительство делает решение невозможным.

На следующий день премьер-министр Израиля Беньямин Нетаньяху дал ответ американскому президенту, заявив в достаточно жесткой форме: «Мир, основанный на иллюзиях, разобьется о скалы реальности Ближнего и Среднего Востока». Сидя у камина, Нетаньяху с видом ментора прочитал Обаме лекцию об «основополагающих фактах» на Ближнем и Среднем Востоке. Позиция его такова: еврейские поселения на палестинских территориях, особенно в Восточном Иерусалиме, обсуждению не подлежат, их строительство будет продолжаться, границы 1967 года давно уже превратились в макула-

туру; палестинским беженцам не будет позволено вернуться на израильскую территорию, а террористы из организации ХАМАС понимают только язык насилия. Возможно, израильский премьер был уверен, что в 2013 году, в Белом доме у него будет новый партнер по переговорам.

Премьер-министр Израиля выразил готовность к переговорам с палестинским президентом Махмудом Аббасом, однако отверг участие в подобных переговорах движения ХАМАС. Затем эту же позицию израильский премьер-министр изложил в американском конгрессе, где его речь шла почти под непрерывные аплодисменты. И республиканцы, и демократы тем самым выражали свое отношение к Израилю, учитывая будущие выборы в стране. Стоит подчеркнуть, что республиканцы сплоченно выступали в поддержку премьер-министра Израиля и против Обамы.

Уже в следующей речи Обама заявил: «Позвольте мне подтвердить, что означает «линия 1967 года с взаимными договоренностями об обмене». Это означает, что сами участники переговоров — израильтяне и палестинцы — будут обсуждать границу, которая отличается от той, которая существовала 4 июня 1967 года». Естественно, что Обама подтвердил неизменную преданность США безопасности Израиля.

Сирийский президент Башар Асад должен обеспечить политические реформы или уйти, заявил президент США.

По поводу Бахрейна Обама сказал: «Мы признаем, что Иран попытался воспользоваться волнениями на Бахрейне. Правительство Бахрейна имеет законный интерес в господстве закона. Тем не менее мы и открыто, и в частном порядке настаивали на том, что массовые аресты и грубая сила не совпадают с универсальными правами граждан Бахрейна... Единственный путь двигаться вперед для правительства и оппозиции — вступить в диалог. Невозможен реальный диалог, когда какая-то часть мирной оппозиции находится в тюрьме».

США вновь оказались в неудобной позиции между двух стульев: с одной стороны, поддерживая королевский режим, а с другой — заявляя о необходимости диалога с протестующими и проведения демократических реформ.

По мнению Б. Обамы, будущее Соединенных Штатов связано с Ближним и Средним Востоком силой экономики, безопасности, истории и судьбы. В его речи прозвучала обычная риторика о поддержке демократии.

Обама заявил, что США будут поддерживать реформы на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе и в финансовом плане. Однако на проверку оказалось, что вклад США будет довольно скромным: американцы простят Египту долг в 1 млрд. долларов (Египет и так не мог выплатить этот долг) и предоставят гарантии на 1 млрд., который Египет может занять на международных рынках.

На встрече «группы восьми» в Довиле в 2011 году было сделано обещание выделить на поддержку «арабской весны», а точнее — Египта и Туниса, 20 млрд. долларов, включая уже объявленные Соединенными Штатами 2 млрд. долларов. Ни условия помощи, ни точные сроки не были определены, хотя эта помощь и связывалась с успехом демократических преобразований в арабских странах. Но новая волна мирового финансово-экономического кризиса может поставить под вопрос даже эти скромные обещания.

Вопрос о новых параметрах американской политики в регионе рассматривался на конференции в Катаре 9—11 мая 2011 года, организованной совместно Центром развития Среднего Востока Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и министерством иностранных дел Катара. Выступали такие известные американские специалисты, как Энтони Кордесман (Центр стратегических и международных исследований), Джей Футлик, президент Компании «Инициативы глобальной политики» — бывший специальный помощник президента Клинтона в Белом доме, доктор Майкл Нахт, профессор Калифорнийского университета в Беркли — бывший помощник министра обороны по глобальным стратегическим делам, Стивен Шпигель — директор Центра развития Среднего Востока в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, посол Чарлз Райе, главный научный сотрудник «Рэнд корпорейшн». Их высказывания можно было резюмировать следующим образом:

1. Размах и сила протестных выступлений в регионе Среднего Востока и Северной Африки, направленных против авторитарных режимов, практически союзников США, были неожиданными для официального Вашингтона. Пока что речь о возвращении стабильности в регионе даже не идет. Результаты революций также неизвестны.

В Вашингтоне задают вопросы: Что будет дальше? Какие в арабских странах будут правительства? Как успешны будут реформы или репрессии? Как устоят новые режимы?

Не известно также, как сложится ситуация в Ираке и в Афганистане после вывода оттуда американских войск.

В краткосрочной перспективе для Вашингтона полная неясность, как будут развиваться события. Какой-то «дорожной карты» сейчас нет. В США не знают, чем кончатся революции, и не будет ли их второй волны или контрреволюций. Поэтому на данном этапе задача состоит в том, чтобы найти «правильных» людей, найти контакты для сотрудничества.

2. Существует принципиальная разница между отношением США к антиправительственным выступлениям в СССР и в странах Восточной Европы и в арабских странах. США были на стороне «улицы» в СССР и Восточной Европе. В рассматриваемом регионе США сначала были на стороне лидеров Туниса и Египта, с которыми поддерживали прекрасные отношения.

3. США не будут уходить из региона, учитывая его важность, но они должны остаться по-другому. В среднесрочном и долгосрочном планах, возможно, будут созданы условия для успешного сотрудничества, если у власти будут либеральные силы. Пока же Вашингтон будет искать контакты и с умеренными исламистами.

4. По отношению к Ливии тогда (в мае 2011 года) высказывали набор обычных штампов: «Каддафи должен уйти», «США и НАТО действуют в рамках резолюции СБ ООН», «Нельзя допустить, когда правительства убивают своих граждан».

США пока были заняты в Ираке и Афганистане. Они не хотели вмешиваться в ливийские дела, предпочитая передать главную ответственность за Ливию своим союзникам по НАТО.

При оценке событий в Ливии, отмечалось, что «политики НАТО не знают, что делать дальше». Франция и Англия сокра-

шали военные бюджеты и вдруг ввязались в военную кампанию против Ливии, не просчитав последствий.

5. Что касается ситуации в бассейне Персидского залива и на Бахрейне, то решение о вводе саудовских войск на Бахрейн, по мнению американских экспертов, якобы было принято без согласования с США. «Мы не можем везде вмешиваться, — считали в Вашингтоне — пусть решают сами арабы». США якобы просто пытались помочь диалогу. «Но нельзя ожидать от США слишком многого». Все выступления сопровождались обычной риторикой, что нужно опасаться Ирана, который стоит за выступлениями шиитов на Бахрейне и проводит опасную политику в Сирии, Ираке и Палестине, развивает ракетную технику и, возможно, создает ядерное оружие.

6. До президентских выборов в 2012 году вряд ли можно ожидать от Вашингтона каких-то прорывных предложений по израильско-палестинскому урегулированию с учетом жесткой позиции правительства Нетаньяху и возобновления сотрудничества между палестинскими организациями ФАТХ и ХАМАС. Главная задача президента Обамы — выпутаться из Афганистана и Ирака. Но если он победит на выборах в 2012 году, то тогда и будет больше внимания ближневосточному урегулированию. В ближайшие месяцы Обаме придется расплачиваться за собственные обещания создать Палестинское государство в сентябре 2011 года. Поэтому он будет вести себя осторожно.

7. 20 лет назад после крушения СССР, в Вашингтоне считали, что он может делать все, безусловно доминировать в мире. Сейчас у США проблемы, как внутри страны, так и в различных регионах мира. Поэтому Вашингтон ищет новых партнеров в деле создания модели нового мира и пытается приспособиться к этому новому миру. «США не смогут все делать за всех».

Стоит задача выработать новые принципы партнерства между США и странами Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки.

США хотели бы, чтобы часть проблем в регионе решали европейские союзники. Но в ЕС свои серьезные экономические трудности.

8. В арабских странах идут разговоры о необходимости некоего «плана Маршалла» для подъема экономики ненефтяных арабских государств. В США относятся к этим предложениям в высшей степени сдержанно, учитывая что США уже понесли и несут колоссальные расходы на Ирак и Афганистан, а внутри США не преодолены трудности, связанные с финансово-экономическим кризисом. Любое решение о выделении крупной помощи должно проходить через американский конгресс, где доминируют республиканцы. Реальную помощь арабским странам, по мнению США, должны оказывать богатые нефтедобывающие государства Персидского залива и страны ЕС.

США предполагают сосредоточиться на микрофинансировании, развитии сельского хозяйства и возрождении деятельности американского корпуса мира. Все это не потребовало бы колоссальных расходов.

* * *

Обама продемонстрировал, что, защищая интересы политической элиты, которая за ним стоит, он может перешагивать и через интересы своих друзей и партнеров. При этом он учитывал, что антиамериканизм в арабо-мусульманском мире по-прежнему сохранился. Речь шла в первую очередь об усилении исламистского экстремизма и неурегулированности арабо-израильского конфликта. Проблема состояла в том, что внутриполитические процессы в период перехода к новым властным конструкциям выходили из-под контроля внешних игроков и приобретали собственную логику.

Западные государства рассчитывают, в конечном счете, сохранить свои региональные позиции, участвуя в расстановке «удобных» для них кадров во вновь формируемых правительствах и углубляя их экономическую и военно-техническую зависимость.

Негативным для себя фактором Запад считает возможность прихода к власти экстремистских исламских движений. Тем не менее, он убежден, что впоследствии ему удастся нейтрализовать это «неудобство», попытавшись договориться с исламистами.

Терпимость Соединенных Штатов к наличию различных оттенков исламистов среди оппозиционеров в арабских странах показывает общее стремление США найти контакты с исламистскими движениями. При этом бывшие враги становятся тактическими союзниками, а бывшие друзья в лице президента Туниса, президента Египта, а потом и лидера Ливии Каддафи объявлены врагами.

Если западные политики хотели бы использовать исламистов в своих интересах, то исламисты Запад — в своих. В 50—70-е годы у Запада и исламистов были общие противники — коммунизм, Советский Союз, светские антизападные режимы. Сейчас общего врага нет. А отношение к Израилю может оказаться разделительной чертой исламистов и Запада.

А что «израильский райком»?

Израиль пока выглядит проигравшей стороной. Израильцы восприняли смену режимов, особенно в Египте, весьма настороженно. Существовавшие в течение десятилетий «холодный мир» с Египтом и Иорданией и ситуация «ни мира, ни войны» с Сирией — оставляла Израилю свободу рук в отношении палестинцев и давала гарантии стабильности и безопасности. С ростом политической неопределенности в арабском окружении и особенно в связи с легализацией исламистских партий в Египте, сближением египетских военных властей с ХАМАС и смягчением их отношения к Ирану, израильцы стали серьезно опасаться новых вспышек враждебности со стороны арабов. На фоне протестных выступлений против авторитарных режимов ущемленное положение палестинцев на оккупированных территориях привлекает особое внимание, вызывая рост антиизраильских настроений в мире.

Соглашение между ФАТХ и ХАМАС, которое прямо или косвенно было форсировано последними изменениями в египетском руководстве и бурными событиями в Сирии, показало израильтянам всю степень опасной для них непредсказуемости сложившегося состояния дел в отношениях с палестинцами.

Для нынешнего израильского руководства переговоры с создаваемом в соответствии с этим соглашением палестин-

ским правительством требуют особых условий. Одновременно растут требования к США по обеспечению безопасности Израиля, в частности по финансированию и техническому обеспечению многоуровневой системы ПРО, которая покрывала бы всю страну.

Внутриполитический расклад в Израиле будет определяться и тем, какую конфигурацию приобретет внешняя политика Египта после парламентских и президентских выборов. В случае прихода к власти в Египте наиболее радикальных сил, можно ожидать консолидации общества вокруг правого правительства Нетаньяху. Если же в Египте и других затронутых переменами арабских странах возобладают умеренные силы, то в Израиле могут наметиться сдвиги в сторону смягчения завышенных переговорных требований. Однако вся проблема с израильской стороны состоит в том, что у праворадикального блока Ликуд, не расположенного к территориальным и другим уступкам, на сегодняшний день нет реальной альтернативы. Оппозиционная партия Кадима не имеет достаточно политического ресурса, что сказывается на всей внутриполитической обстановке, складывающейся не в пользу мирного процесса.

В Израиле ко всем событиям в регионе Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки существует двойственное отношение. С одной стороны, особой симпатии к авторитарным режимам там нет и не было. С другой стороны, есть опасение, что альтернатива может быть намного хуже. Официальный Израиль предпочитает сохранять видимость нейтралитета и сдержанно комментирует происходящее. Только в своем первом заявлении, в конце марта, по поводу событий в регионе премьер-министр Б.Нетаньяху заявил, что «весь арабский и в значительной степени мусульманский мир сегодня переживает землетрясение». Он также подчеркнул, что Израиль еще не знает, чем это закончится, надеется на лучшее, надеется расширить круг мира, сохранить и упрочить существующие отношения, но он готов и «к другим вариантам».

Израильское руководство осознает, что мир в связи событиями в арабских странах и, прежде всего, в связи с революцией в Египте изменился. Соответственно, изменилось и пред-

ставление Израиля о том, что собой представляет стабильность в регионе. Будущее стало менее предсказуемым в диапазоне от Марокко до Афганистана.

В условиях нарастающей нестабильности сохранять спокойствие становится все сложнее. Политическая элита Израиля не исключает вероятность развития революционного процесса, например, в русле иранской революции 1979 года. По ее мнению, существует и другая вероятность — ливанского образца, поскольку пять лет назад протестное движение за демократию, за прогрессивный Ливан завершилось усилением «Хизбаллы». В связи с непредсказуемостью ситуации в странах, охваченных движением за демократические реформы, премьер-министр Израиля охарактеризовал текущий момент как «неопределенное и опасное время».

В политических кругах Израиля нынешняя внешнеполитическая ситуация рассматривается в трех измерениях: ситуация в странах внешнего кольца — от Марокко до Пакистана; обстановка в непосредственной близости от израильских границ — Палестинская администрация (ПА), Газа, Египет, Ливан, Иордания; израильская внутривнутриполитическая обстановка и ее влияние на внешнеполитический курс страны.

События в странах внешнего кольца, естественно, вызывают тревогу израильтян. Они считают, что, несмотря на все различия, события носят явно антизападный и антиизраильский характер, хотя Израиль в лозунгах оппозиции практически не упоминался. Правда, тайными симпатиями к Израилю попрекали оппозиционеры и президента Мубарака, и предыдущего короля Марокко, и даже диктатора Ливии Каддафи. Рассчитывать на потепление отношений с этими странами ни в случае победы оппозиции, ни в случае ее поражения, по мнению израильских политиков, не приходится. Даже если в арабских странах сформируются умеренные режимы, то они, скорее всего, придут к отказу от каких бы то ни было отношений с Израилем.

Политики и политологи Израиля в своих оценках исходят из того, что эмоциональное неприятие Израиля в арабских странах столь велико, что любые перемены будут означать усиление антиизраильской направленности их политики. Тель-Авив тревожит усиление роли Ирана в регионе, который сра-

зу же попытался использовать создавшуюся обстановку для демонстрации своей силы в новых условиях. Факт прохождения двух иранских боевых кораблей через Суэцкий канал в Средиземное море оценивался израильскими специалистами именно с этой точки зрения. Этот маневр, по их мнению, имел несколько причин. Первая — показать своим сторонникам-исламистам, что они могут рассчитывать какую-то помощь со стороны Исламской республики, вторая — посыл Израилю и США, третья — сигнал в расчете на внутреннее потребление: «Иран по-прежнему в авангарде исламского мира». Этот сигнал был необходим для Тегерана, в котором тоже не стихали волнения.

Была и еще одна причина — практическая — проверить, как поведут себя нынешние власти Египта в новой ситуации. Каир подтвердил, что готов восстановить дипломатические отношения с Тегераном после более чем 30 лет перерыва. Об этом заявил министр иностранных дел Египта Набиль аль-Араби, обозначив, таким образом, изменения во внешней политике страны после падения режима президента Хосни Мубарака. «Египетский и иранские народы заслуживают добрых отношений, отражающих их историю и цивилизованность... Египет открыт для всех стран мира», — заявил аль-Араби на первой официальной встрече представителей Египта и Ирана со времени свержения Мубарака. Иран, в свою очередь, приветствовал инициативу Египта. Эта новость не могла не настроить Тель-Авив.

Подливают масло в огонь и высказывания президента Ирана. «Волна арабских революций не оставила ни малейшего шанса на выживание сионистского режима» — такое мнение выразил на пресс-конференции, которая состоялась 4 апреля 2011 года в Тегеране президент Исламской Республики Иран Махмуд Ахмадинежад.

В ответ израильское руководство требует ужесточения международных санкций против Ирана. Премьер-министр Б.Нетаньяху даже выступил с требованием, чтобы международное сообщество приняло такие же жесткие меры против Ирана, как и против Ливии. «Как Ливия, так и Иран систематически нарушают права человека и не заслуживают иммунитета», — сказал Нетаньяху. «Если международное сообщество оказыва-

ет особое давление на Ливию и предостерегает ее руководителей и солдат не нарушать права человека, такое предостережение должно быть направлено также против лидеров и войск Ирана», — потребовал премьер-министр. Он добавил: «Пока Каддафи убивает сейчас своих противников, режим аятолл в Иране систематически казнит несогласных. Поэтому реакция Запада должна быть направлена против этих двух стран».

В условиях растущей напряженности в Израиле вновь рассматривался вопрос об ударе по ядерным объектам Ирана. Хотя Соединенные Штаты против этого удара, потому что они расплачивались бы за ответные действия Ирана, для которого Израиль пока недоступен, опасность возможных авантюристических действий израильского руководства возросла. Многие исследователи в США полагали, что подобный удар может резко усилить стремление Ирана произвести ядерное оружие. Это не говоря о возможных ответных действиях Ирана в Ираке, в государствах Залива и в Афганистане, катастрофических последствий для мировой экономики.

Но если Израиль будет вновь чувствовать себя во враждебном окружении, такой удар возможен, даже без согласования с американским союзником. Предыдущие удары по ядерным установкам в Ираке и Сирии были успешными.

Неоднозначной была реакция Тель-Авива на положение дел в Ливии. Сразу после начала операции коалиционных сил в Ливии со стороны официальных кругов Израиля прозвучали слова озабоченности: вмешательство вооруженных сил западных стран может нанести ущерб легитимности гражданского движения в Ливии, а также в других арабских странах. И почему при этом бомбежки Триполи вызывают одобрение, а бомбардировки Газы — гнев мирового сообщества?

Показательно, что и простые израильтяне неоднозначно относились к действиям против Ливии. По данным опросов общественного мнения видно, что хотя 52% опрошенных считали действия ЕС и НАТО оправданными, 43% израильтян выступали против. Интересно, что поддержка интервенции со стороны израильских арабов была значительно выше: 62% опрошенных высказались в поддержку сил НАТО и только 34% — против. В целом, новая обстановка в странах внешнего регионального

кольца (включая такие важные страны, как Саудовская Аравия и др.) находится в поле внимания Тель-Авива, так как она во многом определяет геополитическую роль Израиля, которая на сегодняшний день может непредсказуемо измениться.

Ситуация вблизи израильских границ считается наиболее опасной для Израиля. Здесь существует озабоченность, что сплочение египетского общества против Израиля — вопрос времени. Ведь после инцидента на израильско-египетской границе, когда было убито несколько египетских пограничников, разгневанная толпа разгромила израильское посольство в Каире. И Тель-Авив, и Каир постарались сгладить инцидент.

Обеспокоенность выражают все — и правые, и левые. И проправительственные аналитики, и независимые профессора. Здесь внимательно отслеживали не только заявления «Братьев-мусульман». Ведь и новый министр иностранных дел Египта Набиль аль-Араби тоже заявил, что мирный договор с Израилем — это «не священная корова». Необходимость пересмотра договора подразумевали и возможные кандидаты на пост президента Египта Амр Муса и Мухаммед аль-Барадеи. В Израиле понимали, что сотрудничество с режимом Мубарака в блокаде сектора Газа далеко выходило за пределы прежнего мирного договора и прежних договоренностей. Представители ХАМАСА, правящего в секторе Газа, уже посетили Каир и встречались с военным руководством, чтобы обсудить возможности экономических связей с Египтом и положение политических заключенных в израильских тюрьмах. В Каире ХАМАС из Газы и ФАТХ с Западного берега договорились о совместных действиях.

Под вопросом оказалась вся израильская политика статус-кво, которая предусматривала ведение переговоров ради переговоров, откусывая один кусок палестинских территорий за другим, основывая новые поселения для израильтян, выжимая палестинцев с их насиженных мест. Попытки невооруженных палестинцев проникнуть на оккупированные Израилем территории в мае 2011 года вызывала многочисленные жертвы среди самих палестинцев в результате действий вооруженных сил Израиля. Это подрывало пропагандистские позиции Тель-Авива в мировом сообществе, особенно в странах ЕС.

Тель-Авив тревожит и тот факт, что хорошо подготовленная и вооруженная египетская армия, считающаяся сильнейшей в арабском мире как по численности личного состава, так и по боеготовности, может когда-нибудь оказаться под управлением людей, отрицающих возможность мирных соглашений с Израилем. Таким образом, египетская армия из «холодного друга» может превратиться во врага — и это спустя 30 лет, в течение которых она соблюдала нейтралитет, не вмешиваясь в ход палестино-израильского конфликта. Обеспокоил израильское руководство и подрыв газопровода, трасса которого проходит из Египта в Иорданию, так как Израиль получает примерно половину используемого в стране газа именно от своего южного соседа. (Правда, эти тревоги временные, учитывая, что на шельфе Средиземного моря близ Израиля открыты крупные месторождения газа).

Даже если новое правительство Египта не разорвет мирный договор, военные расходы Израиля, несомненно, возрастут из-за гипотетически растущей угрозы военных столкновений на юге. В любом случае, если «Братья-мусульмане» станут частью нового политического порядка в Египте, они, несомненно, будут поддерживать ХАМАС, который считается частью их движения. Особо пессимистически настроенные израильские политики предсказывают изматывающие террористические акции и обстрелы с четырех сторон по Израилю, предполагая, что израильское общество не сможет ни морально, ни физически, ни экономически вынести состояние такого перенапряжения. Ранее израильские военные полагали, что потенциальные угрозы террористических акций исходили из Ливана, Сирии и сектора Газа. В свете последних событий у них появились серьезные опасения, что теперь им, возможно, предстоит иметь дело и с четвертым фронтом, который сопоставим с другими тремя, вместе взятыми, — Египтом.

Опасения израильтян насчет трансформации позиции нового египетского руководства в отношении Израиля базируются на следующих фактах: египетские авиалинии прекратили полеты в Израиль; выпущены из тюрем все задержанные при режиме Мубарака члены ХАМАС. Министр иностранных дел Египта категорически высказался против возможных силовых акций

в отношении сектора Газы. Со сменой власти в Египте практически открыт «Филадельфийский коридор» (граница Газы и Египта), что якобы делает возможным увеличение объемов контрабанды оружия через Синай в сектор Газа. Такой дрейф нового египетского режима чреват не только изменением позиции по палестинской проблеме, но и затрагивает напрямую вопросы безопасности Израиля, в том числе и надежность контроля над египетским сектором совместной границы.

То же самое справедливо и по отношению к Сирии. Как ни парадоксально, но хаос в Сирии израильтянам не выгоден, так как совсем не факт, что в его результате к власти придут «демократически настроенные элементы», а не исламисты. А такой вариант возможен. Волна массовых протестов и демонстраций в Сирии вызывает беспокойство в Израиле. В Тель-Авиве давно привыкли к политическим методам управления в начале Хафеза Асада, стоявшего у руля три десятилетия, а затем и сменившего его сына Башара. Израиль привык к покою и порядку на линии перемирия с Сирией, длящимися более трех десятилетий. Если вдруг в Дамаске сменится режим, трудно предсказать, как это скажется на его взаимоотношениях с еврейским государством.

Правда, в Израиле отмечают, что Сирия — союзник ненавистного Ирана, которого здесь принято считать врагом. Сирийцы, по утверждению израильтян, вооружают и готовят боевиков Хизбаллы в Ливане, которые столь успешно воевали против израильтян в 2006 году. Но потенциальный хаос в Сирии, подъем суннитского движения, во главе которого могут стоять местные «братья», гораздо более экстремистски настроенные, чем в Египте, — это представлялось худшим сценарием.

В остальном мнения разделяются. Одни (левые) полагают, что как раз сейчас и нужно договариваться с сирийцами и палестинцами, чтобы снять напряженность на будущее с меняющимся, и, возможно, демократизирующимся арабским миром. Другие (близкие к правительству) полагают, что именно сейчас нельзя вести никаких переговоров, нельзя заключать никаких соглашений, тем более нельзя делать территориальных уступок, так как не известно, какие силы придут к власти завтра в Сирии или же на охваченных кризисом палестинских территориях.

В этих условиях израильтяне просчитывают возможности обострения палестино-израильского конфликта, а более всего — третьей интифады. Израильские политики категорически выступили против провозглашения Палестинского государства на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

По очевидным причинам израильское правительство опасается беспорядков среди арабов на улицах собственных городов и на Западном берегу. Палестинцы вполне могут подхватить эстафету протестов в соседних странах. Боязнь арабских волнений на территории ПА и внутри Израиля охватил израильское общество. Вместе с тем, некоторые обозреватели считают, что бояться серьезных беспорядков со стороны арабского населения Израиля и жителей Палестинской администрации не стоит. Так, израильский автор Й. Эттингер писал о том, что хотя израильские арабы осуждают политику Израиля, они предпочитают жить в еврейском государстве, а не при арабском режиме. Арабские граждане Израиля также полностью отвергают какие-либо планы обмена территориями между Израилем и Палестинской администрацией, которые рассматривали бы переселение арабов в ПА и лишение их израильского гражданства.

В отношении оценки событий в регионе и их последствий для Израиля наблюдался широкий разброс мнений. На вопрос: «Как может Израиль ответить на резко меняющуюся обстановку вокруг нас?», премьер Б.Нетаньяху и его окружение продолжали полагаться на силу. Его ответ был четок: показать мощь Израиля и продолжать убеждать Запад, что Израиль — «единственная демократия на Ближнем Востоке», островок стабильности в море дикой враждебности, форпост Запада в «столкновении цивилизаций». На этих позициях стояло практически все израильское правительство и проправительственный лагерь.

М. Варшавский, один из основателей израильского Центра альтернативной информации, считал, что первый подход к событиям в регионе — недооценка важности событий в Египте и во всем арабском мире. Появился новый фактор, который израильское руководство никогда прежде не принимало в расчет, —

арабский народ, арабские массы. Израильский истеблишмент не привык считаться с волей и интересами «арабской улицы».

Второй подход базируется на привычной реакции на более широкое определение арабских масс — мусульмане. Простые израильтяне и элита страны привыкли относиться к мусульманам как к потенциальной угрозе, хотя в ходе демонстраций и в Тунисе, и в Йемене, и в Египте антиизраильская тема не была общемобилизационной. Израиль там почти не упоминался, что, кстати, тоже настораживает израильское общество, которое по привычке воспринимает это как политический трюк.

По результатам опросов общественного мнения, проведенных в конце марта 2011 года Тель-авивским университетом и Израильским институтом демократии, только 28% еврейского населения Израиля считали, что перемены на Ближнем и Среднем Востоке создадут новые возможности, и Израиль должен предпринять новые усилия по достижению мира в регионе. Большинство же — 70% евреев страны — признавали, что ситуация неясная, и Израилю лучше оставаться пассивным и ничего не предпринимать. При этом более половины опрошенных (52%) считали, что народная борьба против диктаторских режимов являлась позитивным фактором для народов Ближнего и Среднего Востока, и 47% опрошенных считали, что это позитивно и для Израиля.

В создавшейся ситуации наиболее левая (и наиболее малочисленная) часть израильского общества приходит к выводу, что события в регионе сближают интересы трех светских прозападных государственных образований — Израиля, Иордании и Палестинской администрации. Левые силы Израиля настаивают на том, что Израиль должен в течение кратчайшего времени подписать окончательный мирный договор с ПА. Однако соглашение о единстве действий ХАМАСа и ФАТХа смещало карты.

Левый лагерь настаивает на том, что у Израиля есть, возможно, последний шанс разрешить конфликт, не выходя за рамки международных договоренностей, — это признание принципа «два государства для двух народов». Этот принцип сможет гарантировать надежное будущее для государства евреев на Ближнем и Среднем Востоке и большие преимущест-

ва, и самое главное из которых — интеграция Израиля в многообразный и демократический Ближний и Средний Восток. И лишь отсутствие политической воли мешает реализовать шаги к решению затянувшегося конфликта. Этот путь открывает возможности не только «околодного мира» между правительствами, но и мира между народами региона. Все другие возможности, как, например, планы создания единого еврейско-арабского государства — «гораздо хуже», и пользуются еще меньшей поддержкой как в Израиле, так и у его соседей.

Несколько десятков наиболее уважаемых израильских интеллектуалов и деятелей из сферы культуры подписали декларацию, в которой поддерживают идею создания Палестинского государства на основе границ 1967 года. Они утверждали, что конец израильской оккупации «освободит два народа и откроет путь к прочному миру». Из более чем 60 подписантов около 20 были лауреатами различных высших премий Израиля, которые выдаются за выдающиеся результаты в науке, искусстве и культуре.

Эта декларация совпала с заявлением видных израильских политиков, не входящих в нынешнюю структуру правительства, в числе которых бывшие руководители силовых министерств и ведомств. Они подготовили проект мирного урегулирования с целью давления на правительство Нетаньяху. Представители этой группы утверждают, что их план базируется на арабской инициативе, выдвинутой в 2002 году и забракованной Израилем, поскольку там содержалось требование о восстановлении границ 1967 года и возвращении палестинских беженцев. Авторы этого проекта призывают Израиль признать палестинское государство на территории сектора Газы и почти всего Западного берега, включая Восточный Иерусалим, обеспечить совместный контроль над Иерусалимом. От большинства палестинских беженцев, по мнению инициаторов, следует откупиться, выдав им денежную компенсацию, а небольшой части из них позволить вернуться на территории Израиля. Данная инициатива, помимо этого, включает также вывод израильских войск с Голанских высот и передачу их Сирии — в обмен на гарантии безопасности и совместные экономические проекты.

Полностью этот план поддержали 40 израильских политиков, в том числе бывшие главы внешней разведки (Моссад) и контрразведки (ШАБАК). Авторы инициативы подчеркивают, что этот проект вызван к жизни «драматическими событиями», происходящими сегодня в регионе. Отметим, что этот проект не пользуется поддержкой большинства израильтян.

Существует еще одно мнение. Некоторые израильские авторы правого толка считают, что события в Египте и общая тенденция социально-демографических процессов в арабском мире дают основания для прогноза, что в ближайшие 10—15 лет весь арабский мир превратится в такие же «недогосударства», какими сейчас являются Ливан или Сомали. По их мнению, это дает основания полностью изменить свой подход к арабо-израильскому конфликту, в части планов создания еще одного арабского государства на Западном берегу Иордана, помимо Иордании.

* * *

В целом можно констатировать, что хотя израильских лидеров беспокоит уходящий старый (привычный) порядок в арабском мире и пугают неизбежные перемены, привычный политический дискурс в стране не претерпевает существенных изменений.

Главным внутривнутриполитическим результатом египетских событий в Израиле считают необходимость ужесточения оборонной политики и готовность принять предельно жесткие меры в случае фактического расторжения Египтом мирного договора (оккупация Синай, оккупация Газы и т.д.). Официальный Израиль и премьер-министр Нетаньяху настаивают на дальнейшем строительстве защитной стены теперь уже на границах с Египтом и Иорданией. Естественно, такие шаги не могут не повлиять на внешнеполитические ориентиры этого государства.

Израильское руководство обеспокоено и на всякий случай перебрасывает войска с северной границы на южную. Понятно почему. У него были стабильные отношения с режимом Хосни Мубарака, а сейчас будущее абсолютно неизвестно.

Будущее неясно. «Украденные революции»?

Теперь уже очевидно, что режимы, которые приходят к власти в результате революционных изменений, будут менее прозападными, чем те, которые существовали ранее, а может быть, — «антизападными». Да, будут существовать экономические, социальные, культурные связи с Западом, с Соединенными Штатами. Но у власти не будут послушные Вашингтону диктаторы, которые могли бы игнорировать мнение своих собственных народов.

Умиление западных СМИ по поводу революций с лицом «Фейсбука» требует непредвзятого подхода. Легко забыть, что французы штурмовали Бастилию, а большевики — Зимний дворец без помощи Интернета и не посылали фотографии друг друга по «Фейсбуку». То же — сравнительно недавняя исламская народная революция в Иране, хотя там распространялись проповеди аятоллы Хомейни с помощью аудиокассет.

Арабские революции произошли не потому, что появились информационные технологии. Ими двигали те же силы, которые не раз разжигали революции: ненависть к коррумпированной автократии и тайной полиции, фрустрация поднимающегося среднего класса, безнадежное положение бедных, неспособность «верхов» на реальные реформы. «Лицо» революции, поколение «Фейсбука», молодые образованные демонстранты, которые могут выразить свое мнение через Интернет, — это лишь один срез сложной социальной структуры арабских стран.

Но когда говорят о будущем «расцвете» демократии, не стоит забывать о действительно глубоких религиозных чувствах большинства населения. Опыт Пакистана, Таиланда и Турции показывает, что образованный средний класс в городах и светски настроенные интеллектуалы часто разочарованы результатами демократических выборов, на которых менее образованное население голосует за партии отнюдь не прозападного или либерального характера.

Если североафриканским и другим арабским странам повезет, то их будущая политическая система может оказаться в чем-то похожей на турецкую — демократия с сильной ислами-

стекой партией и с развивающейся экономикой и с военными на заднем плане. Но проблема заключается и в том, что любая революция приводит сначала к экономическим потерям, крупным или мелким, к приостановке развития, к падению экономики, к ухудшению положения масс. Если это наложится на массовую бедность несытого населения, может произойти очередной непредсказуемый социальный взрыв.

Если развитие, например, Египта пойдет в «плохом» направлении, то страна больше будет походить на Пакистан: множество бедняков, нефункционирующая демократия, разорванная между исламистами, светскими деятелями и могущественными военными, сохранение всеобщей коррупции. Конечно, в Пакистане надо учитывать еще и серьезнейшие межэтнические противоречия, чего нет в Египте, хотя здесь могут обостриться межконфессиональные отношения. Египет отнюдь не достиг уровня экономического развития Турции, но по ВВП на душу населения он несколько превосходит Пакистан. Будущая структура Египта, если опрIMITивить анализ до предела, может оказаться между этими двумя вариантами.

В Тунисе больше надежд на функционирующую демократию, с сильной исламистской окраской. Что же до других стран победивших или побеждающих революций, то воздержимся от предсказаний.

Пока слишком много неизвестных, слишком много противоречий, а попытка перенести специфику одного общества на другое может исказить реальность.

Ни одну арабскую страну нельзя представить себе демократической республикой европейского образца.

Как показывает исторический опыт, переход к демократии отнюдь не гарантирован ни при диктатуре армии, ни при диктатуре толпы. Сумеет ли Египет, как, впрочем, и Тунис, пройти по «золотой середине», покажет время.

Уровень экономического развития общества, как и культурно-исторические традиции, имеет большое значение для развития демократии. Было проведено исследование, которое выяснило, что там, где уровень ВВП на душу населения выше шести тысяч долларов в год, легче устанавливать демократические режимы. Там, где он меньше полутора тысяч, демокра-

тия, как правило, не выживает. В Египте, по разным подсчетам, в том числе учитывая паритет покупательской способности, уровень ежегодного дохода на душу населения около 6 тысяч долларов, в Тунисе — немного больше. В общем-то, примерно такой же он в Индонезии, самой крупной мусульманской стране, которая сумела поддерживать какие-то институты демократической системы, несмотря ни на коррупцию, ни на религиозный экстремизм.

В Египте и других арабских странах произошел более сильный взрыв народного гнева, эмоциональной революции, чем в Индонезии или Пакистане. Поэтому армия должна вести себя более осторожно.

В целом США и другие государства Запада пытаются использовать кризисные явления на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке для сохранения и возможного расширения своего регионального присутствия, в том числе и его военной составляющей. Главной целью их курса является обеспечение гарантированного снабжения своих экономик арабским углеводородным сырьем, воздействие на происходящие в странах региона социально-политические преобразования, нахождение новых надежных партнеров, обеспечение безопасности Израиля.

Россия на данный момент как бы самоустранилась от событий в регионе.

Оценивая происходящее на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке, революции и движения протеста, нельзя не упомянуть о позиции растущего восточноазиатского гиганта — Китая.

Китай не является активным участником в событиях в регионе, более того, реальная позиция Китая состоит в самоустранении и поддержании нейтралитета. Китай традиционно стремится играть серьезную роль в мире, но при этом не брать на себя ответственность. Такое состояние продлится, по крайней мере, до смены власти в конце 2012 года. Уже сейчас в Китае идут разработки моделей будущего курса. Известно, что властные структуры Китая опасаются распространения настроений протеста на молодежь. Однако это больше перестраховка, поскольку сейчас очень сильна ориентация молодежи

на материальные блага, а информационные технологии в значительной степени под контролем властей.

КНР голосовала за резолюцию 1970 по Ливии, но воздержалась принять резолюцию 1973. Китай оказался единственной среди постоянных членов СБ ООН, которая не потребовала отставки Каддафи, не допустила ни одного личного выпада и не предъявила никаких претензий. Более того, китайцы согласились на передачу дела о событиях в Ливии в международный суд с особым мнением: при условии, что будет расследованы все обстоятельства, приведшие к кровопролитию, в том числе и внешних сил. Вместе с Россией Китай заветировал резолюцию Совбеза ООН по Сирии, чтобы не допустить вмешательства НАТО в дела этой страны по ливийскому варианту.

* * *

С начала массовых народных волнений в арабском регионе прошел примерно год, а обстановка продолжает оставаться неопределенной, по-прежнему трудно предсказуемой и, с точки зрения дальнейших перспектив, многовариантной. По какому бы пути ни развивались события, трансформация социально-политических структур не будет протекать гладко.

Большая часть оптимизма после событий в Египте и Тунисе исчезла.

Уже говорят об «украденной революции» и в Тунисе, и в Египте.

ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ

Глава III

СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

В общем-то, неудивительно, что администрация Мубарака «проморгала» социальный взрыв. Ведь статистика (и совсем не без оснований) утверждала, что страна развивается очень даже успешно. Экономика растет хорошими темпами (даже в кризисные годы). Уровни бедности и неравенства одни из самых благополучных в Третьем мире. Мировые цены на продовольствие растут, но правительство принимает серьезные меры для смягчения последствий этого для беднейших слоев населения. Уровень безработицы (в процентах) меньше, чем во многих достаточно благополучных странах мира и в последнее время несколько сокращается, что происходит на фоне замедления темпов роста населения. Казалось бы, какие основания ждать крупномасштабного социального взрыва? Да, существуют, конечно же, какие-то небольшие группки смутьянов-блоггеров, но разве есть хоть какие-то основания ожидать, что они смогут вывести за собой сколько-нибудь значительные массы людей?

И конечно, было трудно просчитать, что по режиму Мубарака больно ударят успехи, достигнутые им (и его предшественником) в модернизации Египта, успехи, обеспечившие резкое падение в 1975—1990 гг. смертности вообще и младенческой и детской смертности в особенности, успехов, без которых очень многие молодые египтяне, с пеной у рта требовавшие на Тахрире отставки (или даже смерти) Мубарака и «падения режима», просто умерли, бы не дожив до того возраста, когда они смогли бы выйти на улицы с подобными требованиями.

Начнем с того, что рекомендованная ВОЗ норма среднелюдского потребления продовольствия составляет 2300—2400 ккал на

человека в день. Еще в начале 1960-х годов среднедушевое потребления продовольствия египтянами было ниже этого уровня. Таким образом, в Египте еще в начале 1960-х гг. проблема недоедания стояла вполне реально. Однако уже к середине 60-х гг. Египет выходит на этот уровень, но вплоть до 1974 г. не может его превысить. После 1973 г. подушевое потребление продовольствия пошло резко вверх, уже в 1982 г. (т.е. через год после смерти Садата) превысив порог в 3000 ккал и никогда уже после этого ниже данного порога не опускаясь. После этого перед большинством египтян уже стояла скорее проблема переизбытка, чем недоедания. Все это, конечно, трудно не связать с начатыми садатовской администрацией в 1974 г. достаточно успешными экономическими реформами (т.н. *инфитак*). Таким образом, можно сказать, что в 1970—1980-е гг. Египту удалось выйти из т.н. «мальтузианской ловушки».

Напомним, что под «мальтузианской ловушкой» (*Malthusian Trap*) обычно понимается типичная для доиндустриальных обществ ситуация, когда рост производства средств к существованию (в результате того, что он сопровождается обгоняющим демографическим ростом) не сопровождается в долгосрочной перспективе ростом производства на душу населения и улучшением условий существования подавляющего большинства населения, остающегося на уровне, близком к уровню голодного выживания. На протяжении доиндустриальной истории человечества (в особенности применительно к сверхсложным аграрным социальным системам) масштабные внутрисполитические потрясения были очень часто связаны именно с нахождением человеческих обществ в мальтузианской ловушке. Однако нами было показано, что выход из мальтузианской ловушки несколько парадоксальным образом (ведь социальный взрыв происходит на фоне долгосрочной тенденции к улучшению материальных условий жизни большинства населения) также может систематически (и совершенно закономерно) сопровождаться серьезными социально-политическими потрясениями (к которым можно отнести большинство революций Нового и Новейшего времени). Это явление было названо нами «ловушкой на выходе из ловушки». Египетская революция 2011 г. может здесь рассматривать-

ся в качестве характерного примера (не лишенного, впрочем, определенных особенностей).

Начнем с ответа на действительно простой вопрос: «Как выход из мальтузианской ловушки должен отразиться на ожидаемой продолжительности жизни и смертности?» Да, если люди, ранее недоедавшие, полностью и окончательно решают проблему голода и начинают есть вдоволь, то продолжительность их жизни увеличивается, а смертность в соответствующей популяции сокращается. И действительно, во всех известных нам случаях выход из мальтузианской ловушки сопровождался стремительным ростом ожидаемой продолжительности жизни и резким сокращением смертности. Египет здесь, естественно, не был исключением. Выход Египта из мальтузианской ловушки вполне предсказуемым образом сопровождался стремительным ростом ожидаемой продолжительности жизни, смертность же при этом всего за 20 лет (с 1970 по 1990 г.) сократилась почти в два раза!

В полном соответствии с теорией демографического перехода, через какое-то время после этого последовало и снижение рождаемости, но, как обычно, с заметным запозданием.

Нельзя сказать, что администрация Мубарака не понимала скрытой опасности, таившейся в растущем разрыве между рождаемостью и смертностью, и практически с самого начала правления Мубарака (1981 г.) она начала предпринимать меры, направленные на сокращение рождаемости. Однако только во второй половине 1980-х гг. египетскому правительству удалось разработать действительно эффективную программу таких мер. Эта программа осуществлялась египетским правительством совместно с международной организацией USAID и была направлена на широкомасштабное внедрение практик планирования семьи. В 1985 г. специальным указом Хосни Мубарака был учрежден Национальный совет по вопросам народонаселения, разработавший два пятилетних плана по снижению рождаемости. В программу вовлекли религиозных деятелей от главы старейшего исламского университета ал-Азхар до имамов деревенских мечетей с тем, чтобы в своих фетвах и проповедях они распространяли идею, что планирование семьи не противоречит Корану — напротив, это богоугодное дело,

так как, имея меньше детей, родители смогут дать им счастливое детство и достойное образование. Эта стратегия оказалась действительно успешной — всего за 5 лет, с 1988 по 1992 г., суммарный коэффициент рождаемости в Египте упал с 5 до 4 детей на женщину.

Тем не менее, вплоть до второй половины 1980-х гг. разрыв между рождаемостью и смертностью нарастал, а вместе с ним нарастали и темпы роста населения. В итоге рост населения в Египте в 1970—1980-е гг. приобрел взрывообразные масштабы, и начал заметно замедляться только с конца 1980-х годов. Конечно же, столь быстрый рост населения будет неизбежно создавать в любой системе серьезные структурные напряжения. Однако этот фактор был здесь отнюдь не единственной силой, генерировавшей такого рода структурные напряжения.

Своего максимума абсолютные темпы роста численности египетского населения достигли в 1985—1989 гг. А теперь вычитайте 1985 из 2010. Получите 25. А 1989 из 2010. Да, 21. Это и есть то многочисленное поколение молодых египтян, что вышло в январе 2011 г. на Тахрир.

Теперь зададим себе вопрос — а как выход из мальтузианской ловушки должен отразиться на младенческой и детской смертности? Дети особенно сильно страдают от недоедания; к тому же, тот факт, что страна выходит из мальтузианской ловушки, практически по определению означает, что темпы экономического роста в этой стране существенно обгоняют темпы роста численности ее населения, а значит, эта страна достаточно успешно модернизируется и обладает достаточными ресурсами для развития в ней современной системы здравоохранения, что особенно способствует снижению именно младенческой и детской смертности. И действительно, во всех известных вам случаях выход социальных систем из мальтузианской ловушки сопровождался особенно быстрым снижением именно младенческой и детской смертности. Египет и здесь не был исключением. Если общая смертность в Египте в 1975—1995 гг. упала в два раза, то детская и младенческая смертность за тот же исторически краткий промежуток сократилась в три раза.

Итак, на первой фазе демографического перехода (которая, отметим, в тенденции совпадает с процессом выхода из

мальтузианской ловушки) происходит радикальное снижение смертности. При этом наиболее быстрыми темпами сокращается младенческая и детская смертность, и это происходит на фоне остающейся по-прежнему на очень высоком уровне рождаемости. В результате, если в традиционных обществах (до начала демографического перехода) из 6—7 детей, рожденных женщиной на протяжении ее жизни, до репродуктивного возраста доживало 2—3 ребенка, то на первой фазе демографического перехода в связи с резким падением младенческой и детской смертности до репродуктивного возраста может уже доживать и 5—6 детей (а с учетом того, что суммарный коэффициент рождаемости на первой фазе демографического перехода нередко даже растет, то до репродуктивного возраста может доживать и 7—8 детей). Это ведет не только к резкому ускорению темпов демографического роста («демографическому взрыву»), но и к тому, что поколение детей оказывается значительно многочисленнее поколения родителей, а это в результате ведет к росту удельного веса молодежи в общем населении. Как известно, на второй фазе демографического перехода происходит сильное уменьшение рождаемости (в тенденции ведущее к сокращению доли молодежи в общей численности населения), но происходит это со значительным запаздыванием, в результате чего в демографической истории соответствующей страны образуется т.н. «молодежный бугор» (*youth bulge*). Египет и здесь не был исключением.

Как отмечает Дж. Голдстоун, «быстрый рост [удельного веса] молодежи может подорвать существующие политические коалиции, порождая нестабильность. Большие когорты молодежи зачастую привлекают новые идеи или гетеродоксальные религии, бросающие вызов старым формам власти. К тому же поскольку большинство молодых людей имеют меньше обязательств в плане семьи и карьеры, они относительно легко мобилизуются для участия в социальных или политических конфликтах. Молодежь играла важнейшую роль в политическом насилии на протяжении всей письменной истории, и наличие «молодежного бугра» (необычно высокой пропорции молодежи в возрасте 15—24 лет в общем взрослом населении) исторически коррелировало с временами политических кризисов.

Большинство крупных революций... — [включая и] большинство революций XX века в развивающихся странах — произошли там, где наблюдались особо значительные молодежные бугры».

Рассмотрим теперь динамику абсолютной численности египтян в возрасте 20—24 года после 1970 г. (см. рис. 1):

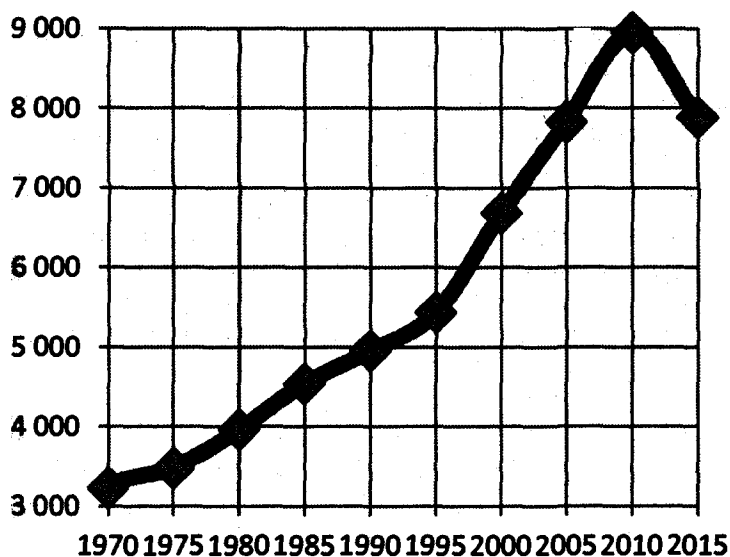

Рис. 1. Динамика численности египетской молодежи в возрасте 20—24 лет, тыс. чел. (с прогнозом до 2015 г.)

Предсказуемым образом, именно в абсолютных числах рост размеров данной возрастной когорты выглядит наиболее впечатляюще — как мы видим, всего лишь за последние 15 лет ее численность выросла почти в два раза. А ведь это именно те люди, которые выходят на рынок труда, и понятно, что даже быстро растущей экономике быстро создать миллионы рабочих мест, необходимые для их трудоустройства практически невозможно. А если экономический рост хоть немного замедлится (хотя бы и по объективным, не зависящим от администрации соответствующей страны обстоятельствам)?

Здесь стоит особо рассмотреть вопрос о египетской безработице. Ее уровень к началу Египетской революции был по мировым меркам не особенно высоким — порядка 9%. Но при этом надо учесть то важное (и обусловленное как раз созданным выходом Египта из мальтузианской ловушки «молодежным бугром») обстоятельство, что около половины всех египетских безработных относились именно к возрастной группе 20—24 года! Общее число безработных в Египте — порядка двух с половиной миллионов. Таким образом, в стране накануне революции было более миллиона безработных этой возрастной группы, которые и составили ударную силу революции.

Да, процентный уровень безработицы в Египте с середины 1990-х гг. практически не изменился. Но численность-то египетской молодежи за тот же самый период выросла почти в два раза. А значит, как минимум во столько же выросло и число молодых безработных (это, кстати, о том, как опасно доверяться процентам).

И еще одна деталь. То же самое исследование, проведенное Центральным агентством по общественной мобилизации и статистики Египта в III квартале 2010 г. (мы на него уже выше ссылались применительно к доле молодежи среди египетских безработных), выявило и еще одно впечатляющее обстоятельство — более 43% египетских безработных имело высшее образование! Таким образом, ударный отряд египетской революции был не только молодым, но и очень высоко образованным. Мы считаем, что это обстоятельство и придавало заметную специфику Египетской революции, обусловив, в том числе, и ее определенную эмоциональную привлекательность для представителей Первого мира, а главное — относительную (в особенности по меркам Третьего мира) «малокровность». Действительно, несмотря на колоссальный размах египетских событий, вовлекших в свой круговорот на многие дни миллионы людей, общее число погибших оценивается разными источниками в интервале между 300 и 900 человек (при этом в подавляющем большинстве это были погибшие от рук не восставших, а сил безопасности и привлеченных ими к подавлению восстания уголовных элементов). Напомним, что во время предыдущих крупных народных волнений в Египте —

«хлебных бунтов» 1977 г. (в качестве главной ударной силы в которых выступила малообразованная египетская молодежь), которые продолжались всего два дня и имели число участников, измерявшееся сотнями тысяч (а не миллионами, как в 2011 г.) — погибло около 800 человек. В этом отношении Египетская революция 2011 г. оказалась пока ближе к молодежным волнениям (и «бархатным революциям») в Европе и Северной Америки последних десятилетий, чем к кровавым народным восстаниям и революциям в Третьем мире.

Однако вряд ли Египетская революция приобрела необходимый размах, если бы ее протестная база сводилась бы лишь к неустроенной высокообразованной молодежи, если бы последнюю не оказались готовы поддержать миллионы египтян (самого разного возраста, занятия и образовательного уровня), оказавшихся ниже черты бедности в результате роста мировых цен на продовольствие (несмотря на все серьезные меры противодействия этому, предпринимавшиеся администрацией Мубарака). Именно сочетание присутствия многочисленной неустроенной высокообразованной молодежи и миллионов египтян, оказавшихся за считанные месяцы ниже уровня бедности, и создало социальный взрывчатый материал, необходимый для революции.

Однако, как известно, одной лишь взрывчатки для взрыва недостаточно. Необходима еще и искра. Поэтому мы считаем, что выше нами были описаны лишь необходимые, а не достаточные условия египетского социального взрыва.

Упомянем в заключение и еще несколько факторов, без наличия некоторых из которых Египетская революция могла и не произойти. Начнем с того, что некоторые из претензий составших к режиму Мубарака были все-таки совершенно обоснованными. Да, действительно, десятилетия чрезвычайного положения создали ситуацию полной бесконтрольности сил безопасности, что привело к массовому использованию пыток по отношению к недовольным режимом. Стоит вспомнить и о распространении Интернета, создавшем для египетской образованной молодежи невиданно мощные средства самоорганизации, и о арабских спутниковых каналах и их талантливых тележурналистах, передававших необыкновенно эмоционально яркие образы народных выступлений во все концы арабского мира. Ну

и конечно, как и многие, мы полагаем, что египетские события вряд ли стали бы возможными, если бы революция в Тунисе не оказалась бы столь быстрой и бескровной, если бы она не создала ощущения, что смены власти в арабской стране можно добиться столь быстрым и бескровным образом.

Таким образом, мы полагаем, что египетская революция не была бы возможна без определенных объективных предпосылок, но она все-таки не была и неизбежной. В конце концов, молодежный бугор в Египте должен был стремительно пойти на спад (стремительно ослабляя каждый год давление на рынок труда), продуманная программа экономических реформ позволяла рассчитывать на выход Египта на темпы роста уровня «экономического чуда» (т.е. порядка 10% в год), что в совокупности и должно было в самые ближайшие годы (в совокупности с ожидавшейся от Гамала Мубарака политической либерализацией) рассосать накопивший к январю 2011 г. социальный взрывчатый материал.

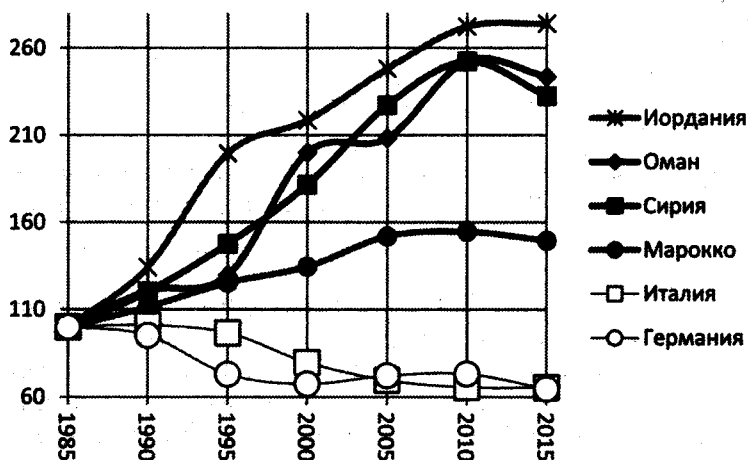

Рис. 2. Относительная динамика численности молодежи в возрасте 20—24 лет, 100 = 1985 г. (с прогнозом до 2015 г.) в Иордании, Омане, Сирии и Марокко в сопоставлении со странами Запада¹

¹ Источник: UN Population Division 2011.

Пик абсолютной численности молодежи в возрасте 20—24 года наблюдался также в Сирии, Омане, Марокко и Иордании (см. рис. 2).

Нетрудно видеть, что марокканский «молодежный бугор» является здесь наименее выразительным; но, как кажется, это как раз то исключение, которое скорее подтверждает правило, чем его опровергает.

В Ливии и Алжире пик численности молодежи в возрасте 20—24 года пришелся на середину 2000-х гг. (см. рис. 3).

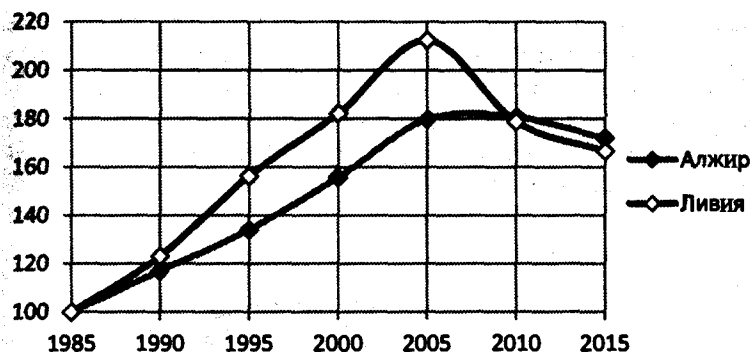

Рис. 3. Относительная динамика численности молодежи в возрасте 20—24 года, 100 = 1985 г. (с прогнозом до 2015 г.) в Ливии и Алжире¹.

Однако на 2010—2011 гг. в этих странах пришелся пик численности молодежи в возрасте 25—29 лет, что, как представляется, наложило определенный отпечаток на протекание здесь событий Арабской весны (относительно — в сопоставлении с Тунисом и Египтом — низкая интенсивность социально-политического конфликта в Алжире и неожиданно низкая кровопролитность полномасштабной гражданской войны [осложненной к тому же самой серьезной внешней интервенцией] в Ливии) (см. рис. 4):

¹ Источник: UN Population Division Database.

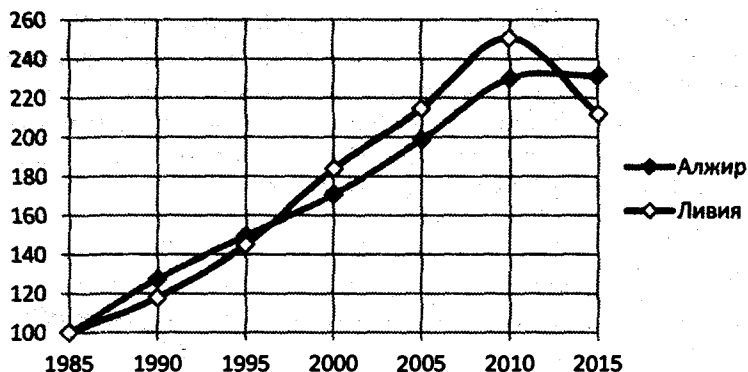

Рис. 4. Относительная динамика численности молодежи в возрасте 25—29 лет, 100 = 1985 г. (с прогнозом до 2015 г.) в Ливии и Алжире¹.

Наконец, на Бахрейне и в Йемене достижение пика численности молодежи в возрасте 20—24 года ожидается еще только в будущем (см. рис. 5).

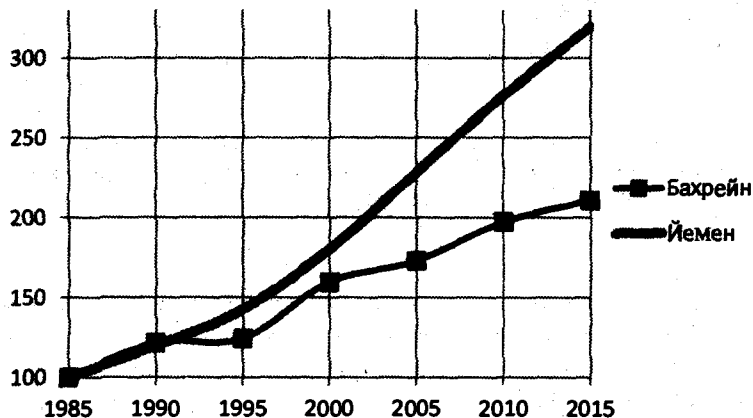

Рис. 5. Относительная динамика численности молодежи в возрасте 20—24 лет, 100 = 1985 г. (с прогнозом до 2015 г.) в Бахрейне и Йемене².

¹ Источник: UN Population Division Database.

² Источник: UN Population Division Database.

Однако, конечно же, ситуация на Бахрейне и в Йемене кардинально различается не только экономически и социально, но и структурно-демографически. Действительно, если на Бахрейне стабилизация численности молодежи ожидается уже после 2015 г., то для Йемена она прогнозируется экспертами ООН только после 2040 г. (см. рис. 6).

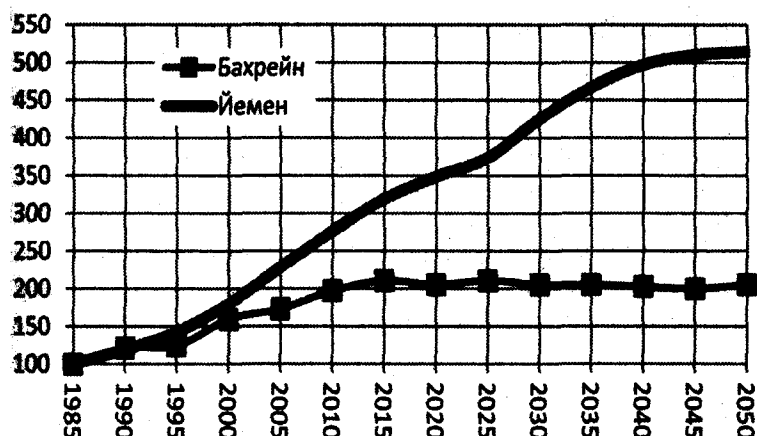

Рис. 6. Относительная динамика роста численности молодежи в возрасте 20—24 года, 100 = 1985 г. (с прогнозом до 2050 г.) в Бахрейне и Йемене.

Таким образом, надо отметить, что если в большинстве арабских стран структурно-демографические факторы в ближайшие годы будут способствовать социально-политической стабилизации, то в Йемене структурно-демографические факторы социально-политической дестабилизации являются не только самыми мощными во всем арабском мире, но они еще и будут сохраняться в будущем долгие годы (и даже десятилетия), что напрямую связано с колоссальным отставанием Йемена от остальных арабских стран в прохождении демографического (и, шире, модернизационного) перехода.

Глава IV

АРАБСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Происходящее на Арабском Востоке дает основания для нескольких предположений: 1) волнения и беспорядки, в ряде случаев перерастающие в вооруженную борьбу, имеют сугубо внутренние предпосылки, а их совпадения по времени в ряде арабских стран — случайность; 2) налицо более общий системный кризис важного сегмента международных отношений — модели государственного управления; 3) важнейшее значение в происходящем приобретает внешний фактор, который придает всем революциям такое сходство; 4) речь идет не о кризисе системы государственного управления и не о региональной проблеме, и даже не о международном заговоре против арабов, а об одном из этапов «перезагрузки» системы международных отношений на глобальном уровне, инициатива которой исходит из сфер, связанных непосредственно с национальными интересами отдельных стран.

По нашему мнению, все четыре допущения имеют право на существование, но последнее предположение — обобщающего характера — позволяет думать, что начало качественных изменений протоголобального масштаба в мировой политике весьма близко.

Массовые политические волнения первой половины 2011 г. вызвали сравнительно «мирное падение» авторитарных режимов «несменяемых президентов»: Бен Али в Тунисе, Хосни Мубарака — в Египте, Абдаллы Салиха — в Йемене. Сходные формы общественного протеста угрожали существованию режимов единоличной власти в Иордании, Алжире, Сирии, на Бахрейне. А вот в Ливии события пошли по иному сценарию. Вооруженное противостояние частей регулярной армии, верных полковнику Муаммару Каддафи, и поддерживаемой силами НАТО оппозиции подтолкнуло Ливию к пропасти гражданской войны.

Перед политическими наблюдателями встал весьма нелегкий вопрос о том, как охарактеризовать ливийские события:

это вооруженный мятеж против законной власти или революция масс против тирана? А может быть, смута, переходящая в анархию? Или это структурная перестройка общественной жизни, осуществляемая руками оппозиции? Поиск ответа на этот и другие вопросы привлекли пристальное внимание историков и политологов не только к содержанию, но и к форме потрясений в арабском мире.

По существу, во всех вышеназванных странах события развивались и продолжают развиваться по тождественным сценариям, суть которых в конечном итоге сводится к одному: свергнуть существующий политический строй.

Полиция и силы безопасности, призванные поддерживать порядок, оказываются неспособны справиться с массовыми протестами и либо бездействуют, либо переходят на сторону протестующих. Наступает коллапс, паралич власти, которым незамедлительно пользуются силы оппозиции, борющиеся за политическое влияние в стране. Армия, до поры времени не вмешивающаяся в политическую борьбу, играет скорее роль наблюдателя и арбитра. За кажущимся хаосом, тем не менее, можно обнаружить скрытый смысл: практически все события с первого дня актов «гражданского неповиновения» и до момента свержения «ненавистного политического лидера» проходили по некому сценарию, который явно писала и направляла чья-то опытная рука.

Поиск социальной и экономической подоплеки выступлений 2011 г. вряд ли поможет адекватному пониманию событий, которые уже вошли в историческую литературу под названием «смута в месяц рамадан». Более продуктивным представляется их рассмотрение через призму традиционного политического поведения, в частности, через такую устойчивую форму политического протеста и предвыборной борьбы, которая в арабской политической культуре известна как «*фитна*» («смута»).

Известный российский историк, специалист по Ближнему Востоку И.М. Смилянская, основываясь на арабских политических понятиях, выделяет следующие основные формы смуты, которые определяются в первую очередь масштабами, численностью вовлеченных в действия народных масс: волнения (идтираб); столкновение, бунт (тамарруд); массовое выступление,

мятеж (исъян). Арабская политическая культура также проводит весьма тонкое разделение протестных выступлений, объединяемых понятием «фитна». Начнем с того, что понятие «ал-фитна» или (в упрощенной форме) «фитна» и его производные встречаются в Коране свыше 30 раз, и всегда в негативном значении. Термин «фитна» включает широкий круг явлений и оценок. Его можно перевести на русский язык как «искушение», «соблазн», «мятеж», «смута», «восстание», «безумие», «заблуждение» и даже «неверие». В основе смысла этого понятия лежит значение отглагольной основы «фатана» — очаровывать, околдовывать, соблазнять. Это придает всем словам, образованным от данной основы, особый оттенок. В Коране сказано, что «ал-фитна» (соблазн, неверие, смута) большой грех, чем даже убийство (Коран. 2:191). «И сражайтесь с ними, пока не будет больше фитны (неверия, искушения, смуты)» (Коран. 2:193). «Убивайте их пока не прекратится фитна (неверие, искушение, смута)» (Коран. 8:39).

В сходном значении используется термин «фауда» (анархия). Соотношение обозначаемых ими явлений можно пояснить следующим образом: крупномасштабная «фитна» обычно перерастает в «фауду», т.е. разросшаяся смута ввергает общество в состояние анархии. Термин «фитна» характеризует особое состояние сознания участников выступления, тогда как «фауда» скорее определяет состояние общества, пораженного смутой.

Несмотря на моральное осуждение «фитны» в Коране, попытки использовать стихийно недовольство в политических целях, придать протестам управляемый характер имели место в самые разные периоды арабо-исламской истории. Впервые в арабской политической лексике термин «фитна» был применен к известным событиям 656—661 годов, связанным с борьбой за халифскую власть между четвертым праведным халифом Али и претендентом на халифский престол из династии Омейядов, правителем сирийских областей арабского халифата имени Муавийя. Волнения привели к крупному расколу внутри мусульманского сообщества — возникновению сектантского движения хариджитов, а позднее — утверждению династии Омейядов и религиозно-политическому расколу ислама на суннизм и шиизм.

В современной истории подобные события имели место уже не раз. Автор лично был свидетелем смуты 1992—1993 годов; эпицентром ее тогда также стала площадь Ат-Тах-рир в центре египетской столицы Каира. Смуты, перераставшие в вооруженные восстания, происходили в Египте в 1882 и 1919 годах. Даже приход к власти албанско-курдского предводителя Мухаммада Али (1803—1805 годы.), вначале развивался согласно жанровым законам «классической смуты».

Одним из примеров арабской смуты могут служить события в Дамаске в 1908 году. Тогда, предвыборная агитационная поездка в Дамаск известного религиозно-политического деятеля Рашида Риды (1865—1935) спровоцировала многотысячные демонстрации протеста. Дело едва не дошло до вооруженных столкновений между сторонниками разных партий; неблагоприятное развитие событий удалось остановить только с помощью лояльных младотурецким властям представителей сирийской религиозной элиты. Именно она в лице Джамаль ад-Дина Ал-Касими, а также ар-Разака ал-Битара и некоторых других богословов выступила в этом случае посредником между населением и властями.

Специфика современной «фитны» по сравнению с предшествующими периодами, по нашему мнению, состоит в том, что с появлением электоральной демократии «фитна» заняла едва ли не официальное место в арсенале методов предвыборной политической борьбы.

Общественное протестное движение в форме смуты характерно, прежде всего, для городской жизни. В смуте принимают участие главным образом городские низшие слои и молодежь, когда им не на кого и не на что больше надеяться. В психологическом смысле она порождается чувством отчаяния и признанием бессилия личности перед властью или иными внешними силами.

Смута, тем не менее, — деятельное выражение коллективного недовольства. Ее участники своими действиями демонстрируют полную готовность прибегнуть к силовым методам борьбы в случае, если власти окажутся пойти навстречу их требованиям. Это последняя ступень перед бунтом, или мятеж накануне восстания, но еще не объявление войны. Именно

такой предреволюционный характер движения позволяет ставить под сомнение право властей отвечать репрессиями на эту форму протеста. Массовость выступления создает гарантию безопасности и свободы участникам. Расплывчатость требований участников смуты, размытость социальной базы и политических позиций протестующих оказывает свое воздействие на формирование программ, понимание стоящих перед движением задач. Даже там, где социальная или идеологическая подоплека имеется, она до поры, до времени не складывается в осмысленную программу действий, не созревает до уровня доктрины. Лица, вовлеченные в смуту, как правило, смутно представляют себе стоящие перед ними политические задачи, расплывчато и эмоционально формулируют свои цели; этим людям явно недостает рационального осмысления происходящего. Идейный багаж смуты обычно ограничивается немногочисленными лозунгами, наиболее типичный из которых «Долой!..» Конкретные предложения позитивного характера, если они и имеются, тонут в эмоциональных выплесках.

В этом проявляется социальная функция смуты, суть которой состоит не столько в решении каких-либо задач, сколько в том, чтобы подтолкнуть к их решению тех, от кого это может зависеть.

Смута, как в значительной степени стихийный всплеск, может не иметь социальной и экономической подоплеки и очевидных организаторов. При этом социальная напряженность служит благоприятным фоном для возникновения волнений, а видимое отсутствие руководства не исключает, а скорее предполагает существование скрытой внутренней пружины, теневых фигур или групп, пользующихся моментом для запуска механизма смуты. Как правило, они олицетворяют политические интересы общественных групп, проделавших предварительно определенную организационную работу. Рядовые участники смуты, ощущая на себе результаты этой работы, в основной массе могут и не разделять целей и интересов закулисных куловодов. Сценарий подготовки и проведения смуты в целом носит устоявшийся характер. Обычно вначале имеет место локальный конфликт, уличное столкновение, которое участни-

ками смуты воспринимается как первопричина выступления, при этом истинные организаторы тщательно маскируют свои подлинные цели. Толпы концентрируются в местах естественного скопления людей (рынок, сквер, мечеть, уличные кафе и т.д.). Оттуда участники выплескиваются на улицы и площади, и, либо, разбившись на группы, движутся к различным объектам города — конечным целям движения, либо концентрируются в одном месте. Там-то и возникают стихийные скопления людей, наступает ожидание, когда власти стремятся оценить степень опасности, исходящей от участников смуты, и подобрать методы пресечения беспорядков. Толпа же выжидает, как бы давая властям шанс принять правильное решение и не решаясь переступить незримую грань, отделяющую законность коллективного протеста от беззакония мятежа.

На этом этапе возможны ошибки властей в оценке выступления, объявление его мятежом, а то и восстанием, сознательное завышение уровня протеста. Результат — кровавая расправа над участниками. При определенных обстоятельствах, когда образуется критическая масса участников, ясно появляются их ожесточение и достаточная организованность, «смута» может перерасти в более серьезную форму протеста, например, в революцию.

В обычных обстоятельствах (без подталкивания «смуты» извне) массы, как правило, обращают свои надежды к власти, складывается даже впечатление, что народ готов прийти им на помощь. Напряжение противостояния спадает, если появляются посредники. Обычно в этой роли выступают религиозные деятели, организаторы смуты в это время тщательно сохраняют свое инкогнито. В посредниках для переговоров, как правило, заинтересованы и власти. Компромисс и примирение в обычных условиях их тоже устраивают больше, чем противостояние и анархия. При содействии посредников могут быть учтены конкретные требования участников, но не затрагиваются главные проблемы, породившие волнения. После этого смута постепенно угасает, толпа рассеивается. Со своей стороны власти, как показывает историческая практика, в целом сохраняют верность достигнутым договоренностям и не прибе-

гают к наказанию рядовых участников уже из-за многочисленности бунтовщиков. А вот зачинщиков и организаторов смуты, напротив, стараются выявить и примерно наказать — снисхождения к ним нет.

Правомерность преследования зачинщиков смуты подкрепляется ссылкой на Коран с его негативной оценкой «фитна». В Коране говорится, что имеющие отношение к смуте достойны позора в этой жизни и великого наказания на том свете (Коран. 5:45).

Угроза репрессий по отношению к защитникам существенно снижается, а то и вовсе отпадает, если результатом становится смещение правящей верхушки. В этом случае изменяются и оценки происшедшего, а смута переименовывается в революцию (саура), которая начинает вносить в жизнь свои законы. А вот смута, вышедшая из-под контроля, может превратиться в злое «инкыляб» — восстание, за которым — разверстые двери гражданской войны, смертельная болезнь государства и общества.

В нынешних условиях смута утрачивает характер локального протеста, но все чаще входит в жизнь как универсальный инструмент давления на власть, в первую очередь там, где отсутствуют более цивилизованные формы диалога народа с правителями. Смута становится не только формой поведения, но и стереотипом мышления, неформальной моделью протестного действия и, что отнюдь не исключено, элементом либеральной политической культуры. Как форма выражения тех или иных политических требований, смута может использоваться самыми разными силами.

«Запускать» смуту теперь весьма удобно с помощью мобильной связи и Интернета. Однако механизмы мобилизации людей в рамках смуты отлажены и на традиционном коммуникативном уровне. Хотя Коран осуждает смуту, есть немало оснований полагать, что в странах арабского мира в обозримом будущем предвыборная борьба и действия оппозиционных сил будут вписываться в схему смуты. Политическая стабильность будет зависеть в значительной степени от умения властей справиться с этой традиционной формой протеста, перенесенной из прошлого в новые условия протоглобального

мира, где еще не сформировалась универсальная глобальная этика. Но в будущем, по нашему мнению, именно ею, а не за кулисными нормами станет руководствоваться мировое сообщество — человеческая ойкумена.

Глава V

БОРЮТСЯ ЗА ВЛАСТЬ, ПРОПОВЕДУЮТ МИР

На выборах в парламент — Национальное собрание Египта боролись несколько тысяч кандидатов, представляющих более трех десятков политических партий самого различного толка — от коммунистов до крайних исламистов (салафитов). Все наблюдатели сходились в том, что на главную фракцию в парламенте претендовала Партия свободы и справедливости (ПСС), созданная Ассоциацией «братьев-мусульман».

Корреспондент журнала «Азия и Африка сегодня» Дмитрий Виницкий встретился с председателем этой политической партии Мухаммедом Мурси, который в интервью с ним изложил принципиальные позиции своей организации по важнейшим внутренним и международным вопросам, волнующим египетское общество.

— *Партия свободы и справедливости — это новая партия, созданная всего несколько месяцев назад. Какова численность партии сегодня? Как Вы считаете, кто Ваш избиратель? Как вы оцениваете численность египтян, которые готовы отдать за вас свои голоса?*

— Ассоциация «братьев-мусульман» основана в 1928 году. Группировка занималась, прежде всего, социальной, образовательной и культурной деятельностью, а также политикой с самого своего образования. Социальная работа, работа с населением изначально была составной частью деятельности Ассоциации. Она сразу имела комплексный подход, ей не пришлось ничего выдумывать и начинать работать на пустом месте, мы разъясняли людям мирный смысл религии. Мы воплощали заложенные в исламе принципы в жизнь простых людей. И этих принципов, применяемых во всех сферах строительства обще-

ства, образования, управления, политике и власти, достаточно для руководства социальными группами и обществом в целом. И история уже тогда знала подобные примеры. Именно эту роль Ассоциация играла в течение 80 лет.

В период с 1928 по 2010 год у нас были разные этапы развития. Между Ассоциацией и властями были столкновения — как до революции 1952 года в Египте, так и после нее, — о которых всем известно. До революции противоречия были менее острыми, чем после нее — во времена Насера, Садата и Мубарака. Несмотря на это, с 1979 г. Ассоциация начала активнейшим образом участвовать в выборах в стране. В 1984 г. вместе с партией Вафд мы были партнерами, выступая единым списком на выборах. В 1987 г. было партнерство с партией Аль-Амаль (Труда) и партией Аль-Ахрар (Свободных). В 1995 г. «Братья-мусульмане» участвовали в выборах, но они были полностью сфальсифицированы. На выборах 2000 года также был подлог, но Ассоциации все же удалось получить 17 депутатских мандатов. В 2005 г., как известно, «братья» завоевали около 20% мест в парламенте, заняв 88 депутатских кресел. Затем состоялись выборы-2010, результаты которых были вновь полностью подтасованы. Но вот наступило 25 января 2011 года, и произошла революция...

Уже после январской революции, 30 апреля, «Братья-мусульмане» объявили о создании своей Партии свободы и справедливости (ПСС). В новых условиях большей свободы мы тут же объявили о создании политической партии, хотя решение о ее формировании было одобрено Советом Шуры Ассоциации еще в 1986 году. При этом Бюро наставников, являющееся ее высшим исполнительным органом, было поручено подготовить необходимые документы, чтобы подать в государственные органы, как только будут созданы соответствующие условия. При прошлом режиме, естественно, таких условий не было, так как режим объявил войну всем, кто с ним не согласен. Все это продолжалось до «революции 25 января», когда режим был низвергнут.

Наша партия создана для политической деятельности, для того, чтобы бороться за власть. До этого момента «Братья-мусульмане» как Ассоциация не стремились к власти. Теперь же

создана специальная политическая структура, чтобы добиться власти. Ассоциация приняла решение о том, что ПСС будет независима в управлении своими делами, в финансовых вопросах, в формировании политической позиции — во всем, что касается политической деятельности

Но здесь следует отметить, что партия создана на базе движения, являющегося локомотивом развития общества. Поэтому и для ПСС Ассоциация будет основой и локомотивом внутри общества, ведь партия только формируется, но она формируется на твердой социальной основе Ассоциации. Она дала партии всех ее основателей — почти тысячу человек. Но не все основатели ПСС — выходцы из «Братьев-мусульман». Около 90 человек — представители христиан-коптов, а 12% от общего числа — женщины.

Партия строится на фундаменте исламской религии. И основная идея — борьба за власть. Вторая цель — чтобы общество сознательно и добровольно опиралось на принципы ислама.

У партии и Ассоциации единые цели, единая основа, единая платформа и единое видение будущего. Эти четыре основных принципа для нас едины и непоколебимы.

Могут ли между нами — между Партией свободы и справедливости и Ассоциацией «братьев-мусульман» — быть разногласия, если мы разделяем эти принципы? Даже при том, что позиция партии независима, едва ли можно предположить, что у нас будут серьезные противоречия. Если будут какие-либо различия в подходах, то мы об этом объявим. Но хочу вас заверить, что до сих пор таких ситуаций не случилось. Хочу добавить при этом, что партия не подменяет собой Ассоциацию, а делает акцент на политической деятельности.

Партия еще формируется. Но присоединение новых членов идет весьма активно. Каждый день число наших сторонников увеличивается. Мы пока даже не ведем точный учет членов ПСС, потому активно принимаются новые члены в регионах страны. Партийные билеты мы готовим централизованно, и к началу выборов мы будем знать точное число наших сторонников и членов. Мы об этом объявим официально, чтобы общество знало масштабы нашей деятельности.

Наша партия появилась в очень сложный период, когда Египет оказался на грани. Ситуация далека от стабильности как в политической, так и в экономической и социальной сферах. Я хочу подчеркнуть, что начало деятельности ПСС пришлось на очень тяжелый для страны период.

Мы начинаем свою деятельность в условиях, которые нельзя назвать обычными — почти сразу после создания мы должны идти на выборы. Сейчас появляются новые законы — о политической деятельности, о партиях, о выборах, об избирательных округах... Выборы каждой палаты парламента — в Народное собрание и затем в Консультативный совет — пройдут в три этапа. Потом будет разрабатываться Конституция, после чего уже состоятся выборы президента. Поэтому партия сегодня, находясь в стадии становления и обладая ограниченными ресурсами, ведет колоссальную политическую работу. Однако авторитет Ассоциации очень значителен, и ПСС использует этот вес.

Процесс строительства партии, по нашим планам, должен завершиться в течение шести месяцев, т.е. к началу парламентских выборов. Но выборы уже вот-вот начнутся (28 ноября 2011 г. — *Авт.*), поэтому мы работаем в ускоренном режиме.

— Какие основные цели и задачи ставит перед собой партия? Какова программа? С какими лозунгами вы пойдете на парламентские выборы — первые после революции 25 января?

— Процесс выдвижения кандидатов на парламентские выборы начался в первых числах октября. Такой план предусмотрен Конституционной декларацией, которая была принята после национального референдума.

Мы идем на выборы коалицией, которая носит название «Демократическая коалиция во имя Египта». Эта политическая коалиция, которая в будущем станет избирательной коалицией. У нее будет своя программа, в основе которой — уже одобренная Декларация. Этот документ состоит из нескольких пунктов, которые будут заложены в основу общей программы не только Партии свободы и справедливости, но и других партий коалиции.

У нас есть и собственная программа, в которой изложены наши подходы к политическим, экономическим и социальным

проблемам. В ней также подробно говорится о методах нашей политрабoты, наших приоритетах. Но у коалиции будет общая программа. Она не исключает, вместе с тем, что у кандидатов от партий могут быть свои платформы. Безусловно, будут свои отличия у левых, либеральных и исламских партий.

Понятно, что наша партия — исламская, и весь мир знает о наших устремлениях. Цель «Братьев-мусульман» заключается в том, чтобы люди получили настоящую свободу, чтобы власть служила их интересам, потому что в исламе народ — это источник власти.

В самой нашей структуре мы исповедуем демократические принципы. Демократия в исламском понимании — это шура (совет). Поэтому мы хотим настоящей свободы, источником которой будет ислам. Еще 85 лет назад основатель «Братьев-мусульман» эль-Банна говорил, что человек рождается свободным и должен жить свободно. Свобода — это одно из предписаний ислама. Мы хотим, чтобы египтяне свободно выбирали своих руководителей, чтобы народ действительно был источником власти. Это и есть демократия.

Но все это должно быть в рамках шариата. Египетский народ — и мусульмане, и христиане — согласны с тем, что основные принципы шариата должны быть основой для законотворчества. По этому вопросу внутри египетского общества нет противоречий. Но часто, когда говорят о принципах шариата, люди заблуждаются, понимая их ошибочно.

Шариат — это только общие рамки жизни, но не детализированные. Что касается деталей, их должны определять сами люди и превращать в законы с помощью парламента. Египетская конституция еще в 1923 году говорила о том, что принципы шариата являются основным источником для законотворчества. Эти принципы оговариваются в Конституционной декларации и будут заложены в новую Конституцию.

Египет, в основном, относится к исламской цивилизации, но этот факт ни в коем случае не должен нарушать права представителей других религий. Мы выступаем за равные права для всех граждан, за то, чтобы главенствовали правда и справедливость, что является нормой для ислама. Правовое государство — это тоже один из принципов ислама.

В обществе нет конфликта по этим общим принципам. Конфликт возникает при реализации этих положений. По сути, в течение 30 лет бывший режим игнорировал конституцию, не соблюдая ее и меняя в соответствии со своими интересами. Сама по себе конституция очень важна, но еще важнее, чтобы она исполнялась и народом, и властью. Если же она не соблюдается, нарушаются права человека, люди подвергаются унижениям, общая ситуация в стране резко ухудшается. Вот что мы переживали в Египте в последние годы.

Пока еще нет полной ясности, как будет формироваться парламент. Не ясно будущее нашей коалиции, сохранится ли она как парламентская коалиция. Поскольку не всегда те, кто вместе идет на выборы, остаются коалицией и в дальнейшем. Мы пытаемся создать настоящую коалицию, которая останется единой и в парламенте, и в правительстве. Но пока мы не разработали единых критериев наших совместных действий. Еще до создания партии мы объявили две вещи — Ассоциация не будет выдвигать кандидатов в президенты, а также — мы будем участвовать в парламентских выборах, претендуя максимум на 45—50% мест, но исходя из того, что в итоге мы получим не менее 30% мандатов. Это в том случае, если выборы действительно будут свободными и прозрачными. Таким образом, наша цель получить 30—35% мест в парламенте. Чтобы добиться ее, нужно выдвигать больше кандидатов.

Наша партия выполняет все решения Ассоциации, которые были приняты еще до формирования ПСС, но непосредственно касаются ее функционирования. Исходя из этого, у нас нет своего кандидата в президенты, и мы будем одинаково относиться ко всем претендентам. Но я не исключаю, что на определенном этапе президентских выборов мы рассмотрим возможность голосования за какую-либо кандидатуру.

Все это будет уже после принятия новой конституции. Пока сложно сказать, какой она будет и будет ли Египет парламентской республикой, где роль президента не столь важна. Но если Египет останется страной с президентской формой правления, то в конституции должны быть заложены определенные правила и принципы его полномочий и функций. Это все сейчас находится в стадии обсуждения.

Что касается распределения мест в коалиции при участии в голосовании единым списком, этот вопрос пока обсуждается. Он достаточно непростой, учитывая, что в коалиции порядка 40 партий.

— *Как вы считаете, пройдут ли эти выборы спокойно, или возможны беспорядки, как это было во время прежней правящей Национально-демократической партии (НДП)? Кто может спровоцировать эти беспорядки?*

— Для успеха в выборах нужны две составляющие — явка избирателей, а также осуществление необходимых мер безопасности. Если на избирательные участки придет много людей, запугать их будет невозможно. Иными словами явка избирателей — это гарантия для проведения настоящих честных выборов. Это предотвратит возможные злые умыслы.

Что касается безопасности. Вооруженные силы недвусмысленно заявили, что они в состоянии обеспечить безопасность на выборах во взаимодействии с полицией. Конечно, роль полиции будет меньше, учитывая сложившуюся после падения режима ситуацию в МВД. Но я полагаю, что военным под силу обеспечить порядок во время выборов. На мой взгляд, если они обеспечат безопасность на 80—90%, это будет большой успех для сегодняшнего Египта, где внутренняя ситуация далеко не простая.

— *Общественное мнение по поводу будущего устройства Египта, его конституции разделилось. Какой должна быть новая конституция, что ее будет отличать от действовавшей во времена Мубарака? Какие основные идеи по разработке конституции вы намерены внести?*

— Мы выступаем против каких-либо надконституционных законов. Нигде в мире нет суперконституций, документов выше конституции. Мы против того, чтобы принимались какие-либо решения, которые будут выше конституции и которые нельзя будет изменить в будущем. Как известно, предыдущая конституция была отменена на волне революции. Затем народ на референдуме проголосовал за конституционную декларацию. А выбирать какие-либо надконституционные принципы в обход народной воли нельзя. Потому что таким обра-

зом население страны, по сути, лишается права выбирать свою конституцию.

Все политические силы договорились, что наше государство должно быть современным, демократичным, опирающимся на гражданское общество, государством, где главенствует закон и конституция. Что касается понятия «светское государство», то оно было исключено из наших совместных документов.

Мы будем придерживаться этих принципов, в каких бы комиссиях или коалициях мы не участвовали. Самое главное, что мы не хотим делать — это лишать наш народ возможности выбирать. Что касается возможного внесения изменений в конституцию, то подробный механизм для этого должен быть прописан в самом документе, как это делается во всем мире. Но и в случае внесения поправок, последнее слово должно быть за народом.

— Сейчас особенно заметны противоречия между светскими силами и партиями исламского толка. Представляет ли это, на Ваш взгляд, опасность для национального единства страны? Есть опасность возникновения новых межконфессиональных противостояний?

— Я считаю, что конфликт между светскими и религиозными силами провоцируется искусственно. Это существует, но не в тех масштабах, в которых эта тема обсуждается. Вот, например, наши братья салафиты. Они не являются врагами своей страны, они так же, как и все, желают ей добра. Но, конечно же, у них мало опыта в политической жизни. У нас с ними есть сотрудничество и координация по некоторым вопросам. Это нормальная практика. Мы это делаем не только как исламисты, но и как граждане Египта.

Противоречия между светскими силами и исламистами преувеличиваются, потому что в Египте нет светских сил в западном понимании. Эти принципы нельзя воплотить в Египте. Египет — это глубоко религиозное общество, причем как с точки зрения мусульман, так и христиан. Здесь все придерживаются моральных принципов ислама, а светская идеология существует лишь в умах единиц, это скорее теория, чем практика. Поэтому большинство египетских политических партий

решили объединиться и приняли решение о создании коалиции, двери в которую открыты для всех: исламистов, либералов, левых и националистов. В будущем ни одна из партий, в том числе и «Братья-мусульмане», и вафдисты, и другие не смогут управлять страной в одиночку. Крайне сложно представить, что в будущем парламенте большинство будет у какой-либо одной партии.

Египетский народ по-прежнему находится в состоянии революции и в случае необходимости готов откликнуться на призыв своих лидеров и выйти на улицы. Но есть и серьезные угрозы нашей революции. В частности, это остатки режима, который сохраняет свои возможности. Ведь многие из тех, кто руководит египетской инфраструктурой, входили в распущенную НДП. И таков был принцип власти — брать в партию всех тех, кто занимает какие-либо выдающиеся позиции, руководителей в разных сферах. Так что пока мы убрали только основных представителей режима. Но за один раз, как вы понимаете, избавиться от всех кадров невозможно, иначе государство развалится. По-прежнему действуют многие бизнесмены, сотрудники спецслужб, разного рода коррупционеры, незаконно обогатившиеся при прежнем режиме, и даже преступные элементы, которых бывший режим использовал в своих целях. Все они взаимодействуют между собой, чтобы спровоцировать в стране анархию. И все это угрожает революции.

Кроме того, угрозу революции несет иностранное вмешательство в наши дела. Внешние враги Египта были очень удивлены нашим восстанием и тем, что Египет стал таким сильным. Теперь они прилагают усилия, чтобы вернуть все, что было до революции. Все были поражены, когда 20 миллионов египтян вышли на улицы городов, и среди них была не только молодежь, но и старики, дети...

Быстрее всего нужно добиться настоящего экономического развития, самообеспечения продовольствием.

— *Какой Вы видите роль армии после перехода власти к гражданскому руководству? Изменится ли она радикально по сравнению с тем, что было до революции?*

— Как заявляют сами военные, они сохраняют роль только в том, что касается защиты страны. Они будут играть роль по

обеспечению безопасности страны. Политическая же роль армии будет мало заметной. Армия является одним из столпов государства, как и судебная система, образование и т.д. Конечно, обеспечением внутренней безопасности должна заниматься полиция. Но сейчас эту функцию взяла на себя армия. Это, безусловно, очень сложно, учитывая, что армия не имеет ни административных, ни технических средств для этого.

Армия охраняла революцию и успешно справилась с этой ролью. Но по окончании переходного периода она должна будет вернуть власть законодательную — парламенту, а исполнительную — президенту республики. После чего она должна будет вернуться в казармы. Армия должна поддерживать народ, защищать его на внешней арене, особенно принимая во внимание, что в мире сейчас принято говорить на языке силы. Мы никогда не слышали от военных, что они хотят политических функций в будущем. Таким образом, армия будет подчиняться конституции и законам. Мы в это верим, и армия в это верит тоже.

Конечно, у нас есть замечания к их деятельности. Но мы понимаем, что армия не стремится причинить кому-либо вред. Просто возможности армии, подготовка военных не подразумевают, что они должны управлять страной. Поэтому они делают ошибки. Но это непреднамеренно и не несет злого умысла.

Мы сотрудничаем с Высшим советом вооруженных сил (ВСВС) во всех вопросах, но мы тоже не являемся специалистами и не имеем опыта в управлении страной. Но то, что мы находимся внутри общества, знаем его проблемы, помогает нам сотрудничать до тех пор, пока страна не выйдет из кризиса. Есть такие проблемы как демонстрации, военные опасаются за состояние экономики, безопасность, взаимоотношения с внешним миром, которые необходимо сохранить. То есть в деле управления государством есть очень много нюансов. Поэтому они делают все, что в их силах. Мы не замалчиваем их ошибки, всегда говорим о них, поправляем.

Конечно, переходный период всегда сложен для любого государства. Поэтому мы готовы к тому, что будут возникать проблемы, но стремимся, чтобы больше позитивных результатов.

— Как вы видите будущее кэмп-дэвидского соглашения с Израилем? Какова ваша позиция в отношении газового контракта с этим государством?

— Наша позиция по Кэмп-Дэвиду такова. Египет — это большое государство, имеющее широкие связи, поэтому оно должно соблюдать свои международные соглашения. Все эти соглашения обговаривались в парламентах своих стран. Но эти соглашения могут быть пересмотрены. Не нарушены в одностороннем порядке, а именно пересмотрены.

Когда на нашей границе погибли пять египетских военнослужащих, мы сразу заявили о нашей позиции — расследовать эти нарушения. Израиль все 30 лет нарушал эти соглашения. Поэтому мы хотим разобраться, почему это происходило и происходит. Тот, кто нарушает договоренности, должен нести ответственность, в первую очередь, перед египетским правительством и перед международным сообществом. В результате этих нарушений Египту был нанесен ущерб, погибли египетские граждане, поэтому их надо тщательно расследовать. Мы не говорим об объявлении войны или расторжении соглашений. Соглашения должны соблюдаться, но в них, естественно, могут вноситься изменения.

В частности, когда мы говорили о газовом контракте с Израилем, мы хотели, чтобы цены соответствовали международным. Это вполне законное требование. Между нами было слишком много посредников, в результате в египетскую казну поступала лишь небольшая часть средств, вырученных от продажи газа. Соглашение с Израилем говорит прежде всего о всеобъемлющем мире в регионе, которого нет. Народы имеют право на самоопределение, а палестинцы этого права лишены, им не дают создать собственное государство. Все это нарушает мирные договоренности.

Нельзя изменять текст только священных писаний. Что же касается межгосударственных соглашений, то при обоюдном участии их текст может и должен быть изменен.

— Как вы оцениваете позицию Москвы в отношении арабских революций? Как вы видите роль России на меняющемся Ближнем Востоке, и какой бы вы хотели видеть эту роль?

— Россия — это великое государство, при этом я имею в виду не только военный потенциал, но и экономический. Никто не в состоянии игнорировать роль России на международной арене.

Россия является составляющим мирового баланса и в военном, и в экономическом плане. Она уравнивает другие силы в мире. В России очень развиты технологии и научная деятельность. Этим всем мы хотели бы воспользоваться в интересах нашей страны. Россия обладает сельскохозяйственными ресурсами и богатыми полезными ископаемыми, в том числе колоссальными запасами газа. Обладает огромным опытом в промышленном развитии, прежде всего военном. Поэтому сотрудничество в сфере современных технологий и подготовки соответствующих кадров может быть намного более плодотворным, чем мы имеем сейчас.

В будущем Египет, в нашем представлении, должен иметь сбалансированные отношения с Востоком и Западом. ...В международных отношениях никогда нельзя опираться на какую-либо одну сторону. Мы считаем, что Россия играет большую роль в регионе и в мире в целом и надеемся, что эта роль будет расти. Хотелось бы, чтобы Россия прислушивалась больше к желаниям и воле тех народов, с которыми она развивает отношения. Такие же отношения мы хотим строить и с Европейским союзом, в частности в вопросах торговли, технологического сотрудничества.

— *Каковы перспективы российско-египетского сотрудничества, в каких форматах могут развиваться отношения ПСС и движения «Братьев-мусульман» с российской стороны?*

— Мы хотим расширения сотрудничества. Мы хотим от российского руководства, чтобы к нам прислушивались. Мы готовы выступить перед российскими парламентариями, чтобы разъяснить наше видение будущего Египта. Главное, чтобы информация о нас шла именно от нас, а не от других источников, которые могут ее преподнести в искаженном свете, преследуя свои цели. Эти источники могут стремиться к тому, чтобы отношения между Россией и новым Египтом не развивались и остались такими же слабыми. Ведь мы сейчас гово-

рим не о коммунистической России, а о демократической, с развитой парламентской и государственной властью.

Мы готовы в парламенте Российской Федерации ответить на любые вопросы, касающиеся нашей политической деятельности, готовы рассказать о наших планах, направленных на мир и сотрудничество с другими народами. Мы проповедуем мир. А наша готовность защищать свою родину не означает, что мы готовим войну.

Глава VI

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПЛЮС ИСЛАМСКАЯ КУЛЬТУРА

В арабских так называемых революциях (которые с научной точки зрения следовало бы именовать мятежами, переворотами, антиавторитарными выступлениями, бунтами, может быть восстаниями) отразились глобальные процессы социокультурного характера и традиционные парадигмы исламской цивилизации. Именно их причудливое взаимодействие, которое проявляется как в противоборстве, так и симбиозе, соперничестве и взаимной адаптации, в наибольшей мере способно объяснить причины и суть потрясений, переживаемых арабскими странами. Тем более, что взятые по отдельности экономические, социальные, демографические и даже политические факторы не могут дать внятного ответа на вопрос о предпосылках выступлений в этих североафриканских странах, выделяющихся своим относительным благополучием на общем фоне мусульманского мира.

Арабская Африка и Ближний Восток, превратившиеся в зону бурных антиправительственных выступлений, давно являются частью глобального мира, реальность которого определяется, прежде всего, действием современных средств массовой коммуникации — Интернета, телевидения, газет и радио. Господствующие в них западные социокультурные образы и модели поведения (демократия в ее формальном выражении, упор на закон, как тотальное средство разрешения всех вопросов, соблюдение прав человека в ущерб обязанностям перед

обществом) идут вразрез со сложившимися в местной среде установками, отдающими основную дань традиционным морали, верованиям, коллективным мировосприятием, эмоциональным ценностным характеристикам, наконец, общению. Западная политическая и правовая культура в наибольшей степени отвечает идеалам и стремлениям молодой, образованной части арабского общества — часто тем людям, которые, имея нередко высшее образование, в том числе полученное за рубежом, остаются невостребованными на родине в силу безработицы и винят в этом, прежде всего, традиционные порядки и власть, не ценящую их как специалистов и людей. Свое будущее они связывают с выходом за пределы доминирующих социально-политических и культурных условий, с заменой моральной ценностной школы на формально-правовые западные стандарты отношения к человеку, системы властвования. В связи с этим отвергаются многие ценности восточного общества, которые, особенно властные отношения, начинают отчасти справедливо восприниматься как отсталые, консервирующие застои, несовместимые с развитием — в первую очередь экономическим. Воплощением застоя становится верховный правитель, идеалом — западная, прежде всего американская система власти. Таким образом, происходит размывание социокультурных, ценностных основ своего бытия в местном обществе, постепенно перерастающая в отказ от отечественных ценностей во имя западных. Молодые, образованные, не обремененные социальными обязанностями вследствие безработицы и отсутствия семьи, люди выходят на улицу, чтобы заявить, что национальный лидер надоел! Стремление к обновлению — качество, присущее молодежи.

Тенденция к эмансипации личности от давления традиций локальной культуры ставит вопрос о нравственном состоянии и ценностных устремлениях тех молодых, которые первыми вышли на улицы Туниса и Каира. Кто они? Бессребреники, жаждущие справедливости, свободы и равенства для всех? Циники и карьеристы, почувствовавшие слабость власти и надеющиеся при поддержке Запада самими стать правителями? Маргиналы от общества, охотно включающиеся в беспорядки, ибо

им нечего терять, но надеющиеся в этой мутной воде обрести, наконец, почву под ногами? Злодеи, жаждущие вырвать свой кусок собственности и власти во имя собственных эгоистических интересов, за пределами которых их ничто не интересует, как и цена из личного благополучия? Очевидно, ответа на этот вопрос получить не удастся: подобные исследования не проводились. С полным основанием можно предположить, что в массе протестовавших и взявших в руки оружие, ливийцев или сирийцев, йеменцев, чтобы свергнуть своего правителя, присутствуют все категории людей, условно разбитых нами на четыре группы. Вероятно, вопрос о том, какая из этих групп будет в будущем преобладать во властных структурах, будет зависеть, во-первых, от степени ее организованности (если таковые структуры существуют) и консолидированности; во-вторых, от устремленности к власти, презирающей любые сдерживающие нормы. Не случайно командующий сухопутными силами египетской армии в ответ на отчаянный упрек ушедшего президента Хосни Мубарака, напомнившего, что всей карьерой этот генерал обязан ему, президенту Египта, пафосно и лицемерно заявил: «Да, это так. Но Египет мне дороже!»

В ходе революции происходит, как это убедительно доказал наш соотечественник П.А. Сорокин на примере русской революции 1917 года, деморализация общества, рушатся практически все нравственные устои, ослабевают стимулы к труду, дезорганизуется хозяйственная деятельность и, самое главное, гибнет лучшая часть общества — наиболее честные, бескомпромиссные, мужественные и открытые люди, с особой остротой принимающие на себя ответственность за происходящее в своей стране. Эти явления не могут обойти и антиавторитарные выступления в арабском мире, во всяком случае, в Ливии, Сирии, Йемене, Бахрейне, где они переросли в стадию вооруженного противостояния. На первый план в упомянутых странах выходят те, кто готов реализовать собственные либеральные ожидания, не останавливаясь даже перед прямым предательством интересов своей страны, своего общества и государства. Глобальная система насаждения демократии, осуществляемая НАТО в Ливии и явно намечаемая в отношении

Сирии, позволяет этой категории циников, карьеристов и стяжателей оправдывать свои действия «защитой прав человека, установлением правового государства и т.д.». Глобалисты, со своей стороны демонстрируют свободу от любых нравственных норм: в ноябре на встрече лидеров Афросоюза с главами Евросоюза в Триполи последние, по свидетельству А.М. Васильева, заискивали перед М. Каддафи, а уже через 3—4 месяца начали бомбить города в Ливии, охотиться за полковником, презрев все нравственные нормы, в первую очередь восточного общества, предписывающих поддерживать дружеские отношения с принимавшим тебя. Разрушение системы сложившихся морально-нравственных ориентиров и норм общества — сострадание, взаимопомощь, уважение старших, честь, мужество, защита отечества — подменяется другой — легальной, или бюрократической, правовой системой регулирования поведения личности. Ее носителями и становится та либеральная, ориентированная на Запад часть образованной молодежи, которая в значительной мере порывает с традициями исламского общества.

При этом, взывая к Западу и НАТО о помощи (плакаты на английском, понятно, адресованы не соотечественникам), заявляя о своих демократических намерениях, арабские революционеры пытаются сбросить надоевших за десятилетия своих руководителей, обросших связями, утративших контакты с обществом, во многом коррумпированных и т.д., теми привычными способами, которые, напомнил петербургский арабист Е.И. Зеленев, именуются термином *аль-фитна* (смута) и которые сводятся к свержению политической верхушки.

Аль-фитна как явление весьма распространено в истории практически всех стран региона и представляет собой устойчивую форму политической борьбы. Термин *аль-фитна* встречается в Коране 35 раз и всегда в отрицательном значении. Его можно перевести как «соблазн, мятеж, смута, восстание, безумие, заблуждение». Что такое смута в арабской политической практике? Это массовые выражения протест против существующей власти людей различной социальной принадлежности и политических убеждений, с которыми официальные власти

не в состоянии справиться. Возникающая политическая неопределенность целей, задач, конечных результатов призваны скрыть интересы мощных политических фигур или групп, нередко пытающихся манипулировать сознанием и действиями участников событий: термин *аль-фитна* в первую очередь характеризует состояние сознания вовлеченных в события негодующих масс. Попытки направить стихию протеста в нужное русло также составляло особый аспект аль-фитны. Аль-фитна расценивается как зло, в борьбе с которым оправданы все средства, включая носителей смуты. Впервые под таким названием в историю исламского мира вошли события 656—661 гг., когда в халифате развернулась ожесточенная схватка за верховную власть. Подобные смуты в истории Египта и Сирии, случались неоднократно и в XIX и XX веках: например, 1882, 1919, 1991—1992 — в Египте, 1908 году — в Сирии. Нынешние антиправительственные выступления вошли в историческую литературу под названием «смута в месяц рамадан».

Тем не менее, в каждой из стран, где вспыхнули антиавторитарные выступления, есть своя специфика, анализ которой выводит на поверхность факторы цивилизационного свойства. Так, в Ливии выступления против Муаммара Каддафи не случайно начались в восточной части страны — Киренаике. Эта область — вотчина мусульманского духовно-религиозного ордена Санусийя, созданного авторитетным североафриканским улемом Мухаммадом ас-Сануси в первой половине XIX в. Социально консолидированный, воспринявший ряд ваххабитских идей, в частности — воссоздания раннеисламского государства, орден оказал упорное сопротивление французским и итальянским колонизаторам (1901—1912, 1916—1918 годы). Во Второй мировой войне он выступил на стороне союзников, с согласия которых в 1951 году тогдашний лидер Идрис ас-Сануси, потомок Мухаммада ас-Сануси, провозгласил себя королем Ливии. Но уже в 1969 году был свергнут группой офицеров во главе с будущим лидером ливийской революции М. Каддафи.

Обращает на себя внимание апатия исламистских организаций (за исключением египетских «Братьев-мусульман») которые казалось бы, должны были воспользоваться смутой, что-

бы перехватить инициативу и привести к власти своих людей. Тем не менее, в конфликты, по большому счету, ни одна из довольно многочисленных групп, если не считать разрозненные выступления исламистов в Алжире, не вмешалась. Запоздалые заявления представителей Аль-Каиды, пожалуй, только подтверждают предположение о цикличности развития исламистских идей.

Пока можно констатировать, что антиавторитарные выступления в арабском мире оказались неожиданными как для Запада, так и для исламистов. Вполне возможно, что после серьезных потрясений в охваченных смутой государствах произойдут изменения формально демократического характера. Однако едва ли они приобретут необратимый характер — стоит только вспомнить «исламскую революцию» в Иране: цивилизационной основой в этих регионах был и остается ислам, и он, безусловно, еще вернет свои позиции.

Вмешательство Запада на стороне ливийских повстанцев, которым НАТО ясно заявило о своих намерениях очистить «цивилизованный» мир от «нецивилизованных элементов» в лице режимов М. Каддафи и Б. Асада, резко изменило ход и сущность антиавторитарных выступлений: отныне они утрачивают право именоваться общенародными, а стоящие во главе их силы все больше уподобляются коллаборационистским режимам Второй мировой войны, предающим интересы отечества. С другой стороны, при всей авторитарности фигура М. Каддафи неизбежно перерастает в образ «несгибаемого борца за национальные интересы» единой Ливии, а сопротивление ливийцев натовской своре приобретает справедливый характер. Непримируемость же Запада свидетельствует о его стремлении к новому геополитическому гегемонизму, в рамках которого наиболее твердо отстаивающим свои позиции арабским народам отказано в праве именовать себя «просвещенными», «современными», «цивилизованными». Одновременно антиавторитарные выступления в арабских странах подтвердили предположения о том, что российская политическая элита в значительной мере утратила понимание национальных интересов и роли России в мире и потеряла чувство ответственности за судьбу собственных народа и государства.

Глава VII

СЕТЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Интернет играет все большую роль в жизни людей во всем мире, в том числе в странах Африки. Наиболее активны в развитии интернет-технологий страны Северной Африки. Лидером в развитии Интернета является Тунис, за которым следуют Египет и Марокко.

В 2011 году Интернет и в особенности социальные сети сыграли заметную роль в произошедших в Египте событиях. Однако надо понимать, что Интернет является не причиной, а исключительно *средством* канализации народных протестов. Средство это актуализируется, когда в обществе имеются реальные основания для недовольства. В условиях авторитарного правления отсутствуют иные возможности для артикуляции и канализации политического протеста. Интернет, в особенности социальные медиа, становится быстрым и удобным средством распространения информации. Анонимность общения через Интернет сводит к минимуму риски наступления той или иной ответственности за призывы к свержению власти. Не так просто и пресечь распространение информации через Интернет, блокировка отдельных сайтов по IP-адресу легко обходится путем использования программ-анонимайзеров, скрывающих реальный IP-адрес, а отключение Интернета в целом означает остановку всей общественной и политической жизни страны, что и было продемонстрировано в ходе революционных событий в Египте.

Наиболее активным молодежным общественным движением, послужившим застрельщиком революционных событий, стало движение «6 апреля», его площадка в сети «Фейсбук» была использована для распространения первичной информации и координации действий активистов протестных движений. При этом осуществлялся обмен опытом с активистами из Туниса.

Поднятая социальными сетями революционная волна 2011 года распространялась исключительно в культурно ог-

раниченном пространстве арабоязычного виртуального мира, в котором государственные границы не играют почти никакой роли. Уровня проникновения интернета в Тунисе и Египте (24% и более) оказалось достаточно для того, чтобы вывести массы людей на улицу и парализовать ответные действия властей и создать условия для сравнительно мирного свержения правящих режимов. Выяснилось, что потенциал современных информационных технологий в надлежащих условиях способен обеспечить мобилизацию масс буквально в часы и минуты, создать практически «из ничего» активно действующие молодежные группировки. Все это происходило без участия сложившихся в былую («доинформационную») эпоху политических партий. Инициаторами революционных выступлений с помощью Интернета стали учащаяся молодежь и выпускники вузов, в первую очередь образованная безработная молодежь (уровень безработицы в Египте в 2010 году достиг 9%). Образованный слой населения легко заимствует из западного мира культуру использования информационно-коммуникационных технологий и в частности социальных медиа.

Несколько факторов обусловили важную роль этих технологий в развитии революционной ситуации в Египте. Во-первых, сравнительно большая информационная открытость Египта при наличии политической цензуры. Во-вторых, легкий доступ к Интернету (средняя цена за час доступа в Интернет в интернет-кафе — 3—5 египетских фунтов). В-третьих, достаточно высокий уровень образования и информационной грамотности безработной молодежи.

25 января в Египте отмечался государственный праздник — день полиции, установленный в память о полицейских, выступивших против Британской оккупации города Эль-Исмаилия в 1952 году. День начала массовых акций протеста был приурочен к празднику неслучайно: именно полиция в условиях режима чрезвычайного положения вызывала наибольшее недовольство общественности. Таким образом, этот день был выбран специально, чтобы выразить отношение народа к полицейским. В группах на «Фейсбук» и в «Твиттер» в качестве места сбора демонстрантов было выбрано месторасположение Министерства внутренних дел.

На страницах «Фейсбук» (в частности, на странице движения «6 апреля») акции против полиции были аргументированы следующим образом.

1. «Вчера полиция была на службе у граждан Египта, но сегодня она, кажется, исключительно обслуживает Мубарака и его режим. Сегодня мы отмечаем день жестокости и коррупции в полиции».

2. Так почему мы отмечаем праздник полиции? Полиции, которая не отвечает интересам египетского народа, а работает на благо политических вымогателей из НДП, служа делу подавления оппозиции и ущемления как личных, так и социальных прав. Полиция пытается инакомыслящих в полицейских участках, тюрьмах и отделах национальной безопасности. Под пытками погибли множество людей, Халед Саад не первый и не последний».

3. «Молодежное движение «6 апреля» приглашает Вас присоединиться к нашему празднованию Дня полиции, чтобы выразить осуждение всех действий, осуществляемых Министерством внутренних дел».

4. «Мы не будем отказываться от наших требований до их полного достижения. Мы требуем отставки Хабиба аль-Адли, министра внутренних дел, а также отмены Закона о чрезвычайном положении» (закон действует в Египте с 1981 года. — *Л.И.*).

5. «Мы убеждены в том, что с нашей помощью День полиции станет подлинным событием, которое не будет забыто. Мы обращаем наш призыв ко всем молодым людям с разными политическими взглядами, принадлежащих ко всем слоям египетского народа, чтобы выразить свой протест против пыток и жестокости полиции».

6. «Как и в Тунисе, 25 января египетский народ восстановит свое достоинство, отправив аль-Адли в отставку. Для этого надо собраться перед зданием МВД».

Для того, чтобы вовлечь в протестные акции как можно большее число участников, в сети «Фейсбук» был налажен обмен фотографиями событий в Тунисе с призывом к египтянам, подобно тунисцам, отстаивать свои права; обмен видео и фотографиями молодых людей, женщин и детей с призывом: «Я выйду на улицу 25 января, потому что у меня есть достоинст-

во»; обмен статусными сообщениями тех участников, кто уже присоединился к массовым протестам.

Непосредственно во время событий сервисы «Фейсбук» содержали следующий контент:

- фотографии раненых и жертв насилия в отношении демонстрантов;

- видеозаписи, демонстрирующие мужество и стойкость участников (молодой человек против полицейской машины с водометом);

- свидетельства насилия против участников протестов (применение слезоточивого газа);

- фотографии многотысячной толпы на площади Тахрир с призывом присоединиться к восставшим;

- новости о жертвах среди протестующих с требованиями отомстить за их смерть;

- различные списки требований демонстрантов;

- поэзия, песни, картинки и другой креативный контент, связанный с демонстрациями на площади Тахрир;

- советы тем, кто хочет участвовать в демонстрациях, как защититься от слезоточивого газа, водометов и электрических дубинок;

- различные варианты логотипов протестных движений;

- оценка общественной реакции на акции протеста;

- сообщения о конкретных датах проведения многомиллионных демонстраций по всему Египту, с оригинальными названиями для каждой акции (например, «пятница ухода»).

После активной фазы революционных процессов в Египте содержание страниц на «Фейсбук» изменилось. Основное место заняли оценка произошедших событий; поздравления с победой революции; сатирические карикатуры на Х. Мубарака.

Таким образом, в группах на «Фейсбук» распространялась исключительно информация о формах, способах и тактике противодействия полиции. Практически не обсуждалось содержание лозунгов, не строились и проекты будущего общества. Единственным лозунгом интернет-активистов были призывы к абстрактной демократии, почти не упоминались социально-экономические требования.

Сервис микроблогов «Твиттер» сыграл куда меньшую роль в революционных событиях, нежели «Фейсбук». Причина заключается в том, что данный сервис, хотя и позволяет оперативно размещать информацию, менее полезен в качестве инструмента политического действия. В данном сервисе можно размещать только текстовые сообщения длиной до 140 символов. При этом для оперативной коммуникации больше подходит обмен мгновенными SMS-сообщениями с помощью мобильных телефонов.

Одним из основных преимуществ сервиса «Твиттер» является его непосредственность и немедленное распространение информации среди неограниченного числа людей. Можно увидеть какое-либо событие и в считанные секунды рассказать об этом миллионам. Поэтому главной функцией сервиса стало оперативное информирование общественности, в т.ч. международной. Люди по всему миру могут прочитать посты в Twitter в течение нескольких секунд.

Не все политические активисты и блоггеры соглашались действовать в «Твиттер», считая сервис микроблогов менее функциональным. Однако блоггер Мохаммед Халид рекомендует использовать «Твиттер» одновременно с социальными сетями: «Я стал использовать «Твиттер», поскольку в этом случае легче писать и быть более популярным. Я начал 6 месяцев назад, разместив сообщение на своем блоге и в то же время в «Фейсбук». Вы можете написать сообщение в «Фейсбук», но надо разместить одновременно и в «Твиттер» с определенным тегом, для того, чтобы его одновременно прочитали 30 человек».

Оценивая вклад Интернета в развитие революционного процесса в Египте, надо подчеркнуть следующее.

Во-первых, пожалуй, впервые в мировой истории интернет-технологии убедительно и наглядно продемонстрировали свои возможности в качестве эффективного средства мобилизации масс, социально-политической и культурно-информационной борьбы.

Во-вторых, электронная революция в средствах и методах политической борьбы есть лишь внешнее выражение обострения социально-политического конфликта, который ряд наблюдателей рассматривает как искусственно раздутый.

В-третьих, основной лозунг вышедшей на улицы оппозиции «Долой Мубарака!» в реальности отражал антизападный и антилиберальный настрой египетской улицы. В этом свете неявные либеральные устремления молодежного движения «6 апреля», хотя оно и выступило застрельщиком событий, в дальнейшем не имеют перспективы широкой народной поддержки. При таком разбросе идейных позиций противников свергнутого режима, революционные группировки вряд ли смогут прийти к консенсусу по фундаментальным проблемам будущего устройства страны.

В-четвертых, Интернет, превратившийся в важнейший технический канал связи, источник информации и передатчик революционных призывов, наполнился важным содержанием: он стал пространством свободы и идеологическим ориентиром для западно-либеральной части египетской общественности.

Один из уроков применения Интернета заключается в том, что он обеспечивает практически идеальные возможности для создания негативных социальных образов — вроде лозунгов «Долой президента». В то же время Интернет едва ли сможет стать инструментом создания позитивного контента, который способствовал бы реальному улучшению ситуации в стране. В этом случае использование социальных сетей, скорее всего, не даст ожидаемого результата.

СОБЫТИЯ И ФАКТЫ

Глава VIII

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В 2011 г. в странах Северной Африки весна выдалась ранняя и затяжная. Первый гром прогремел еще в январе, а потом грозы и буйство социальной стихии затянулись на многие месяцы и накрыли огромные территории арабского мира. Революционные атмосферные фронты в течение года смещались то на юго-восток, то на запад, то снова в сторону востока — в Азию. Кое-где стихия смела обветшавшие политические режимы. В других местах изрядно потрепала капитальные иерархические постройки. Последствия революционной непогоды дали себя знать и за пределами региона, подмочив репутацию ряда политиков и заставив их искать способ выйти сухими из воды.

Арабский бунт — шумный и эмоциональный

Хотя общая канва происходящего широко известна, для целостности картины вкратце наполним последовательность событий, получивших название «арабской весны». Рубежным событием, якобы положившим начало беспорядкам и вызвавшим волны массовых народных выступлений в Северной Африке и на Ближнем Востоке, считается неудачная попытка самосожжения и последующая смерть в местном госпитале обиженного властями уличного торговца в тунисском городе Сиди-Бузид. До декабря 2010 г. массовые выступления населения были в этой стране крайне редким явлением.

Начавшиеся в Тунисе народные волнения и массовые протесты привели к падению режима президента Бен Али и его

бегству из страны. Уже в декабре 2010 г. беспорядки перекинулись на Алжир, но там правительство устояло. Самым мощным потрясением арабского мира стала начавшаяся 25 января протестным стоянием на каирской площади Тахрир «революция» в Египте. Режим президента Х. Мубарака пал 11 февраля, а еще через два дня на востоке Ливии начались беспорядки и демонстрации с требованием к лидеру страны оставить власть. Противостояние властей и протестующих приняло там вооруженную форму. 18 марта Совет Безопасности ООН принял резолюцию об установлении над Ливией «бесполетной зоны». НАТО использовала это решение для оказанию военной поддержки повстанцам. Страна погрузилась в полномасштабную войну, в которой на стороне противников правительства воюют ВВС блока НАТО, медленно сужая подвластную М. Каддафи территорию. В январе крупные выступления начались в Йемене, Иордании, на Бахрейне и в Марокко. Однако события в этих странах развивались по-разному. В Иордании и Марокко королевская власть достаточно оперативно отреагировала на происходящее и спешно провела некоторые реформы (как сейчас кажется, косметические), которые несколько снизили накал страстей, по крайней мере, на время. На Бахрейне события приняли кровавый оборот. Мирные протесты в основном шиитской части населения были подавлены благодаря военному вмешательству Саудовской Аравии. В Йемене шумные массовые акции и регулярные, порой кровавые столкновения противоборствующих сторон продолжались до тех пор, пока в июне 2011 г. после ранения в голову президент Салех не покинул страну для лечения в Саудовской Аравии. С его отъездом выступления не прекратились, но их острота существенно спала.

В Сирии ситуация была относительно спокойной до середины марта — тактическими маневрами властям удавалось удерживать конфликт на низком уровне. Однако с апреля наблюдается резкая вспышка беспорядков, и правительству приходится все шире прибегать к жестким репрессивным мерам, чтобы удержать ситуацию под контролем. Внешние силы довольно слаженно прилагают усилия к тому, чтобы развитие событий пошло по пути успешных революций в Африке.

Практически во всех арабских странах мощной «молчаливой силой» все это время оставались исламские партии и движения, формальные и неформальные объединения — как включенные в легальные политические системы, так и запрещенные. Они ограничились тем, что публично зафиксировали свое участие в протестном движении, но внешне не пытались ни возглавить его, ни перенаправить в нужное им идеологическое русло. В полном соответствии с китайской поговоркой о мудрой обезьяне, наблюдающей за боем тигров с вершины горы, они заняли выжидательную позицию до тех пор, пока процессы демократизации не расчистят политическую арену для активного и безопасного для них выступления. В то же время они не позволяют полностью забыть о себе, то делая политические заявления, то устраивая локальные беспорядки.

Сквозь призму исторической компаративистики

Словосочетание «арабская весна», которым стали именовать бурные социально-политические (и в значительно меньшей мере экономические) процессы и перемены в Северной Африке и странах Ближнего Востока, призвано, конечно, не столько обозначить календарные сроки происходящего, сколько ассоциироваться с процессом пробуждения и обновления. Структурно термин не нов и не оригинален. Он — реминисцентная аллюзия сходных событий 1848 г. в Европе — буржуазно-демократических революций, получивших в историографии наименование «весны народов». Имеется в виду не только внешнее сходство. По нашему мнению, происходящее сегодня в арабском мире может иметь такое же фундаментальное значение для формирования в нем нового баланса социальных сил и перехода к новым типам отношений, как «весна народов» 1848 г. для Европы.

Как известно, тогда революционные события охватили почти весь континент (кроме Великобритании, России и Оттоманской империи), привели к падению монархий в одних странах и ограничению абсолютизма в других. Они глубоко повлияли на изменение господствующих в регионе политических парадигм. У старой «европейской» и нынешней «арабской вес-

ны» много сходных черт — фундаментальных и внешних, ведь и первая, и вторая явились результатом сложного комплекса причин, сочетания объективных предпосылок и субъективных условий.

Во времена «весны народов» социальные катаклизмы стали следствием глубоких и многоаспектных перемен, происходивших в европейском обществе в течение первой половины XIX века. В их числе: технологические изменения, повлекшие определенное улучшение положения рабочего класса; увеличение числа служащих и технических специалистов; рост самосознания многих ранее «политически инертных» слоев общества; изменение места религии в сознании масс; медленное «размывание» и либеральное реформирование абсолютистских политических систем. Распространение получили новые политические идеи, провозглашавшиеся их носителями высшими и универсальными ценностями — либерализм, национализм и социализм. Менялось содержание, характер и методы деятельности политических партий. Были созданы и стали практически действенными новые способы трансграничного распространения радикальных революционных взглядов с помощью сетевой организации революционного движения. В целях революционной мобилизации масс начали использоваться новые носители информации и технологические новшества. Оружием пропаганды стала популярная, доступная пресса, листовки и агитматериалы (массовая иллюстрированная печать). Два технологических прорыва в области коммуникации и информации — телеграф и фотография (ранее даггеротип) — были сравнимы в ту пору по своей значимости с сегодняшним Интернетом. Информация стала передаваться молниеносно на огромные расстояния, преодолевая границы. Фотография начинает заменять в прессе рисунок, что делает читателя участником событий и повышает в его глазах уровень достоверности и детализации распространяемой информации. Рост грамотности дал возможность индивидууму самому узнавать о событиях, накапливать информацию, обобщать и документировать происходящее, более квалифицированно отстаивать свои права и выдвигать требования.

Сходство «двух весен» прослеживается и в динамике экономического фона событий. «Весне народов» предшествовало наступление глубочайшего мирового экономического кризиса (Великий кризис 1847—1850 гг.), прервавшего длительный период беспрецедентного экономического роста. Подобно тому, как «арабской весне» предшествовал банковский коллапс в финансовом центре мира — США, за год до европейской «весны народов» в финансовой столице мира той поры Лондонском Сити случилось схожее явление, получившее название «Паника 1847 г.». Причина в обоих случаях — накачка банками финансовых пузырей. Правда, в XIX в. это был не пузырь переоцененной недвижимости, как в наше время, а столь же переоцененных акций железнодорожных компаний. Острота ситуации и последствия для международной финансовой системы были такими, что Банк Англии объявил о приостановке до окончания кризиса действия «Положения об Уставе Банка» (*Bank Charter Act*), запрещавшего выпуск банкнот, не обеспеченных на 100% золотом. В противном случае главное кредитное учреждение страны, ее эмиссионный центр и банкир правительства мог бы оказаться на пороге технического дефолта. Очень скоро кризис перекинулся на остальные страны Старого и Нового света. Положение усугублялось резким ростом цен на продовольствие в Европе, вызванным неурожаем 1845/46 гг., сильно повысившими градус недовольства широких масс населения континента.

Таким образом, мы видим, что условия, в которых в XIX и XXI вв. прокатываются две рубежные по значимости для своих регионов (а на самом деле и культурно-цивилизационных ареалов) революционные волны типологически весьма близки, если не сказать идентичны. Речь идет о разрушении господствующих до того в обществе социальных связей и отношений, о способствующих тому технических и коммуникационных переменам и новшествах, а также о кризисном внутреннем и внешнем экономическом фоне. С соответствующими поправками на время, место и технологический прогресс, сходные по значимости и последствиям предпосылки, причины и

детерминанты социального взрыва можно увидеть как в Европе полуторавековой давности, так и в происходящем сегодня на Большом Ближнем Востоке.

Транзитология: в трех переходах от революции

Перечисленные параллели приведены нами отнюдь не в качестве любопытных исторических курьезов. Компаративный анализ дает основание выдвинуть гипотезу, что нынешняя «арабская весна» (если считать, что она действительно знаменует собой начало трансформации региона из «заповедника авторитаризма» в «опытное поле демократии») — такой же результат кризисного соединения в арабских обществах на рубеже тысячелетий переходов трех типов: экономического, демографического, идейного (включая информационный аспект):

а) Экономический переход выражается в качественном преобразовании арабских экономик в период 1990—2010 гг., связанном с их вынужденной модернизацией и адаптацией к мировым экономическим трендам (глобализация, интеграция, либерализация, технологизация, изменение баланса сил в мировой экономике). Внутризкономическое положение арабских стран стало более чем когда-нибудь прежде зависимым от мирового рынка. Экономический переход повлиял, в частности, на общее повышение жизненного уровня арабского населения, социальную мобильность и рост материальных и духовных запросов.

б) Большинство арабских стран вступают в так называемый третий этап демографического перехода. При этом реально угроза, что они окажутся в демографической ловушке. Во многих процессах модернизации и привели к заметному падению рождаемости и замедлению темпов прироста населения (см. табл. 1 и 2). В Тунисе, Египте, Алжире, Ливане, Саудовской Аравии коэффициент фертильности снизился более чем на 40% по сравнению с показателями до начала перехода. Поскольку этим трендам всего 10—15 лет, а средняя ожидаемая продолжительность жизни в регионе увеличилась до 70 лет, в большинстве стран (но не во всех!) смертность почти не увеличилась. Начала сокращаться лишь доля детей примерно до 12 лет. При этом огромные массы молодых людей в возрасте

15—30 лет вступили в активную жизнь и количественно доминируют в обществе. Более 60% населения арабских стран моложе 30 лет. Среди молодежи крайне высока безработица, социальные перспективы у многих ограничены или в лучшем случае неопределенны, что ведет к политическому недовольству и протестным настроениям. Специфические конфигурации демографических трендов привели к социальной отчужденности и радикализации части молодежи, желанию изменить существующие социальные парадигмы.

в) Идеальный переход в арабских странах вытекает из предыдущих двух и проявляется в ломке традиционной и широком развитии индивидуалистически ориентированной систем ценностей и соответствующем изменении норм поведения, в том числе демографического и социального. Он связан с фундаментальными переменами внутри арабских обществ: как с эндогенными характеристиками их развития (экономические условия, демографические тенденции, рост грамотности и самосознания более широких слоев населения, для которых рамки социальных и экономических возможностей, предоставляемые существующим устройством обществом, уже узки), так и с внешними влияниями на ситуацию внутри арабских обществ (они разноплановы: проникновение западной культуры, стереотипов и ценностных категорий, доступность информации и средств организации масс, рост числа работающих за рубежом, зависимость режимов от внешних патронов, импорта продовольствия и т.д.). Происходит значительное увеличение степени свободы как в выборе индивидуальных целей, так и средств их достижения, не исключая из числа последних разрушение традиционных устоев и насильственную смену власти.

Таким образом, диалектика субъективного и объективного, эндогенного и экзогенного в происходящих событиях выглядит следующим образом. Под воздействием общемировых процессов и тенденций в регионе уже в течение длительного времени складывались объективные предпосылки для перехода к более современному типу отношений в обществе, большей социальной мобильности граждан, открытия возможностей роста (карьерного, экономического, духовного) для его членов. Потребность в социальной модернизации диктовалась

итогами экономического развития последних десятилетий и совершенствованием рыночных отношений.

Непосредственно накануне «арабской весны» регион демонстрировал самые лучшие за три десятилетия показатели устойчивого экономического роста, причем это относится как к богатым нефтяным странам, так и к лишенным запасов «черного золота». При сохранении весьма значительных межстрановых различий экономика всех без исключения арабских государств за последние четверть века существенно продвинулась вперед по пути модернизации и роста. Во всех странах произошло улучшение ситуации с реальными доходами населения, обеспеченностью питанием, медицинским обслуживанием, доступом к образованию. Конечно, кое-где в мире имел место более впечатляющий рост, но арабский регион по целому ряду показателей качества жизни был впереди Восточной Азии и по всем показателям впереди Южной Азии и Тропической Африки (см. табл.1)

Слабые звенья в цепи арабских автократий

Однако, как показывает историческая практика (включая опыт нашей страны), реальные абсолютные характеристики благосостояния не всегда являются решающими в ситуациях вызревания социального недовольства, вспышек «народного гнева» или разнородных «революционных» событий. В противоположность этому относительные характеристики и сравнения (межклассовые, межэтнические, межконфессиональные, гендерные, межстрановые и т.п.) обретают силу весьма мощных инструментов мобилизации масс и народного недовольства. Для практического использования подобных инструментов абсолютно необходимо наличие субъективного фактора в лице общественных сил и их организаций, способных внедрить установки подобных сравнений (не обязательно соответствующие действительности) в сознание членов общества и превратить их в устойчивые стереотипы общественного восприятия. В условиях постиндустриального глобализованного информационного пространства и виртуализации общения субъективный фактор легко трансформируется в объективную реальность.

	Продолжительность жизни			Грамотность (доля населения)			Валовой охват образованием			Доход на душу населения		
	лет	% прироста		%	% прироста		%	% прироста		долл.	% прироста	
	2010	1970— 2010	1990— 2010	2010	1970— 2010	1990— 2010	2010	1970— 2010	1990— 2010	2010	1970—2010	1990—2010
Развивающиеся страны	68	21	8	81	61	21	66	28	24	5873	184	89
Арабские страны	70	37	10	74	149	41	64	89	22	8603	66	44
Восточная Азия	73	23	9	94	76	18	69	7	31	6504	1183	352
Южная Азия	65	33	12	66	113	46	59	64	29	3398	162	119
Африка южнее Сахары	52	19	7	65	183	43	54	109	42	1466	20	28
Латинская Америка	74	24	9	92	27	10	83	59	16	11092	88	42

Табл. 1. Улучшение базовых показателей качества жизни в период 1970—2010 гг. по регионам мира

Подобно тому как в России борьба западников и славянофилов (государственников) исторически определяла характер и направления развития страны, в современных арабских обществах в диалектическом единстве и противоборстве находятся два мощных культурно-цивилизационных компонента: один, базирующийся на традиционных исламско-арабских ценностях, другой — «европейски ориентированный» модернизационный, сформировавшийся еще в XIX в. и укрепившийся затем в годы колониального господства.

В «арабскую весну» оба полюса сошлись в необходимости глубоких политических перемен и где-то поодиночке, где-то совместно стали добиваться смены власти. Исламские организации и либеральные демократические движения оказались одинаково оппозиционны своим правительствам, пытавшимся, как правило, в своей политике совместить оба начала. Роковой просчет правивших элит Египта и Туниса был в том, что они, сами уже *de facto* интегрировавшись в структуры глобального общества и мирового рынка, став частью интернациональной элиты, владельцами международных компаний, получателями «модернизационного дивиденда», не учли, что растущий разрыв в уровнях потребления, доступе к социальным благам и просто достижениям цивилизации не будет спокойно восприниматься остальными слоями общества. Ведь и последнее также не изолировано от мировых либеральных и демократических веяний, причем *не в последнюю очередь благодаря модернизационной политике самих властей.*

Все арабские государства вовлекаются в процесс глобализации, в которой тон и вектор изменений задают высокоразвитые страны с устоявшимися демократическими системами. В этом смысле нет ничего удивительного в том, что революция рвет именно «слабые звенья» арабских автократий. Египет и Тунис — страны более «открытые мировым веяниям», более секуляризированные, поддерживающие регулярные и, что очень важно, «многовекторные» связи с Западом. (В то время как, скажем, Саудовская Аравия или Кувейт, тесно сотрудничающие с США, осуществляют их по более узкому количеству каналов — «нефтяному», военному, безопасности, — отгораживаясь от «ненужных» с их точки зрения связей и огра-

ничивая потоки воздействия в культурной, информационной и проч. областях).

Более автократические арабские государства, имеющие гораздо менее современные и более далекие от демократии формы правления и организации власти легко пережили «арабскую весну». Поэтому, когда мы говорим о «выпадения слабого звена» из цепи автократий арабского мира, мы действительно имеем в виду «недостаточно сильную (жесткую) автократию» в Тунисе и Египте по сравнению, скажем, с монархиями Аравийского полуострова.

Описываемое «выпадения слабого звена» нередко квалифицируют как «демократические революции» в арабском мире. Степень научной обоснованности использования данного термина будет видна со временем, когда современники или потомки смогут оценить реальное воздействие произошедшего на глубину изменения существующих социально-политических парадигм в арабских обществах. Пока же мы невольно пребываем в плену стереотипов восприятия и ожиданий того, что революция повлечет за собой переустройство государственного управления на более демократических и прогрессивных началах. В этом смысле ни одна из глав «арабской весны» к подобным последствиям еще не привела. Однако маркер «революция» все же уже закрепился за происходящим в общественно-политическом дискурсе и, чтобы не выпасть из границ последнего, мы волей-неволей вынуждены использовать укоренившуюся терминологию.

Вместе с тем методологически неверно ставить в один ряд все внешне схожие «революционные бои», развернувшиеся в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Если в Египте и Тунисе имело место реальное массовое народное восстание (пусть и поддержанное извне), то развертывание событий в Ливии и Сирии более походит на попытку убрать «девиантные» арабские режимы под шум гроз «арабской весны». Слабой и разобщенной оппозиции этих стран выступать до полного и открытого вовлечения Запада в поддержку тунисской и египетской революций было рано, но промедли она еще несколько месяцев — оказалось бы поздно.

Движущие силы между «молодежным бугром» и «пентаграммой безысходности»

Статистические показатели и фактическое положение дел именно в Тунисе и Египте — двух странах, где народные выступления привели к падению существовавших политических режимов — были отнюдь не самые худшие по арабскому миру, а в такой стране как Ливия, основные экономические индикаторы, характеризующие положение населения и социальные гарантии, вообще лучше средних по региону (см. табл. 2). Однако субъективное восприятие основной массой населения успехов рыночного развития и итогов реформ последних лет оказалось негативным. Причина тому — сочетание, с одной стороны, близорукой социальной политики властных элит, присваивавших львиную долю создаваемого дохода и благ, а с другой непрекращающейся антиправительственной пропаганды исламских и либерально-демократических политических сил.

Пояснения к таблице: 1) ВВП на душу населения по текущему обменному курсу национальных валют; 2) уровень расходов в менее чем 2 долл. (по ППС) — базовая черта бедности, используемая Всемирным банком для рассматриваемого региона (для субсахарской Африки — 1,15 долл.); 3) ИРЧП — индекс развития человеческого потенциала — стандартный инструмент при общем сравнении уровня жизни различных стран и регионов; интегральный показатель; ежегодно рассчитывается ПРООН для межстрановых сравнений и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой территории выражается в виде коэффициента ($тах-1$) и рейтинга страны (от 1 до 165 места в 2010 г.; для сравнения, у РФ — 65 место); 4) Индекс Джини — статистический показатель, свидетельствующий о степени расслоения общества данной страны: в случае полного равенства будет равен 0%; в случае полного неравенства — 100%; 5) Распространение Интернет — доля (%) в населении лиц в возрасте от 2 лет, вошедших в Интернет с любого устройства (включая мобильные телефоны за последние 12 месяцев). Дан-

Страна и ее рейтинг по ИРЧП (из 165 стран)	Население (2011)			Средний возраст вступления в брак		ВВП на душу населения в 2010 г. (долл.)	% лиц с доходом менее \$2 в день	ИРЧП (2010)	Индекс Джини, %	% пользоват. Интернет (2008)	Общая удовлетворенность жизнью
	млн. чел.	% лиц до 25 лет	темпы прироста в год (%)	Ж	М						
Алжир (84)	36.3	47	1.4	29	33	4029	26	0.677	35.3	11.9	5.6
Бахрейн (39)	1.23	44	2.1	26	30	26000	10	0.801	...	51.9	...
Египет (101)	84.5	52	1.7	23	...	2270	39	0.620	32.1	20	5.8
Иордания (82)	6.4	54	1.9	25	29	4216	21	0.681	37.7	26	5.7
Ирак (не вкл.)	31.5	61	3.1	23	...	2090	25	5.5
Иемен (133)	24.1	65	3.0	23	25	1118	58	0.439	31.2	1.6	4.8
Катар (38)	1.7	34	2.9	26	28	69754	...	0.803	41.1	34	6.7
Кувейт (47)	2.6	37	2.4	27	29	54260	...	0.771	...	34.3	6.6
Ливан (не вкл.)	4.1	43	0.7	27	31	8175	30	22.5	4.7
Ливия (53)	6.2	47	0.8	29	32	9714	7	0.755	...	5.1	...
Мавритания (136)	3.3	59	2.2	22	29	921	44	0.433	39.0	1.9	5.0
Марокко (114)	31.7	48	1.0	26	31	2811	25	0.567	40.9	33	5.8
ОАЭ (32)	4.6	31	2.2	24	27	50000	19	0.815	...	65.2	7.3
Оман (не вкл.)	2.7	52	1.9	25	28	16207
Сауд. Аравия (55)	28.7	51	2.1	25	27	14540	...	0.752	...	30.8	7.7
Сирия (111)	22.2	56	1.7	25	29	2474	30	0.589	...	16.8	5.9
Судан (154)	40.2	59	2.4	23	29	1294	40	0.379	...	10.2	5.0
Тунис (81)	10.6	42	1.0	27	30	3792	8	0.683	40.8	27.5	5.9

Табл.2. Некоторые показатели социально-экономического развития арабских стран в 2010—2011 гг.

ные базируются на результатах обследования домохозяйств;
б) Общая удовлетворенность жизнью — индекс, рассчитываемый ПРООН. 0 — минимально удовлетворенные, 10 — максимально удовлетворенные (РФ — 5,9).

В любой революции ключевым является вопрос о ее движущих силах, т.е. о классах и социальных группах, заинтересованных в коренных изменениях и пытающихся их осуществить. Протестная масса в Египте и Тунисе была весьма разнородна. В ней можно было найти представителей всех слоев общества, за исключением, разве что, работников госслужбы и силовых ведомств. Четко выделить узкие заинтересованные социальные группы в условиях «арабской весны» достаточно сложно. Классовый подход здесь работает очень плохо. По форме восстания выглядели как бои с правящей бюрократией Туниса и Египта за политические свободы. Объективно для большей части жителей (особенно для жителей деревни и малоимущих в городе) это не самые острые жизненные проблемы. Потенциально от успеха лозунгов революции выигрывают в основном те части общества, которые в условиях европейской «весны народов» называли «разночинцами», но это довольно условное сравнение. К тому же еще рано судить о реальных результатах народных восстаний. Пока что во власти сменились только лица, реальной смены элит не произошло.

За исключением Бахрейна, в котором противостояние более-менее четко пролегалось между шиитскими массами и суннитским правящим меньшинством, неприменим и конфессиональный подход. Нередкие столкновения между христианами и мусульманами в Египте и всячески пропагандируемое Западом противостояние между алавитами и остальными этноконфессиональными группами Сирии при всей их реальности не составляют сущность социально-политических и экономических противоречий в названных странах.

Наиболее организованными группами в арабском обществе являются силовики (армия, служба безопасности), с одной стороны, и религиозные, исламистские объединения, с другой. Считалось, что арабские светские либеральные группы слабы, разобщены и вряд ли смогут превратиться в весомую политическую силу в ближайшем будущем. Это, правда, не мешало сначала США, а позже и Европейскому Союзу (ЕС) на

протяжении десятилетий вести последовательную работу по поддержке и укреплению этих структур, названных организациями гражданского общества.

К концу 1990-х гг. в американской внешней политике получают распространение подходы, придающие особое значение демографическим факторам при геополитическом прогнозировании, стратегическом планировании и реализации конкретных внешнеполитических задач. Применительно к «несостоявшимся государствам» и мусульманским регионам предлагаются подходы, основанные на теории «молодежного бугра» (*youth bulge*), согласно которой развивающиеся общества, переживающие демографический переход от высокой к низкой рождаемости и смертности, обладают повышенной конфликтностью в силу растущего недовольства молодежи. Взрывоопасный потенциал с одной стороны представляет угрозу интересам Запада (прежде всего с точки зрения радикализации мусульманской молодежи), но с другой, может быть использован для продвижения демократии. С конца 90-х годов главной целевой группой обработки становится молодежь.

В 2009 г. один только созданный Конгрессом США Национальный фонд демократии (*National Endowment for Democracy*) финансировал 23 египетских, 21 палестинскую, 13 йеменских, 10 иорданских, 8 ливанских, 3 тунисских, 3 ливийских, 3 сирийских, 3 алжирских и 1 кувейтскую неправительственные организации, в основном для целей работы с молодежной аудиторией по разным направлениям продвижения демократии и создания гражданского общества. Целевые гранты предполагали в частности обучение методам мобилизации масс, ведению разъяснительной и пропагандистской работы, созданию интернет-СМИ и веб-сайтов, обучение методам обхода цензуры, защиты от противодействия распространению информации по Интернету. Суммы грантов варьировались от 19 до 385 тыс. долл. на организацию.

Как представляется, выбор молодежи в качестве инструмента и одновременно объекта управления социальными процессами объясняется следующими соображениями. Это единственная легко выделяемая не классовая, но возрастная социальная группа, способная превратиться в действенную движущую силу трансформации политических парадигм арабского обще-

ства. В первое десятилетие XXI в. устойчивый и динамичный экономический рост в арабских странах потенциально создавал условия для долгожданного прорыва в социально-экономическом положении старших групп молодежи. Однако этого не произошло. Возрастные парадигмы распределения доходов, социальных благ и влияния в обществе остались прежними. Более того, «возрастная планка» общественного признания постепенно повышалась по мере старения властей предрежащих. Из-за неподвижности социальных и политических парадигм получив образование, средняя (20—24 лет) и старшая (25—30 лет) группы молодых возрастов неизбежно оказывалась в состоянии вынужденной жизненной паузы почти по всем пяти ключевым для индивидуума сегментам общественной жизни: образовании, работе/карьерном росте, доходах, возможности приобрести собственное жилье и создать семью. Мы назвали этот феномен «пентаграммой безысходности» у молодежи и схематически изобразили связи и зависимости на *рис. 7*.

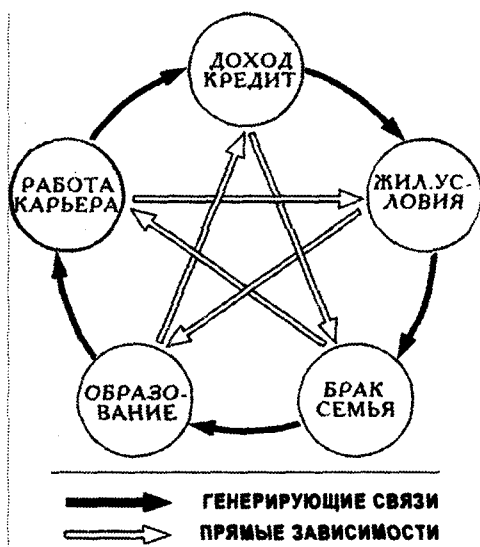

Рис. 7. «Пентаграмма безысходности» — замкнутый круг отсутствия социальных перспектив у арабской молодежи.

В конкретных условиях арабских стран ситуация на практике выглядит следующим образом. Безработица среди молодежи в регионе выше среднемировых показателей вдвое (20—40% по сравнению с 10—20% среднемировыми). Избыточные доходы арабских стран от природной ренты (не только от нефти, но и, например, от международного туризма, т.е. от привлекательного климата, моря и т.п.) привели к сильному росту цен на городскую недвижимость. Это сузило для молодых людей возможности приобретения собственного жилья. Отсутствие денег и жилья сдвигает возраст создания семьи и появления первого ребенка. Между тем в обществах, где все еще сильны традиционалистские оценки жизненного преуспевания, неуспех в перечисленных областях считается куда более страшной жизненной неудачей, чем, например, на Западе. Так, по нашему мнению, в рассматриваемых странах сформировалась критическая масса взрывоопасного материала — движущей силы арабских революций.

Описанная «печать безысходности» накладывается на арабскую молодежь в значительной степени еще на этапе получения образования, которое традиционно ориентировано прежде всего на конторскую работу в госсекторе. Это противоречит сегодняшним объективным потребностям арабских экономик. Ведь в последние два-три десятка лет вектор их развития направлен в противоположную сторону — на ускоренный рост частного сектора, реального производства и отраслей сервиса. В результате такого несоответствия дипломированные специалисты обречены по нескольку лет ждать вакансий в госсекторе. Правда, как показывает практика, выпускники и сами не очень стремятся искать менее комфортные места трудовой деятельности.

В Тунисе 70 тысяч молодых людей ежегодно получают качественное образование по европейскому (точнее, французскому) стандарту. Но тунисская экономика не может поглотить и половину от названного числа выпускников. Проблема предопределена масштабами и структурой экономики страны, с одной стороны, и составом специальностей, по которым в Тунисе готовятся выпускники, с другой. В структуре избранных специальностей преобладают гуманитарные, экономические и

юридические профессии. Власти пытались хотя бы частично разрешить проблему, предложив в рамках целевой программы молодым дипломированным литераторам, экономистам или правоведам работать преподавателями в глубинных районах страны. Но и здесь возникли трудности. С одной стороны, в отличие от прочих арабских стран, в Тунисе из-за низких темпов роста населения (ниже даже среднеевропейских цифр), потребность в приросте от года к году числа учителей невелика. С другой — молодые выпускники достойной, но скромно оплачиваемой работе в тунисской глубинке в массе своей предпочитают миграцию на Запад. Они мечтают найти работу в близкой их современным жизненным установкам и представлениям Европе, предпочтительно франкофонной, куда устремляются тысячами по легальным и нелегальным путям.

В Египте молодежь также оказалась движущей силой революции, но *на наш взгляд, главная фундаментальная проблема, приведшая к падению старой власти, заключалась в неспособности последней создать адекватные изменившимся условиям парадигмы (пере)распределения национального дохода.* В стране на фоне неспешной, но вполне реальной модернизации общества в соответствии с рекомендациями западных неолиберальных союзников зрели объективные, специфические именно для Египта (но не чуждые другим арабским странам) негативные процессы, которые осознавались властями, но которым, в рамках реальной госполитики не уделялось должного внимания.

Специфика Египта в его относительном перенаселении (на 4% территории страны проживает почти 95% ее 80-миллионного населения, т.е. фактическая плотность населения — в среднем 1540 чел. на кв. км — одна из самых высоких в мире). Кричащее неравенство и скученность населения делает опасность широкомасштабных выступлений весьма вероятной и придает социальным конфликтам особую остроту. Власти привычно решали проблему «в ручном режиме» — с одной стороны, искусственно поддерживая минимальные (и даже скромно возрастающие) уровни потребления, а с другой, активно занимаясь профилактикой возможных организованных выступлений.

Хрупкий баланс, который удерживался посредством сложной системы продовольственных дотаций, сельскохозяйственных субсидий и мер прямого регулирования сельхозпроизводства был постепенно нарушен усилиями по либерализации экономики. Была ликвидирована система обязательного производства определенных культур, в частности зерновых. В соответствии с неолиберальными воззрениями изменилась концепция продовольственной безопасности. Если ранее акцент делался на максимальное обеспечение продовольственных потребностей страны за счет внутреннего производства, то теперь возобладало мнение, что следует развивать отрасли, которые на мировом рынке обладают сравнительными конкурентными преимуществами (например, туризм), а недостающее продовольствие закупать за счет избыточного дохода глобально конкурентоспособных отраслей. С этой же аргументацией были сняты ограничения на экспорт сельскохозяйственной продукции. Феллахи постепенно переключались с обеспечения внутреннего рынка на более выгодные виды экспортного сельхозпроизводства — ранние овощи для ЕС, апельсины, орехи и проч. В результате в отрасли обозначилось медленное движение к заветной цели реформаторов — начали сближаться мировые и внутренние цены на продовольствие. К 2008 г. разрыв все еще оставался колоссальным, но по стране уже прокатилась продовольственные бунты. Их частью подавили, частью ослабили, отложив очередные реформы.

Властные элиты, убаюканные успехами экономического роста (в 2006—2008 гг. ВВП ежегодно прирастал более чем на 6%, т.е. примерно на 22 млрд. долл.) увлеклись самообогащением. В то время как беднейшие 20% населения получали 9% доходов страны, богатейшие 20% присваивали 41,5%. Возросшие иностранные инвестиции и валютные доходы использовались нерационально. Часть их разворовывалась на личное потребление или для тайного вывоза за рубеж. Бегство капитала из Египта, связанное с манипуляциями контрактными ценами по внешнеторговым операциям, откатами, коррупционными доходами и операциями с недвижимостью за рубежом в 2006 и 2007 гг. составило соответственно 13,0 и 13,6 млрд. долл. С началом кризиса и связанного с ним сокращения воз-

можностей для незаконного обогащения (в результате уменьшения иностранных инвестиций, падения торгового оборота, сокращения внешней помощи) бегство капитала также снизилось до 7,4 млрд. долл. в год.

Чтобы ослабить влияние кризиса, в 2009 г. власти Египта ввели новые меры государственной поддержки сельскохозяйственного экспорта и внутренние цены возобновили рост. Уже в первой половине 2010 г. темпы инфляции составили — 11% в годовом исчислении. При этом цены на основу рациона — овощи — выросли по сравнению с 2009 г. на 45%.

Худшее, однако, было впереди. В конце августа 2010 г. стало известно, что из-за беспрецедентной засухи в РФ в страну не поступят законтрактованные 540 тыс. тонн сравнительно дешевой российской пшеницы. Россия ежегодно удовлетворяла примерно треть потребностей в ней. Правда, ко времени введения эмбарго примерно 180 тыс. тонн уже было отправлено. К голоду в стране российское эмбарго не привело. В АРЕ оставались переходящие запасы в 3 млн. тонн (достаточно, чтобы обеспечивать потребности в течение 4—5 месяцев). По получении информации, выпадающие объемы были оперативно закуплены во Франции и США. Правда, эти закупки обошлись Египту дороже — примерно на 40 долл. за каждую тонну.

К осени 2010 г. резко возросли цены на продовольствие и некоторые потребительские товары, снизился спрос на рабочую силу. 25 октября 2010 г. напротив здания Совета министров в Каире состоялась неожиданно многочисленная демонстрация нескольких молодежных оппозиционных групп и движений. Они вышли не только с экономическими требованиями, но и с политическими. До событий в Тунисе оставалось два месяца...

***В соответствии с принципами
демократического интернационализма***

Конечно, в каждой стране особенности вызревания социального взрыва уникальны. Происходящее всегда определяются комплексом обстоятельств, причин и факторов, их кон-

кретными взаимопозициями и взаимодействием. При полном отсутствии внутренних предпосылок социального взрыва никакой внешний импульс не мог бы вызвать революционный подъем и массовые демонстрации. С другой стороны, без соответствующего внешнего фона, моральной, политической и, что не менее важно, материальной поддержки извне, ни тунисская, ни египетская революции не имели бы жизненной перспективы. Власти этих стран с большими или меньшими затратами могли бы, как это уже не раз имело место в арабской истории, подавить недовольство (в том числе и при помощи вооружений и финансовых средств дружественных им западных держав).

Но на этот раз выступления оппозиционных сил с требованиями демократизации получили внешнюю поддержку. Западные демократии предоставили протестующим необходимые технические возможности для организации и консолидации сил. При этом на арабские правительства постоянно оказывалось давление с целью не допустить принятия решительных мер, которые привели бы к свертыванию протестов и пресечению беспорядков.

Почему же, несмотря на то, что «арабские революции», по утверждению самих западных политиков, застали их врасплох, а под ударом оказались едва ли не самые надежные «умеренные» арабские режимы, находившиеся в авангарде борьбы с исламистами, Запад отвернулся от своих протеже?

Здесь мы подходим к весьма интересному феномену международных отношений, наметившемуся после развала СССР, но в полной мере проявившемуся лишь в XXI в. с феноменом «цветных революций». Если Соединенные Штаты уже достаточно давно проповедуют «экспорт демократии», то в Европе относительно недавно практические очертания приобрела доктрина, которую по известной аналогии можно назвать доктриной «демократического интернационализма». Как показывает опыт последних десятилетий, согласно последней, «страны победившей демократии» считают своим интернациональным долгом помочь отсталым странам и народам шагнуть из эпохи тоталитаризма и авторитаризма в эру демократии. Эта благо-

родная цель на практике реализуется через внешнюю экспансию — территориальную, институциональную, нормативную и, конечно же, идеологическую. Опасность применения данного принципа в том, что в глазах исповедующих его он служит достаточным основанием для игнорирования или «растягивания» под свои нужды норм международного права и оправдывает прямую вооруженную агрессию во имя «демократической целесообразности».

Запад, похоже, попал в ту же идеологическую ловушку, что и некогда СССР. В ряде случаев конфликты и изменение ситуации прямо идут ему во вред, по крайней мере, в кратко- и среднесрочной перспективе (например, появляется опасность активизации террористов и религиозных экстремистов, нелегальной миграции, приближаются очаги военных конфликтов и т.д.). Однако в силу идеологической обреченности он вынужден поддерживать эскапады революционных сил, назвавших себя демократическими. *«Демократический интернационализм» превратился в одну из детерминант современной внешней политики Запада и, как следствие, в ключевой фактор международных отношений XXI века.*

В отношении арабского региона Соединенными Штатами и Евросоюзом реализуется комплекс официальных программ по демократизации и либерализации туземных режимов. Это система взаимоувязанных мер политического, экономического и военно-стратегического давления, которая весьма разнообразна, имеет много уровней, а предпринимаемые действия стратегически скоординированы. В США — на уровне Конгресса и Госдепартамента, в Евросоюзе как на коллективном уровне через так называемые Европейский инструмент соседства и партнерства и Европейский инструмент содействия демократии и правам человека, так и в рамках национальных программ.

Непосредственно в Египте США использовали два типа инструментов: двусторонние соглашения и прямые гранты. Только по линии USAID на цели продвижения демократии в Египте было выделено: в 2006—2008 гг. — 51 млн. долл., в 2009 — 20 млн. долл. На период 2010—2011 планировалось выделение

25 млн., но, если верить сообщениям египетской печати, сумма только на один 2011 г. оказалась большей вдвое. Помимо указанного еще около 3 млн. долл. было выделено в 2009 г. на цели развития гражданского общества и 1 млн. долл. — в помощь неправительственным организациям. Программы осуществлялись в трех основных областях: верховенства закона и прав человека, эффективного управления и гражданского общества. По линии прямых грантов, США напрямую финансировали египетские неправительственные организации и «другие организации гражданского общества». При этом американская сторона считала, что имеет право это делать без согласований с правительственными структурами Египта, а Каир настаивал на обратном.

Помощь в развитии демократии не прекратилась с победой революций. В Египте летом 2011 г. разразился скандал в связи с отказом США предоставить новым властям информацию о том, каким именно организациям Вашингтон предоставляет финансовую и техническую помощь в преддверье назначенных на осень выборов. Вашингтон настаивал на субсидировании египетских организаций гражданского общества напрямую «без разрешения египетского правительства», Каир отвергал эту позицию и требовал, чтобы Вашингтон раскрыл подробности относительно структуры помощи и назвал бенефициаров. В частности, речь шла о 42 млн. долл., выделенных египетским организациям в течение июня 2011 г. Белый дом не пожелал сдать имена, продолжая по своему усмотрению подпитывать американскими деньгами египетское гражданское общество, а египтяне во имя защиты суверенных прав Египта пригрозили «выстрелить себе в ногу» — отказаться от всей суммы американской помощи в 2 млрд. долларов США.

Основное различие между американскими и европейскими мотивами вмешательства в регионе объясняется географической близостью последнего к Европе и удаленностью от США. Опасность непредвиденного развития ситуации в регионе, который является ключевым поставщиком энергоресурсов в ЕС, подогревает желание провести в нем реформы, гарантирующие привязку его к ЕС и пребывание в состоянии ведомо-

го на протяжении обозримого отрезка времени. Недостаток эффективной военной мощи Евросоюз компенсировал сложным переплетением договорных отношений, именуемых отношениями соседства и партнерства. В их числе: Новая интеграционная стратегия ЕС в Южном Средиземноморье (1992 г.), Барселонская Декларация (1995 г.), Стратегии ЕС в районе Средиземноморья (2000 г.), 5-летняя Рабочая программа, принятая на Барселонском саммите 2005 г. (Барселонский процесс), Союз для Средиземноморья (2008 г.) и др.

В этом контексте зачистка политических режимов в южном и восточном Средиземноморье может означать завершение процесса создания «младодемократического» пояса безопасности и экономического благоприятствования по южному периметру Евросоюза. Если это так, то в течение менее чем десяти лет следует ожидать политических инноваций и в зоне стран Восточного партнерства. По успешном завершении этого процесса «крепость Европа» будет с внешней стороны окружена надежным рвом из введомых государств, признающих за Евросоюзом роль «старшего брата» и прилежно реформирующих свои политическое, экономическое и культурное пространство в соответствии с жесткими требованиями Брюсселя, именуемыми «европейскими стандартами». Это в свою очередь гарантирует на десятилетия возможности для ЕС извлекать при прочих равных условиях сверхприбыли в регионе на зависть своим мощным конкурентам — США и Китаю. Худшим сценарием для объединенной Европы может стать формирование устойчивого «полумесяца» управляемой соперниками нестабильности по всей протяженности дуги от Атласских гор до Беловежской пуши.

«Зачистка Средиземноморской поляны», возможно, одна из профилактических мер по снижению вероятности негативного развития событий. Сохранение состарившихся «умеренных» арабских режимов более не способствовало решению проблемы стратегической безопасности на перспективу. Часть из них были более лояльны Вашингтону или Пекину, чем Брюсселю, а некоторые вовсе враждебны. Ротация власти в ближайшие годы все равно была неизбежна, и ее лучше было

бы провести планоно, гарантировав при этом полезные институциональные перемены. Процесс этот еще далек от завершения, но первые шаги уже сделаны, и они обнадеживают.

Для России изменения будут означать вполне определенное, но не слишком обременительное усложнение условий реализации собственной политики и достижения собственных планов (если таковые имеются) в регионе. Москва не захотела или не сумела сколь-нибудь решающим образом обозначить в разворачивающейся ситуации собственные интересы и в который раз предпочла идти в общем русле тенденций, формирующихся без ее активной роли. Платой за это может стать упущение существенных, но некритичных выгод от не очень большого, но вполне осязаемого экономического сотрудничества со странами региона. Куда большими представляются будущие потери в случае, если интегрированное по-новому с Евросоюзом Средиземноморье существенно ухудшит возможности энергетического сотрудничества России с ЕС.

Таким образом, для определенных сил в мире «арабская весна» все же явилась ожидаемым и давно желанным поворотом в регионе. С их точки зрения, Ближний Восток и Северная Африка «отставали» от остального мира в области демократизации, либерализации и переуступки части суверенных функций в области экономики, культуры, правосудия наднациональным демократическим структурам и образованиям. Революционная встряска вывела арабский мир из собственной версии «благополучного застоя». Вне зависимости от того, явилась ли она результатом естественного вызревания внутренних предпосылок или была искусственно стимулирована извне, «арабская весна» стала катализатором внутренней социальной динамики арабских обществ, но одновременно и фактором дестабилизации обстановки в регионе. Вероятность тотального пространственного распространения «арабской весны» в регионе невелика — ведь, если весенние дожди прольются в Саудовской Аравии, мировые цены на нефть взметнутся так высоко, что обрушат и без того больную мировую экономику. Разве это кому-нибудь нужно?

Глава IX

ВИДИМОСТЬ И РЕАЛЬНОСТЬ

Арабский мир с самого начала 2011 г. (а кое-где даже в последние месяцы 2010 г.) пришел в движение. События во всех без исключения странах арабской Африки и Йемене, а также их отголоски в Сирии, Ливане, Иордании и на Бахреине привлекли внимание международной общественности.

Думается, однако, что своеобразный социально-политический подъем на севере Африки и в ряде стран Ближнего Востока нельзя считать ни делом рук исламистов, ни революциями в подлинном смысле этого слова. Революция — это все же победоносный переворот, коренным образом меняющий если не общественный, то уж хотя бы политический строй страны. Однако ни в одной из охваченных волнениями арабских стран ни о смене общественного, ни даже политического строя речь не идет. С большой натяжкой происшедшие там персональные перемены в руководстве можно назвать «полу-революциями», скорее даже «недо-революциями».

Начнем с того, что все эти события носили ярко выраженный политический характер, проходили под светскими лозунгами, причем направленными не столько на социальные, сколько на персональные перемены. Исламисты, если и участвовали в них, то не в качестве вождей или инициаторов, а лишь в роли попутчиков, стремившихся, скорее всего, не слишком «засветиться», чтобы не дать повода для репрессий (в Ливии и Сирии они в конце концов выступили, но об этом — разговор особый).

Надо подчеркнуть, что имеющееся во всех арабских странах исламистское подполье является выражением не религиозного, а прежде всего социального, экономического и политического недовольства, вырядившегося в исламские одежды. Ислам — вообще достаточно политизированная религия, официально выступающая против ростовщического процента и за социальную справедливость, так как, согласно принципу «саа-

дака», богатый мусульманин обязан помогать неимущему еди-
новерцу. Поэтому нередко в наши дни, особенно после кра-
ха СССР и компрометации связанного с ним мирового комму-
нистического движения, ислам становится знаменем грезящих
о равенстве и переустройстве мира революционных бунтарей,
причем — не только на Востоке.

Взлет исламизма по всему Востоку, от Марокко до Фи-
липпин (не исключая Кавказа и Средней Азии) породила ис-
ламская революция 1978—1979 гг. в Иране, влияние которой
объективно усилила война 1979—1989 гг. Советской Армии
против исламистов Афганистана. Следует обратить внимание
на то, что революция в Иране развивалась по схеме, впослед-
ствии реализованной (и реализуемой в наши дни) в самых раз-
ных регионах мира ислама. Везде там происходило одно и то
же: 1) непрерывный, вследствие «демографического взрыва»,
рост неимущих социальных низов города и деревни, состав-
ляющих в большинстве стран ислама до 30—40% активного
населения; 2) маргинализация и обнищание этих слоев вслед-
ствие экономической и технологической отсталости, стихий-
ной свехурбанизации, низкой квалификации, нехватки капи-
талов и рабочих мест; 3) чудовищная коррупция — основная
база перерастания бюрократии стран ислама в бюрократиче-
скую или паразитическую буржуазию, а также — свехобо-
гащения всех причастных к власти; 4) как следствие этого —
перманентная социальная свехнапряженность, обостренная
за последние десятилетия общим повышением грамотности и
относительного уровня социального и гражданского самосоз-
нания, развитием СМИ и Интернета, резко повысивших сте-
пень информированности населения. К этому надо добавить
возросшую роль женщин в арабском обществе, прежде все-
го — в странах Магриба и Египте.

Свою роль сыграли и субъективные факторы. Например,
в Марокко к началу XXI в. безработица достигла 20% насе-
ления, но социальное недовольство не перехлестывало че-
рез край. Причины — высокий авторитет правящей династии
Алауитов, возводящей свой род к пророку Мухаммеду, и сосре-
доточившей в своих руках и светскую, и религиозную власть,

соперничество арабской и берберской фракций местной элиты, сплочение большинства жителей в борьбе за Западную Сахару и за возвращение Сеуты и Мелильи.

В Тунисе положение было лучше («всего» 17% безработных), но президент Бен Али, правивший страной с 1987 г., не обладал харизмой короля Марокко или своего популярного предшественника Хабиба Бургибы, которого он сверг. После этого Тунис превратился в полицейское государство, где ни партии, ни пресса, ни духовенство, при Бургибе все-таки игравшие какую-то роль, утратили всякое значение. Бен Али подавил исламистов, но это, ввиду жесткости его диктатуры, опиравшейся на спецслужбы, лишь сыграло исламистам на руку. В стране с самым высоким среди арабов уровнем образования, с очень высокой долей учившейся во Франции интеллигенции и там же воспитанных профсоюзных и научно-технических кадров, с обилием выпускников вузов, не имевших работы, годами копилось недовольство, не находившее выхода ни в СМИ, контролировавшихся властями, ни в иной публичной сфере. Но через Интернет, СМИ Франции и Италии тунисцы все знали и о фальсификациях выборов (в том числе пять раз «избиравшегося» Бен Али), и о махинациях окружения Бен Али, особенно клана его второй жены, и о коррупции в госаппарате и правящей партии. Поэтому внешне незаметно зревшее недовольство так ярко вспыхнуло после акта самосожжения молодого тунисца, протестовавшего против безработицы и произвола полиции. В результате пятидневных стычек народа с властями все было кончено: режим пал, Бен Али эмигрировал в Саудовскую Аравию, правящая партия распущена. Что будет дальше, сказать трудно, ибо силы оппозиции слабы и разрозненны. Позиция армии пока не ясна. Не исключен, если не приход к власти, то, по крайней мере, выход на политическую авансцену исламистов, лидер которых, Рашид Ганнуши, вернулся из Лондона. По сути дела, он сейчас — единственный в стране политик «с именем». Косвенно на начавшееся в стране «сведение счетов» указывают 24 тысячи беженцев из Туниса, перебравшихся в Италию. Короче, положение в стране весьма нестабильно.

Иначе развивались события в Египте, где уровень жизни и образованности народа был намного ниже, чем в Тунисе, где «гамаат исламийя» (исламские ассоциации) объединяли миллионы молодых людей, а десятки тысяч из них входили в откровенно террористические группы экстремистов. Президент Хосни Мубарак, сменивший в 1981 г. убитого ими Садата, вел с исламистами ожесточенную и в целом успешную борьбу. Однако масштабы недовольства соответствовали масштабам страны с 85 млн. населения и справиться с ним было трудно, тем более, что социальная поляризация и социальные противоречия в обществе росли очень быстро. На общественное мнение воздействовали неурегулированность ближневосточного конфликта, принимаемого близко к сердцу многими египтянами, и сверхобогащение «жирных котов» — буржуазно-бюрократической верхушки. Примером такого обогащения был сам Мубарак, обладатель то ли 40 млрд. долларов, то ли всего одного млрд. долларов, нажитых в основном от «процентов» с военных контрактов. Известно, что это — весьма распространенная форма наживы арабских военных: в Алжире уже в 70—80-е годы многих высших офицеров называли «месье диз» (за получение ими 10% с каждого контракта государства с той или иной фирмой).

В этих условиях странно не то, что Мубарак в конце концов потерпел крах, а то, что он продержался у власти 30 лет. Тем не менее, он был вынужден уйти, при том, что его взвешенная и компромиссная политика по большому счету устраивала многих, в том числе за рубежом (включая Израиль и США). Однако напор недовольных масс снизу был достаточно силен. Мубарака поэтому сменил Высший военный совет во главе с фельдмаршалом Мухаммедом Хусейном ат-Тантави, символизирующий власть армии, которая с самого начала волнений придерживалась нейтралитета. Но в таком случае встает вопрос: а можно ли называть то, что произошло в Тунисе (где армия также заняла позицию «невмешательства») и Египте революцией? На всем Ближнем и Среднем Востоке армия занимает ключевые позиции в режимах. В Египте она у власти почти шесть десятилетий. «Поэтому сейчас мы имеем дело всего

лишь с изменениями властных полномочий в рамках существующего режима».

Информация, поступившая впоследствии из Туниса, Каира и прочих арабских столиц, лишь подтвердила данную оценку. Но тогда невольно напрашивался следующий вопрос: а почему это так? Ведь для массовых народных волнений в арабском мире, как мы уже отмечали, действительно были серьезные основания. И движения протеста в этих странах были вполне закономерны и неизбежны, особенно сейчас, когда до 40—50% их населения составляет молодежь 15—30 лет, в большинстве своем имеющая начальное и среднее образование, недовольная не только массовой безработицей, но и невозможностью реализовать свои завышенные ожидания, порожденные знакомством с жизнью Запада как через Интернет и социальные сети «Фейсбук» и «Твиттер», так и через личные контакты: только в Европе постоянно находятся (работают, учатся, занимаются бизнесом), например, до миллиона тунисцев, а Тунис ежегодно посещают несколько миллионов западных туристов.

Но молодежь, эта ставшая «преобладающей в обществе наиболее пассионарная, нетерпеливая и решительная часть населения», созрела для выражения своего протеста в социальном, эмоциональном и психологическом плане, но не была к этому готова политически. Светская оппозиция была слаба и разьединена, а часть ее даже признавала необходимость единения с наиболее жестко преследуемыми исламистами, как с единственной силой, способной «мобилизовать народ». Возникавшая таким образом перспектива массового восстания под руководством исламистов серьезно обеспокоила правящие круги Запада, в целом поддерживавшие правящие режимы в Тунисе и Египте, но, в то же время, хорошо информированные о настроениях египтян и тунисцев, как и о постепенном размывании социальной базы этих режимов. Ставка на них становилась все менее надежной. К тому же росло влияние исламистов во всех арабских странах, особенно в последние годы, ширились масштабы их взаимодействия. Это касается прежде всего Алжира.

Вместе с тем, в Египте и Тунисе исламисты не так «на виду», как в Алжире, что и заставляет опасаться их гораздо больше в связи с непредсказуемостью и скрытностью действий их подполья. О нем мало что известно, но в существовании и весомости его мало кто сомневается. Это — проблематика одного из основных за последние 30—40 лет конфликтов, где Восток противопоставил Западу в качестве основного аргумента исламизм, или политический ислам.

В мире нет единого мнения по поводу взаимоотношений глобализации и политического ислама. Часть исследователей, трактуя глобализацию как нормальный процесс усвоения Востоком технических достижений Запада, делает упор на адаптацию исламистов к этому процессу и использование его ими в своих интересах. Другие считают, что на самом деле исламисты ведут против Запада непримиримую войну, отвергая какую-либо «вестернизацию». На деле имеет место и то, и другое. Глобализация отвоевывает у исламизма на Востоке лишь некоторые позиции в сфере экономики и новейших технологий (в том числе военных), но встречает ожесточенное сопротивление в сфере политики, идеологии и духовной жизни. Воспринимая ее как продолжение тысячелетней экспансии Запада, посягающего на их самобытность и религию, мусульмане поддерживают в большинстве своем исламистов, как защитников своей веры, образа жизни, нравов, обычаев и мировоззрения. Этому способствует традиция противоборства ислама и христианства в эпохи арабских завоеваний, крестовых походов, корсарства и колониализма. К тому же, сегодня глобализация в глазах мусульман — главная причина экономических и социальных трудностей, особенно обнищания огромных масс городских и сельских маргиналов, доля которых во многих странах Востока, прежде всего мусульманских, превышает 40%. А они — основная социальная опора политического (от Сенегала до Филиппин) ислама, обещающего решить все проблемы созданием «подлинно» исламского государства с Кораном в качестве конституции. Это движение усиливается также за счет многомиллионных мусульманских диаспор на Западе, являющихся для исламистов источником финансовых средств, а также политического, социального, организационного и тех-

нического опыта. Важен также фактор присоединения к исламистам (не по религиозным, а по политическим соображениям) части интеллектуальной элиты мусульманского мира, в том числе воспитанной в университетах Запада.

Сейчас можно сказать, что глобализация в привычном для нас смысле — как «вестернизация», сталкивается на Востоке с относительно скрытой, но не менее реальной «глобализацией исламизма». Между ними — война. На стороне первой — экономическая и финансовая мощь, военно-силовое превосходство (пока) и т.п. Но на стороне второй — умелое наращивание тех же самых преимуществ и, сверх того, все более эффективное использование объективных слабостей Запада, который может привлечь к себе главным образом сытых и благополучных людей Востока. Но там гораздо больше неблагополучных, нуждающихся в социальной справедливости и готовых сражаться за нее. Получив поддержку значительной части имущих слоев, исламисты имеют шансы на успех, если военная борьба с ними не будет сопровождаться радикальными переменами в экономике, культуре, социальном и политическом развитии мира ислама.

Однако, судя по всему, особенно по событиям последнего времени, Запад, хоть и пытается как-то содействовать социально-технологическому и хозяйственному обновлению Востока, но все же предпочитает действовать традиционными силовыми методами. Причина — в стремлении сохранить сложившуюся за века модель неравноправных отношений с Востоком, закрепить финансовый, военный, научно-технологический и прочий контроль над ним. Тем более, что социально-экономическая обстановка на Востоке меняется медленно, сопровождается кризисными явлениями, часто — хаосом, «ломкой прежних социальных устоев... столкновением традиционного или неотрадиционного мышления и поведения с новыми ценностями, которые приходят в основном с Запада». За всеми этими переменами, тем более — за сопровождающими их сдвигами в социальной психологии и настроениях масс, не успевают ни восточные политики, ни западные аналитики. Отсюда — непродуманность, неосновательность, запоздалость

(а иногда, наоборот, торопливость) действий и выводов и тех, и других.

В Египте и Тунисе, где многое решила позиция армии, сориентированной на помощь и технологию Запада, а также — прозападных кругов интеллигенции и студенчества, эта неосновательность проявилась минимально, главным образом — в уже упоминавшейся незавершенности произошедших «полуреволюций». В еще большей степени Запад демонстрирует эту неосновательность в Ливии и Сирии.

Здесь надо еще раз оговориться: в Ливии и Сирии, как и в прочих арабских странах, были и есть поводы для социального недовольства и политического протеста. Однако это недовольство и протест приняли странные формы, порожденные, как и в Египте и Тунисе, активным вмешательством извне. Только в Египте и Тунисе оно было, если можно так выразиться, более компетентным и основанным, очевидно, на хорошей информированности спецслужб Запада. Чего, судя по всему, не было ни в Ливии, ни в Сирии. Но США и их союзники явно опасались, с одной стороны, народных восстаний под предводительством и контролем исламистов, с другой — ослабления своих позиций в регионе вследствие усиления конкурентов. Известны постоянные опасения США и Израиля в отношении Ирана, имеющего множество сторонников среди шиитов Ирака, Бахрейна, Ливана, поддерживающего движение ХАМАС среди палестинцев и являющегося союзником Сирии. Не меньше забот доставляет Западу Китай. И не случайно, что Запад особенно вспылал гневом против Каддафи, когда он заявил в марте 2011 г., что готов изгнать всех западных инвесторов и заключать контракты лишь с фирмами Индии, Китая и России.

Очевидно, вся сумма вышеперечисленных обстоятельств, а также — негативное отношение к антимонархисту Каддафи нефтедобывающих монархий Персидского залива (объективно — конкурентов Ливии) и некоторых лидеров Европейского Союза, как и давняя вражда США к Сирии, уже более 40 лет упорно отвергающей «рекомендации» Вашингтона, побудили Запад поторопиться с открытой поддержкой антиправительственных выступлений в Ливии и Сирии.

Глава X

УПРАВЛЕНИЕ ПРОТЕСТНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ

В арабском мире бушуют протестные движения. Массы негодуют. Лавируют политики. Надрываются СМИ. Дрожат правящие режимы. Проводятся тайные операции. Заседают комитеты. Вводятся санкции. Замораживаются счета. Бряцают оружием военные. Льется кровь. Демократия побеждает. Протесты продолжаются.

Следует признать, что при всем обилии информационного материала, повествующего о событиях в арабском мире, основная масса людей, даже внимательно следящих за происходящим в регионе, постоянно пребывает в информационном тумане. Поступающая информация противоречива, нередко недостоверна и тенденциозна или, по крайней мере, односторонняя. Особую проблему представляет клиповый характер вбрасываемых неведь откуда сообщений, телефонных видеозаписей и целенаправленной дезинформации. Мелькающие лица, кричащие на неизвестном языке люди, распростертые тела, якобы снятые очевидцами на мобильник в эпицентре событий, сопровождаются дикторским текстом нужной направленности. Часть поступающей информации при внешней простоте и незамысловатости мифологична, сигнальна и суггестивна. Она явно рассчитана на определенный настрой и состояние объекта обработки. Ее цель — укрепить последний в этом настрое, а возможно и побудить к определенным действиям.

Цель информационной обработки — заместить возможность самостоятельного анализа процессов индивидуумом и заставить воспринимать подаваемый материал «как нужно» и «как все», включив его, таким образом, в активный или пассивный резерв протестной массы, тем самым открыв еще большие возможности для дальнейшей управляемости.

Еще в XIX в. создатель науки социальной психологии и исследователь арабской цивилизации Гюстав Лебон писал, что в толпе «человек опускается на несколько ступеней по лестни-

це цивилизации». Он становится доступен для элементарных манипулятивных воздействий.

В этом смысле показательна известная история о внезапном начале «арабской весны» в результате самоподжога молодого тунисца. Внимание слушателя концентрируется на мучительной смерти жертвы, безразличии властей и неотвратимости справедливого возмездия масс. Между тем, в канонической версии этой истории есть ряд нюансов, заставляющих задуматься о ее истинной изначальной значимости и заточенности под определенные манипулятивные цели. В ней четко просматриваются признаки триггера для запуска обоих базовых механизмов к образованию «управляемой толпы» — слухов и эмоционального кружения (циркулярной реакции). Ее задача — передача эмоционального состояния на психофизическом уровне. Цель — снижение роли личностного опыта, индивидуальной и ролевой идентификации, здравого смысла и вовлечение субъекта в поведенческую модель по типу «как все». Обращает на себя внимание то, что «не вписывающиеся» в поставленные задачи «углы» реальной истории тунисского самоподжога умело спилены, а механизм действия запущен по кругу довольно большого географического ареала, где, выполнив свою функцию искры, из которой возгорается пламя, сходит на нет.

Начнем с того, что поступок мелкого тунисского предпринимателя Мухаммада Буазизи правильнее именовать не самоожжением, а самоподжогом. Хотел ли или не хотел того тунисский торговец из городка Сиди-Бузид, но облил он себя горючей жидкостью так, что врачи довольно долго считали, что его удастся спасти. Скончался он только через три недели, и конкретные обстоятельства собственно смерти не стали предметом публичного расследования. Вопреки мифологизированной канонической версии, его смерть стала не первой, а уже четвертой за время полыхавших уже почти три недели антиправительственных беспорядков в Тунисе. Согласно доступным данным, до нее, 24 декабря 2010 г., в городе Бузайане полицейские, стрелявшие в протестующих «в целях самозащиты», убили двух студентов, а еще раньше, 21 декабря погиб

безработный выпускник вуза, «от безысходности» схватившийся за оголенный электропровод.

Что касается Мухаммада Буазизи. Согласно авторитетному информагентству *Reuter* и американскому журналу *Time*, 26-летний тунисец был единственным кормильцем в семье из восьми человек. В течение семи лет он вел полулегальную (нелицензированную) торговлю овощами и фруктами в родном городе, что в 300 км к югу от тунисской столицы. 17 декабря 2010 г. женщина-полицейский объявила, что за нелицензированную торговлю пищевыми продуктами его тележка и товар подлежат конфискации (по другой версии — конфисковали только электронные весы торговца). Поскольку подобное с Буазизи уже случалось, он решил откупиться, заплатив под видом «штрафа» взятку в 10 динар (тогда — чуть больше 7 долларов, что, как говорят, было примерно равно его дневному заработку).

Но на этот раз вместо того, чтобы с благодарностью принять «штраф», как делали уже много раз до этого ее коллеги мужчины, и снять арест с тележки, полицейская дала ему пощечину, плюнула в лицо и «оскорбила память его покойного отца». Униженный оскорблением, полученным от руки женщины, Буазизи попытался пожаловаться властям, но не был принят муниципальными чиновниками. Через час он снова вернулся к зданию муниципалитета, облил себя легковоспламеняющейся жидкостью и поджег. Пламя удалось погасить, но через 20 дней он умер в местном госпитале.

Этот жест отчаяния был, скорее, сугубо личностной реакцией оскорбленного приверженца традиционных ценностей, не вынесшего позора, чем политическим протестом. Вопреки распространенному в нашей печати утверждению (используемому, что немаловажно, для определенных научных и политических обобщений и выводов), Буазизи не был безработным выпускником университета, а имел лишь среднее образование. Путаница возникла, видимо, из-за термина *«le bac»* — разговорное сокращение от французского *«le baccalauréat»*. Оно не эквивалентно нашему «бакалавру», означающему после окончания России к Болонскому процессу первую ступень высшего образования. Французы сохранили систему образовательных и ученых степеней, введенную Наполеоном, согласно

которой *бакалавр* — выпускник лицея (т.е. человек, имеющий диплом о законченном среднем образовании).

Весть о самосожжении Буазизи вызвала на следующий день волнения в Сиди-Бузиде, которые, впрочем, тогда остались незамеченными. Только после появления в социальных медиа, таких, как *Facebook* и *YouTube*, кем-то отснятого видео о самоподжоге (на размытых кадрах «телефонного» качества видно пламя, охватившее чью-то одежду на спине), имя Буазизи превратилось в факел революции. Чтобы приглушить протесты, тогдашний президент страны Бен Али посетил Буазизи в больнице 28 декабря 2010 г., потребовав выходить его любой ценой, и получил заверения в том, что, «ин ша Алла», больной сможет выжить. Однако 4 января было объявлено, что он скончался.

Эффект и политические последствия отчаянного шага Буазизи сделали публичное самосожжение в глазах лидеров и организаторов протестного движения привлекательным инструментом мобилизации масс на антиправительственные выступления. Несмотря на богомерзость в глазах мусульман идеи самоубийства и мучительность самого его способа, по арабскому миру синхронно прокатывается волна попыток самосожжения (чаще всего неудачных). 12, 14, 15 и 16 января это происходит в 4 разных городах Алжира. 17 января самосожжения синхронно проходят в Сиди-Али Бенйуб (Алжир), Нуакшоте (Мавритания), Каире (Египет), 18 января в Каире и Александрии, в 20-х числах января в городе Саммита (Саудовская Аравия). Кроме того, имеются сообщения (без указания даты и места) о трех случаях в Марокко.

В дальнейшем самосожжения становятся довольно распространенным явлением, однако теперь смерть шахидов зажигает толпу лишь ненадолго и нигде не приводит к существенным волнениям или последствиям, сравнимым с тунисскими. После падения президента Египта Х. Мубарака сообщения о самосожжениях исчезают из СМИ.

Не будем излишне концентрироваться на подробностях этой истории, будь то в канонической или исторической версии. Важнее то, что она стала частью мифологизированного сознания, и именно с ней увязывают начало арабских револю-

ций. Между тем, как мы попытаемся доказать ниже, она уводит нас от настоящих истоков катаклизма.

Многие специалисты сомневаются, что очень трагичное, но локальное по своей значимости событие само собой привело к падению достаточно успешного в экономическом, политическом и социальном (прежде всего в аспектах охраны здоровья населения и образования) плане режима, к тому же, имевшего столь тесные и многоплановые связи и взаимопонимание с ведущими демократиями мира.

Еще большее удивление вызывает эффективность воздействия примера Туниса на весь остальной арабский мир. Ведь до этого страна никогда не была в нем примером для подражания. Более того, Тунис традиционно стоял особняком — выделяясь большей секулярностью, более свободным и самостоятельным положением женщин в обществе, относительной свободой перемещения в ЕС и обратно, более высоким уровнем инноваций в промышленности и большей долей интеграции своего производственного сектора с европейским, открытостью для западных культурных (и «некультурных») веяний, ежегодным пребыванием миллионов европейских туристов, не ограничиваемых в общении с местным населением, привычном для гостей дресскоде или стереотипах поведения.

Будучи в этом смысле «нетипичной» арабской страной, да к тому же лишенной роли влиятельного исторического центра арабского мира, Тунис по всем статьям не должен был стать «заводилой» арабской смуты и примером для подражания более влиятельных и уверенных в своем культурно-историческом лидерстве арабских народов. А вот Египет по всем параметрам на эту роль подходил.

Необъяснимое противоречие, однако, можно преодолеть, абстрагировавшись от второго мифа об арабских восстаниях — о месте и времени их начала. Первые грозы «арабской весны» на самом деле прогремели не декабрьским днем в Тунисе, а еще осенью 2010 г. в Египте, но о них почему-то предпочитают не упоминать.

25 октября 2010 г. перед зданием Совета министров в Каире прошла неожиданно многочисленная демонстрация (некоторые называют ее народным выступлением) в защиту соци-

альных гарантий населения и против роста цен на продовольствие. Демонстрация стала пробой сил оппозиции и движений по защите гражданского общества в преддверии запланированных на ноябрь (второй тур — декабрь) выборов в Народное собрание. В ноябре состоялись как минимум 3 массовых (на деле больше) выступления, в основном с требованием допустить к участию кандидатов от «Братьев-мусульман» и против ожидавшейся фальсификации итогов выборов.

После двух туров голосования (28 ноября и 5 декабря 2010 г.) о выступлениях несогласных с их итогами сообщалось чуть ли не каждый день. Они достаточно широко освещались в мировых СМИ, особенно арабоязычными спутниковыми телеканалами, включая катарский «аль-Джазира», дубайский «аль-Арабийя», американский «аль-Хурра», лондонские «аль-Хивар», «аль-Мустакилля», «Ахмадийя» и «Ахлюльбейт», поддерживаемыми арабскими службами глобальных вещателей: *BBC*, *Euronews* и др.

Таким образом, как нам кажется, отнюдь не тунисские события стали первой неустойчивой костяшкой, вызвавшей «эффект домино» в арабском мире. Реальной силой и вождельным призом был Египет. То, что произошло в «стране пирамид», было цветной революцией. По своей значимости и эффекту для арабского мира ее победа в Египте была равнозначна августовской революции 1991 г. (победа над «путчистами») в СССР. Падение самого сильного, самого влиятельного и, как казалось, незыблемого арабского режима сразу подорвало позиции всех менее весомых и влиятельных властей в арабском мире. Ради подобного глобального «демократизирующего» эффекта можно было пожертвовать и таким верным союзником как Х. Мубарак. Тем более что он стал стар и был тяжело болен, а «ротация» в плановом, управляемом, но внешне стихийном порядке намного предпочтительней, чем доверяться самотеку внутренних интриг и амбиций возможных преемников «Фараона».

Цветная революция в Египте готовилась долго и тщательно, поскольку допустить ее неудачу в столь важной стране ни в коем случае было нельзя. Схема развития народного протеста

развивалась до отвращения неоригинально — строго согласно пошаговому сценарию цветных революций:

1) В преддверии очередных выборов проводятся манифестации против предстоящей неизбежной подтасовки властями результатов; манифестации получают широкую пропагандистскую поддержку международных СМИ, которой правительство не в силах ничего противопоставить;

2) Оппозиционные силы: а) предпринимают усилия, чтобы определенное число их кандидатов не было допущено к участию; б) частично бойкотируют выборы; в) участвуют в предвыборной кампании, постоянно делая заявления о нарушении своих прав; г) добиваются принятия участия в выборах поддерживающих их международных наблюдателей;

3) По окончании выборов неблагоприятный результат оппозицией не принимается. Делаются заявления о нарушениях и подтасовке результатов. Организуются массовые выступления, сопровождающиеся мощной информационной поддержкой из-за рубежа, сковывающей действия властей.

4) При мощной внешней поддержке обреченный политический режим вынужден переуступить власть.

Упорство и политический опыт египетских властей заставили внести в типовую схему по ходу некоторые импровизационные изменения, но в целом нужный результат был достигнут.

Как и планировалось, два тура парламентских выборов в Египте прошли в назначенные сроки, и по мажоритарной избирательной системе было избрано 508 депутатов Народного собрания от 254 округов. Половина мест в соответствии с Конституцией зарезервирована для рабочих и крестьян. Кроме того, 64 места зарезервировано для женщин. 10 депутатов имеет право назначить президент.

По результатам выборов все партии, ранее представленные в парламенте, увеличили число своих депутатов. Партия «Гад» («Завтра») осталась представленной одним депутатом. Рост представительства системной оппозиции произошел за счет сокращения числа мест «Братьев-мусульман», получивших на выборах 2005 года 88 мест в Народном собрании (вто-

рая по значимости фракция) как «независимые». В новый парламент от них прошел только один депутат.

Официальные власти не сочли уместным присутствие на национальных выборах иностранцев в качестве наблюдателей. Местные правозащитники, которые все же получили право вести наблюдение за процессом выборов, заранее объявили, что те не будут честными и справедливыми и их результаты приняты не будут.

Анализ выступлений западных политиков и установочных публикаций теоретиков демократической экспансии в арабский мир показывает, что еще осенью 2010 г. они были не удовлетворены эффектом от своих многолетних усилий. В этом смысле характерны оценки Э. Кинле, одного из авторитетных сотрудников влиятельного «мозгового центра» Евросоюза — парижского *CNRS*.

В последнем до начала египетской революции номере солидного каирского журнала «Международная политика» Э. Кинле публикует статью, посвященную назревшей политической реформе в странах южного Средиземноморья. Статья начинается словами: «Вопреки ожиданиям, по крайней мере, некоторых из своих архитекторов, посредством Евро-Средиземноморского партнерства не удалось внести вклад в политическую либерализацию, не говоря уже о демократизации, государств Южного Средиземноморья. Весь набор использовавшихся средств — от политического диалога и специальных программ продвижения демократии до поддержки гражданского общества и частного сектора, все определенные Европейским Союзом пути к переменам каждый раз заканчивались тупиком. Построенная на тех же подходах новая европейская политика соседства способна лишь несколько улучшить методы управления в пределах, дозволенных авторитарными властями, но она вряд ли продвинет дело серьезных политических реформ». Дальше делался вывод о необходимости поддержки импульсов, исходящих изнутри, и обновлении арсенала средств продвижения демократии.

Сегодня эти слова выглядят весьма красноречиво. Примечательно, что статья опубликована не в подпольной типографии на папиросной бумаге и не ввозилась в страну из-за рубе-

жа между двойными стельками национальной зимней обуви. Цитируемый журнал — одно из авторитетных научно-политических изданий в Египте и входит едва ли не в самую влиятельную в арабоязычном ареале государственную издательскую группу «Аль-Ахрам».

Появление статьи могло означать одно — прежнее руководство страны во главе с Х. Мубараком уже на протяжении многих лет медленно, но последовательно проводившее политику политической либерализации в стране, идентифицировало себя с той самой внутренней движущей силой прогрессивных перемен и, по-видимому, воспринимало подобные публикации влиятельных европейских аналитиков и исследователей как поддержку собственного курса, в том числе и в отношении политической реформы в преддверье парламентских выборов.

Надо сказать, что 2010 г. — год выборов в Народное собрание (и, по умолчанию, подходивший под описанную выше типовую схему «цветных революций») складывался для египетских властей весьма неудачно. Отложенные последствия мирового кризиса начали проявляться в экономике страны в самом неблагоприятном аспекте. Изначально они мало отразились на темпах роста ВВП, зато ударили по занятости (особенно в туристическом секторе) и разогнали инфляцию (цены на овощи и бобовые — основу рациона простого египтянина — выросли за первые полгода на 45%).

Туристический сектор пострадал дважды — от снижения числа начавших экономить на втором годовом отпуске европейцев и от негативного влияния сенсационных сообщений о гибели туристов в результате нападений акул-людоедов, приплывших к берегам египетских курортов аккурат в разгар зимнего сезона.

В конце августа 2010 г. египтянам стало известно, что из-за беспрецедентной засухи в России в страну не поступят контрактованные 540 тыс. т сравнительно дешевой российской пшеницы. Россия ежегодно удовлетворяла примерно треть потребностей египтян в этом важнейшем виде зерновых. К голоду в Египте российское эмбарго не привело. Правительство закупило выпадающие объемы во Франции и США, к тому же в стране еще оставались переходящие запасы в 3 млн. т (доста-

точно, чтобы обеспечивать потребности в течение 4—5 месяцев). Но нагнетание истерии в СМИ взвинтило и без того растущие цены на хлеб. В результате к январю 2011 г. магазины, в которых небогатые египтяне покупали основные продукты питания по дотируемым государством ценам, стали напоминать советские прилавки времен угара горбачевской перестройки.

Недовольство широких слоев населения росло и проявлялось в групповых акциях. С октября по декабрь 2010 г. выступления недовольных проходили почти еженедельно в разных городах. Оппозиция пыталась перевести их в плоскость недовольства подтасовкой результатов парламентских выборов, но это у нее не получилось. Кое-где произошли стычки между мусульманами и коптами. Но везде, даже в случае межконфессиональных столкновений, как правило, в основе оказывается недовольство материальным положением, прежде всего ростом цен, а не удушением свобод. Выступления спонтанны, разрозненны, а количество участников невелико. Разобщенная и маловлиятельная в глубинах общества оппозиция не в силах (по украинскому «оранжевому» сценарию) вывести массы против правительства. Активность же пользующихся влиянием «Братьев-мусульман» находится под жестким контролем спецслужб правительства, да и авторам типовых проектов такой оборот цветной революции не нужен.

Вот тогда-то, в декабре 2010 г., совершенно неожиданно и приключилась трагическая история в городке Сиди-Бузид, вылившаяся в «жасминовую» революцию в Тунисе, и не в простую, а в такую, в ходе которой впервые новые организационные и управленческие технологии были отработаны до такой степени, что привели к падению достаточно современного, «продвинутого» и либерального (по меркам арабского региона) режима.

В чем же заключается новизна технологий и почему так затрепетали пред ней тираны мира? Хотя в ходе тунисских и египетских (а до этого иранских, молдавских и белорусских) событий было отработано множество конкретных приемов, самые главные инновации касались:

1) Сетевых методов управления внутренним конфликтом низкой интенсивности;

- 2) «Безлидерного» организованного руководства протестами;
- 3) Отработки информационно-психологических методов создания и донесения для объекта обработки виртуальной картины происходящего, которая при желании может быть прямо противоположной реальной.

Эти методы начали отрабатывать еще в ходе первой иракской и балканских войн; а к моменту грузинской агрессии в Южной Осетии в августе 2008 г. виртуозность их использования достигла высочайшего уровня. Особенностью и качественно новым уровнем в использовании этих методик в ходе арабских революций стало их применение не только для «внешнего потребления» (создания нужного восприятия происходящего международным сообществом), но и для информационной обработки сознания «внутреннего потребителя» (то есть граждан самой страны конфликта) до такой степени, что он начинает верить вкладываемой в него виртуальной картинке больше, чем тому, что он видит вокруг себя.

О роли сетевых технологий в арабских революциях написано уже довольно много, и мы не видим смысла воспроизводить уже известные факты. Ограничимся указанием на то, что успех их применения именно в ходе «арабской весны» превратил их едва ли не в главный инструмент антиправительственной мобилизации масс во всем мире. При этом речь идет не только об их использовании в целях продвижения демократии, но и для организации антиобщественных действий — беспорядков и погромов, как это было в Великобритании в августе 2011 г. По ходу заметим также, что реакция властей этой страны на несанкционированный «перехват» смутьянами технических и организационных методов борьбы за демократию в Азии и Африке была очень жесткой. За попытку «организовать и оркестрировать» через все тот же *Facebook* беспорядки (несостоявшиеся в реальности) 20-летний Джордан Блэкшоу и 22-летний Перри Сатклифф-Кинан получили по четыре года реального тюремного срока. Самому молодому осужденному британскими властями всего 11 лет. Он получил полтора года за то, что стащил из помещения уже разграбленного кем-то магазина корзину для мусора стоимостью в 50 фунтов. Всего было арестовано за массовые беспорядки около 3 тыс. чело-

век. Рассматривается вопрос о применении мер коллективного наказания по принципу «отец за сына отвечает» — предлагается выселять семьи участников беспорядков из социального жилья и лишать других мер соцподдержки, даже если часть членов семьи в беспорядках и не участвовала.

Остановимся, однако, на паре узловых моментах, протекающих из роста значения сетевых технологий. Говоря о сетевых технологиях манипуляции общественными процессами, нельзя сводить вопрос лишь к их «интернетной» ипостаси. Столь же важна и управленческая организационная функция. Особенностью сети является горизонтальная структура, т.е. коммуникация осуществляется не по вертикали, а по горизонтали — не ведущего и ведомого, а (внешне) равноправных участников при их прямых контактах друг с другом. При этом важны три основных элемента, которые, как считается, должны присутствовать в сетевом социальном движении: а) общее коммуникативное пространство; б) объединяющая идея или смысловой концепт и в) связанность и (формальное) равенство участников

В этой связи важной чертой арабских революций (которая, впрочем, начала проследиваться еще в полуудачных попытках «цветных» революционных экспериментов в Киргизии и Молдавии) было отсутствие ярко выраженного лидера. В этом смысле управляемые революции вошли в противоречие с привычными представлениями о вождях революции. Они — прямая противоположность ленинскому учению об авангардной партии. Поскольку победа и просто успешное ведение дел любым движением, не имеющим четко выраженного руководства, представляется маловероятными, отсутствие лидеров революции во всех без исключения арабских странах косвенно свидетельствует о том, что нити реального управления скрыты и, возможно, находятся за пределами национальных территорий.

Как правило, в кадровом резерве у манипуляторов имеется целый набор политических джокеров — потенциальных лидеров оппозиции. Они соперничают друг с другом за симпатии сюзерена, но легко взаимозаменяемы и, наоборот, послушны, поскольку реальным авторитетом у населения не пользуются и полностью зависят от внешних спонсоров.

Заметим, что такая форма организации оппозиции власти задействована повсеместно от Белоруссии и России до Бирмы и Китая. Подобное отсутствие выраженных лидеров довольно удобно при дистанционном манипулировании процессами. Негативная, разрушающая сила соединена сетевыми методами и ими же управляется. При этом ни начала, ни конца каждой линии сопротивления властям не видно. Правительство не в состоянии эффективно бороться с сетевой оппозицией, поскольку перед ним нет конкретного противника. Оно оказывается вынужденным либо «палить в белый свет, как в копеечку», в надежде случайно накрыть противника, либо прибегать к широким репрессиям, которые внешние манипуляторы тут же провозглашают войной против народа, требующей жесткой ответной реакции и санкций мирового сообщества и всего прогрессивного человечества.

Основным «маневром» сетевой войны является распределенная атака. Конечный объект атаки прямо или опосредованно подвергается множеству различных воздействий. В итоге, объект попадает под пристальное внимание сообщества, населения либо мировой общественности. Все зависит от поставленной задачи и выделенных на атаку средств. На Ближнем Востоке и в Северной Африке объектом такой многосторонней атаки как изнутри страны (оппозиция), так из-за ее пределов (эмигранты, иностранные правительственные структуры, неправительственные организации (НПО), СМИ, остальное «прогрессивное человечество») стали правительства отдельных, не самых политически отсталых государств, впервые почувствовавшие себя в непривычной роли «преследуемого» и загоняемого в угол.

Надо признать, что, в отличие от «продвинутых» и, по меркам региона, «вестернизированных» Туниса и Египта, сетевые методы в их электронной ипостаси в других странах Ближнего Востока оказались не столь эффективны. В Йемене причиной тому, возможно, была поголовная бедность населения и невысокое проникновение электронных коммуникаций, в Ливии и Сирии — нежелание властей играть по правилам западных демократий и упорная готовность разбираться силовыми методами с огромными массами противников.

Использование сетевых технологий манипуляции общественными движениями в стране предполагает довольно длительный период подготовительной работы, создание сети первичных ячеек недовольства, что удобнее всего сделать через организации гражданского общества, формально не зависящие от властей, но при этом постоянно ищущие спонсорские средства для поддержания своего существования и сытого быта своих функционеров. Естественными партнерами таких организаций становятся богатые зарубежные фонды и грантодатели. К сожалению, они всегда требуют отработки выделенных средств.

Таблица. Цели и объемы грантов, предоставленные египетским НПО по линии Национального фонда демократии (НФД) США в 2009 г.

Название НПО (по данным НФД)	Сумма	☞	🏠	📶	👥
American Center for International Labor Solidarity	\$318 757		+	+	
Andalus Institute for Tolerance and Anti-Violence Studies (AITAS)	\$48 900			+	+
Arab Foundation for Supporting Civil Society (AFSCS)	\$25 000	+	+		
Arab Society for Human Rights (ASHR)	\$22 600	+	+		
Association for Women's Total Advancement and Development (AWTAD)	\$20 000		+	+	+
Association of the Egyptian Female Lawyers (AEFL)	\$22 000			+	
Bridge Center for Dialogue and Development (BTRD)	\$25 000	+	+	+	+
Budgetary and Human Rights Observatory (BAHRO)	\$25 000				
Center for Egyptian Women's Legal Assistance (CEWLA)	\$34 400			+	+
Center for International Private Enterprise (CIPE)	\$187 569				
El-hak Center for Democracy and Human Rights	\$19 400	+	+	+	+

Egyptian Center for the Right of Education	\$25 300			+	
Egyptian Democracy Institute (EDI)	\$48 900				
Egyptian Union of Liberal Youth (EULY)	\$33 300	+	+	+	+
Fares Organization for Social Care (FOSC)	\$20 500			+	+
Hukuk Elnas	\$50 000		+		
Human Development Association (HDA)	\$20 000	+	+	+	+
Ibn Khaldun Center for Development Studies (ICDS)	\$65 000	+			
International Center for Justice and Legal Support and Advocating (formerly known as Justice Association in Gharbeya)	\$17 000	+	+	+	
Justice and Citizenship Center for Human Rights (JCCHR)	\$20 000	+	+	+	
Lawyers Union for Democratic and Legal Studies (LUDLS)	\$20 000	+	+	+	+
Mogtamaana for Development and Human Rights Association	\$20 300	+			
National Association for the Defense of Rights and Freedoms (NADRF)	\$81 000			+	
One World Foundation for Development and Civil Society Care	\$24 500	+	+	+	
Our Hands for Comprehensive Development	\$19 200	+	+	+	+
Project on Middle East Democracy (POMED)	\$45 300			+	
Regional Center for Research and Consultations (RCRC)	\$20 000				
Rural Development Association (RDA)	\$25 000		+		
Rural Studies Center (RSC)	\$27 000		+	+	
Rural Women Development Association (RWDA)	\$20 500			+	
SAWA Association for the Development of Society, Woman, Child and Environment	\$19 000				+
Sons of Land Center for Human Rights (SLCHR)	\$30 000	+			
Youth Forum	\$19 000			+	+

Пояснения к таблице:

☛ — грант в качестве целевых включает специальные программы, ориентированные на молодежь;

☛ — грант в качестве в целевых включает специальные программы, ориентированные на журналистов и СМИ или обеспечение СМИ информационными материалами;

☛ — грант в качестве целевых включает специальные программы, ориентированные на подготовку в области интернет-технологий, создание и защиту веб-сайтов и коммуникаций;

☛ — грант в качестве в целевых включает специальные программы, ориентированные на подготовку лидеров.

Непосредственно в Египте США использовали два типа инструментов: двусторонние соглашения и прямые гранты. Только по линии USAID на цели продвижения демократии в Египте было выделено: в 2006—2008 гг. — \$51 млн., в 2009 — \$20 млн. На период 2010—2011 гг. планировалось выделение \$25 млн., но, если верить сообщениям египетской печати, сумма только на один 2011 г. оказалась большей вдвое. Помимо указанного еще около \$3 млн. было выделено в 2009 г. на цели развития гражданского общества и \$1 млн. — в помощь неправительственным организациям.

Представление об объемах финансовой поддержки и целевых установках программ грантов Национального фонда демократии (*National Endowment for Democracy*) США дает таблица, составленная автором по открытым данным сайта НФД.

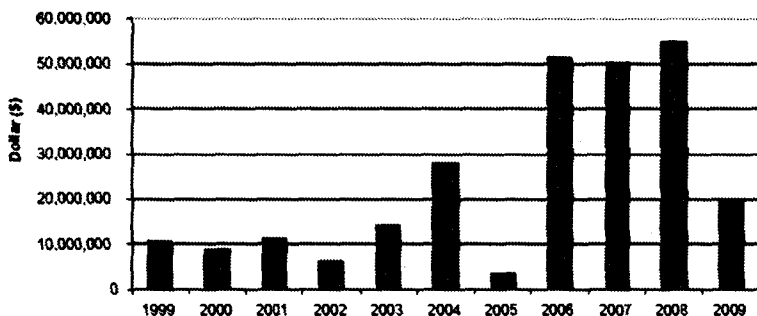
В 2009 г. один только НФД, созданный Конгрессом США, финансировал 23 египетских, 21 палестинскую, 13 йеменских, 10 иорданских, 8 ливанских, 3 тунисских, 3 ливийских, 3 сирийских, 3 алжирских и 1 кувейтскую неправительственные организации, в основном для целей работы с молодежной аудиторией по разным направлениям продвижения демократии и создания гражданского общества.

Целевые гранты предполагали, в частности, обучение методам мобилизации масс, ведению разъяснительной и пропагандистской работы, созданию интернет-СМИ и веб-сайтов, обучение методам обхода цензуры, защиты от противодейст-

вия распространению информации по Интернету. Суммы грантов варьировались от \$19 тыс. до \$385 тыс. на организацию.

Обращает на себя внимание обилие сравнительно небольших грантов (примерно около \$20 тыс. каждый), целевые задачи которых включают навыки интернет-коммуникаций и работу с молодежью.

Представление об общих суммах открытых государственных расходов США на продвижение демократии в Египте в десятилетие, предшествующее цветной революции 2010/11 гг. дает диаграмма

В США система институциональной и финансовой поддержки продвижения демократии на Ближнем Востоке является многоуровневой и включает ряд элементов. *Высший* политический и идеологический *уровень* — официальные установочные заявления президента и других высших должностных лиц правительства (например, госсекретаря). *Второй уровень* — явное и конфиденциальное дипломатическое взаимодействие с определенными странами в регионе. *Третий*, отнюдь не секретный, но менее афишируемый и глубоко эшелонированный *уровень* включает разнообразные программы технической и финансовой помощи, осуществляемые правительственными и неправительственными организациями. Это уровень практического отбора, тренинга и управления процессами.

Большинство программ, по данным Фонда Карнеги за международный мир, разрабатываются и финансируются амери-

канским правительством, хотя некоторые частные фонды также оказывают финансовую поддержку. Правительство США не занимается осуществлением проектов напрямую, а опирается на различные некоммерческие и коммерческие учреждения.

Таковы общие структуры, действующие на всем Ближнем Востоке. Применительно конкретно к Египту организационная структура Программы USAID по продвижению демократии выглядела, как это показано на *рисунке 9*.

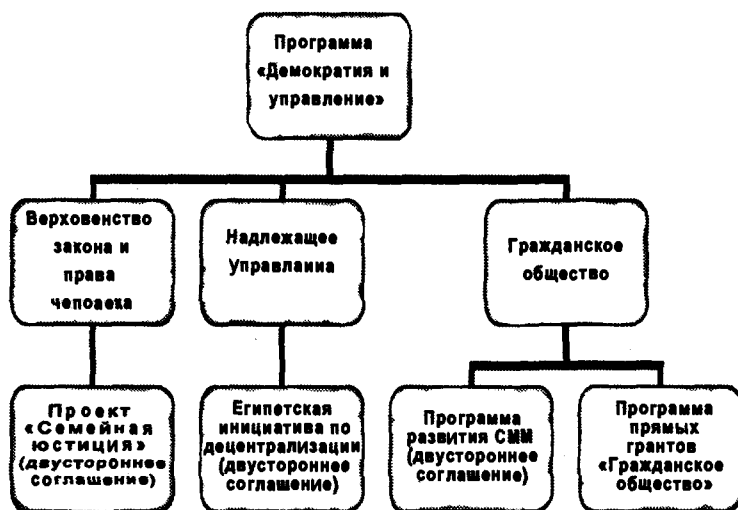

Рис. 9. Организационная структура Программы USAID «Демократия и управление» по продвижению демократии в Египте

Помощь в развитии демократии не прекратилась с победой революций. В Египте летом 2011 г. разразился скандал в связи с отказом США предоставить новым властям АРЕ информацию о том, каким именно организациям Вашингтон предоставляет финансовую и техническую помощь в преддверье назначенных на осень выборов. Вашингтон настаивал на субсидировании египетских организаций гражданского общества напрямую «без разрешения египетского

правительства», Каир отверг эту позицию и требовал, чтобы Вашингтон раскрыл подробности относительно структуры помощи и назвал бенефициаров. В частности, речь шла о \$42 млн., выделенных египетским организациям в течение июня 2011 г. Белый дом не сдает имена выгодоприобретателей, продолжая по своему усмотрению подпитывать американскими деньгами египетское гражданское общество, а египтяне во имя защиты суверенных прав Египта грозят «выстрелить себе в ногу» — отказаться от всей суммы американской помощи в \$2 млрд.

Эта ситуация свидетельствует о том, что во-первых, полного доверия между нынешними египетскими властями и их американскими союзниками нет, и во-вторых, что ставить точку в демократическом анабазисе Египта еще рано.

К слову сказать, на своей территории вольностей с финансированием иностранцами организаций, ставящих политические цели или ведущих в обществе идейно-политическую работу, не допускаются. В стране действует Закон *FARA* (Акт 22, *U.S.C.* § 611 «О регистрации иностранных агентов» 1938 г.), согласно которому лица и организации, занимающиеся «политической активностью под контролем иностранного принципала», обязаны регистрироваться в 10-дневный срок в Департаменте юстиции США. Они должны регулярно (до 1996 г. — раз в год, с 1996 г. — каждые 6 месяцев) отчитываться перед властями о характере отношений с «принципалом», поступивших средствах и их расходовании.

Под понятием «принципал» понимается не только иностранное правительство, но любое неамериканское лицо или структура. Нарушение закона карается штрафом до \$10 тыс. и тюремным заключением до 5 лет. Срока давности по этому правонарушению не предусмотрено. Введение подобных требований (не говоря уже о санкциях) другими странами в ситуации, когда в качестве принципала выступает американская сторона, а «агента» — различные местные и иностранные НПО или просто граждане, рассматривается Вашингтоном как нарушение прав человека авторитарными недемократическими режимами.

Таковы технологические методы мобилизации протестных движений и достижения целевых политических изменений на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

* * *

Изложенные факты и размышления о способах и технологиях управления социальными процессами в регионе отнюдь не означают, что в корень массовых народных выступлений в арабских странах — в действиях каких-то внешних сил. Автор однозначно считает, что причины и предпосылки происходящего, кроются в самих арабских обществах и их проблемах. Не требует доказательства и тот факт, что революционные выступления в регионе нельзя объяснить воздействием лишь какого-то одного фактора или причины, будь то внешние, или внутренние факторы.

При полном отсутствии внутренних предпосылок для социального взрыва никакой внешний импульс не мог бы вызвать революционный подъем и массовые демонстрации. С другой стороны, без соответствующего внешнего фона, моральной, политической и, что не менее важно, материальной поддержки извне, ни тунисская, ни египетская, ни тем более ливийская революции не имели бы жизненной перспективы. Власти этих стран с большими или меньшими затратами могли бы, как это уже не раз имело место в арабской истории, подавить недовольство (в том числе и при помощи вооружений и финансовых средств дружественных им западных держав).

Поэтому, при всех оговорках, объективный исследователь не может не признать, что именно внешнее воздействие заставило события принять именно тот оборот, который имел место в каждой из стран и привести к тому результату, с которым мы имеем дело сегодня.

Описанные выше технологии и способы управления протестным потенциалом сыграли в победе оппозиции колоссальную роль. Они применимы не только в рассматриваемых странах, но и далеко за пределами Ближнего Востока и Северной

Африки, а значит, являются для кого-то самоценным опытом революционной мобилизации масс. Для других они могут послужить поучительным уроком на будущее.

Глава XI

ДИНАМИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

Политические потрясения в регионе Северной Африки и Ближнего Востока конца 2010 — начала 2011 годов не были неожиданными, но их масштабы, динамика и накал удивили, если не сказать поразили, многих экспертов. Специалисты по региону давно говорили о том, что «социальный котел», главным образом на периферии региона, «кипит», и предсказывали неизбежный взрыв. В частности, отмечалось — на рубеже XX—XXI веков реформы в регионе «замерли» на «полушаге», их незавершенность создала опасную ситуацию. Вопрос встал «ребром»: либо умные реформы сверху, либо — революция снизу — улица все более настойчиво требует реальных перемен...

«Социальный котел» взорвался в 2010-х, когда в регионе и в мире в целом сложилось единое информационное пространство: динамика роста числа пользователей Интернетом, мобильными телефонами «зашкаливала» даже на периферии региона, не говоря уже о нефтяных монархиях Залива. Сформировались и «разошлись по миру» современные технологии подготовки массовых протестных выступлений, заменивших собой оппозиционные партии, которые целенаправленно были ослаблены использовавшими мощный административный ресурс правящими режимами, если не уничтожены как явление.

Вопрос о факторах, предпосылках политических потрясений в основном ясен, В Тунисе, а затем в Египте и других странах региона «сошлись» несколько, в основном внутренних тенденций и причин — социально-экономических, политических. О них довольно полно и точно сказано в докладе на XII конференции африканистов А.М. Васильева «Цунами революций в Северной Африке: новые геополитические реалии». Кратко говоря, это вызывающая степень концентрации власти

в руках авторитарных правителей, попрание конституционных норм в части президентских сроков и характера передачи власти, огромные социальные контрасты, запредельно высокий уровень безработицы, в особенности среди молодежи, тотальная коррупция, пренебрежение общественным мнением... Начавшиеся как социальный протест, антиправительственные демонстрации трансформировались в острейшие политические выступления, которые были направлены против правящих режимов как таковых.

Политики во властных структурах не могли не ощущать нарастание социальных проблем, не отдавать дань неизбежным политическим последствиям, не видеть возросшую опасность дестабилизации внутривластной ситуации. Но медлили с реформами, так как последние реально могли лишить их огромных привилегий. При этом надеялись на «алжирский» (1990-х гг.), крайний вариант решения проблемы — использовать силовые структуры — армию, спецслужбы для подавления протестных движений. Но ни в Тунисе, ни в Египте армия не поддержала режимы, сорвалось... И это тоже — знаковый момент. Оказалось, что армия — часть общества, которая выражает широкие общественные настроения...

Общественный дискурс последних десятилетий относительно адекватности реалиям арабского Востока традиционной, исторически сложившейся формы политического устройства — авторитарной власти или демократической, (условно говоря) европоцентристской модели решен не в пользу первой. Оказалось, что формальная демократия, «карманные» парламенты и жестко контролируемые суды и СМИ отвергаются обществом. Режимы формировали «общественное мнение»: существующие парламент, многопартийная система, оппозиция, СМИ, выборы, казалось, свидетельствуют о том, что демократия развивается, реформы «на марше». На деле бал правил узкий круг лиц, широко использовался административный ресурс, силовые методы для подавления любых оппозиционных настроений и действий...

И одновременно беспристрастная статистика убедительно показывала, что в обширном регионе Северной Африки и Ближнего Востока, кратко говоря, происходят качественные

изменения: уже с 1990-х годов стабильно высока доля электората, участвующего в выборах разных уровней, — как правило, 2/3 и выше общего числа избирателей.

Институты гражданского общества, а не вызывающая степень концентрации власти в руках одного человека и навязываемая обществу наследственная форма передачи власти, выборы прозрачные, а не манипулируемые с помощью административного ресурса соответствуют заметно усложнившейся социальной жизни, решению многократно возросших экономических и социальных проблем...

Правящие режимы совершили «всего лишь» одну-две (где-то, может быть, и три) системные ошибки, но этого было достаточно для социального взрыва. Во-первых, в условиях, когда коррупция подавляет малый и средний бизнес, который единственно способен смягчить проблему массовой безработицы, усилия государства, направленные на его поддержку были явно недостаточными, а меры по противодействию коррупции — неэффективными. Во-вторых, усилия по сглаживанию вопиющих социальных контрастов не соответствовали сложившейся ситуации. В-третьих, авторитарные режимы, ощущая с ходом времени растущую роль оппозиции, использовали мощный административный ресурс для подавления оппозиционных партий и движений, в том числе креативных, что в условиях системного кризиса привело к политическому вакууму; последний заполнили наиболее активные и наиболее организованные непримиримые противники режима.

В этих условиях среди оппозиционных сил ведущим оказался исламский спектр политических сил. Выборы в Египте 2005 г., когда в условиях использования административного ресурса исламисты получили 20% голосов, уже тогда показали их вес и влияние в обществе, который представляется намного большим, чем доля мест в парламенте. «Пульсирующий ислам» может вобрать в условиях кризиса и накала протестных настроений широкий спектр умеренных оппозиционных, прежде всего (но не только!) представителей умеренного ислама. И завоевать на выборах различного уровня большинство депутатских мест.

Будущее региона в острокризисной ситуации во многом зависит от политического искусства при проведении реформ, многое прояснится во время конституционной реформы и реформы избирательной системы, которые пройдут в ближайшие месяцы и, возможно, заложат основы гражданского общества. Однако есть основания полагать, что не решенные вовремя проблемы (или некоторые из них) снять не удастся, по крайней мере, без серьезных социальных издержек.

Оснований для скептицизма в отношении ближайшего и более отдаленного будущего региона более чем достаточно. Во-первых, военные (они сейчас владеют в основном властными функциями) — не самые лучшие политики и реформаторы. Во-вторых, похоже, что даже поборники реформ — не очень успешные и эффективные администраторы, тем более, что в течение длительного исторического периода нормальный ход политической жизни был, мягко говоря, нарушен. В-третьих, масштабы и глубина проблем — социальных, экономических, политических, с которыми сталкивается примерно половина стран региона Северной Африки и Ближнего Востока, указывают на то, что намеченные реформы примут затяжной характер, период их проведения будет отличаться высокой степенью социальной напряженности. Есть основания полагать, что пик протестных настроений и движений не пройден. И это — не все.

Остается открытым вопрос: есть ли в странах региона креативные организованные силы, способные реализовать эффективные реформы или хотя бы создать основу для доверия между политической властью и широкими слоями общества, которые ждут реальных результатов от давно назревших преобразований?

Глава XII

КАК ЭТО БЫЛО В ТУНИСЕ

О египетской революции 25 января 2011 года трудно говорить, абстрагируясь от революции 14 января в Тунисе. Автор этих строк был свидетелем обеих революций как полити-

ческий наблюдатель и корреспондент российского арабоязычного телеканала «Русия аль-Яум».

Тунисский режим пал первым: через 34 дня после начала революционных событий президент Зейн аль-Абидин Бен Али бежал за границу. В Египте же уже через 18 дней президент Хосни Мубарак отказался от власти.

И в Тунисе, и в Египте власти были уверены в эффективности репрессивных мер: оба режима привыкли в рекордные сроки подавлять демонстрации вдали от глаз иностранных журналистов. В обеих странах правительственные средства массовой информации находились в полном подчинении у режима. Иностранцам же журналистам за освещение акций протеста грозили лишение аккредитации и высылка из страны. Тем не менее, мировые СМИ сумели обеспечить трансляцию революционных событий в прямом эфире, в результате чего правящие режимы двух стран оказались в полном тупике.

Египетский режим, как и тунисский, рассчитывал на доверие западных стран, особенно США (в случае Египта) и Франции (в случае Туниса). Оба режима всегда заверяли Запад, что они защищают его интересы от исламских экстремистов, а он в ответ должен закрывать глаза на нарушения ими прав человека, рекламировать их «фасадную» демократию и поменьше вмешиваться в их внутренние дела. Запад, особенно Вашингтон, поддерживал эти режимы, предоставляя им финансовую помощь и льготные кредиты, а также разрабатывая политические и социальные программы, которые позволяли им укреплять свою власть над народами.

Демократические процессы в Тунисе и Египте назревали давно. Обе страны были насквозь поражены коррупцией. Более четверти века политическая жизнь обеих стран находилась в застое.

Не имея ни малейшего шанса победить в честной борьбе, оппозиция деградировала, превратившись в конгломерат маргинальных политических сил, то выступавших против режима, то сближавшихся с ним. В свою очередь, правящие партии, застрахованные от поражения при любых обстоятельствах, закоснели, как любой живой организм, лишенный возможности двигаться. Со своими оппонентами правящие партии обходи-

лись как с заклятыми врагами. Давление на оппозицию осуществлялось как через соответствующие законодательные меры, так и при помощи административных рычагов. Правящими партиями в Египте и Тунисе овладела мания величия: они возомнили, что могут управлять своими странами единолично.

Несомненно, многим демократия представляется волшебным ключиком, открывающим дверь в новый, счастливый мир. Но большинство хочет поставить демократию на службу своим интересам. «Просвещенные» коммерсанты видят в ней средство обойти закон. Для богачей же, сделавших состояния незаконным путем, демократия означает всего лишь возможность неограниченно тратить деньги сомнительного происхождения. Немногочисленные «мечтатели» из числа молодежи, писателей и журналистов жаждут освобождения от гнета цензуры. Рабочий и крестьянин ждут от демократии повышения заработка.

В сущности, демократия означает, что человек может участвовать в выборах или сидеть дома, если хочет; что он может самым резким образом критиковать религиозных деятелей и политиков, читать книги и смотреть фильмы, какие ему по душе. В условиях экономической свободы человек может выбирать, покупать ли ему товары дорогие или дешевые. Любой человек имеет возможность быть в оппозиции к президенту и правительству, выражать недовольство действиями того или иного официального лица. Но если демократия становится всего лишь декорацией, она может лишь временно обеспечивать в стране хрупкую политическую стабильность, но она не способна вывести ее из болота отсталости и периодических социальных потрясений.

25 января, в День полиции, египтяне решили самостоятельно, без участия лидеров соглашательской оппозиции, выйти на улицы — но не для того, чтобы отметить праздник, а для того, чтобы выступить и против полиции, и против органов безопасности, и против режима в целом.

Традиционная оппозиция на сцене отсутствовала: это было следствием многочисленных ошибок, совершенных ею за минувшие два с половиной десятилетия. Национально-прогрессивная партия (НПД), получившая на последних выбо-

рах несколько мест в Народном собрании (парламенте), заявила, что не примет участия ни в каких акциях. Позиции партии «Вафд» сильно подорвала расправа над журналистами, учиненная ее лидером и раскрывшая истинное диктаторское лицо этой партии. Что касается «Братьев-мусульман», они находились под запретом, а их программные установки не совпадали с чаяниями большинства египтян. И, судя по всему, здесь тоже не обошлось без негласных договоренностей с режимом.

Египетская «улица» оказалась один на один с режимом, как это было во время событий 18—19 января 1977 года, когда оппозиционеры обсуждали революцию по квартирам и барам, а она творилась на улицах. Тогда силовым структурам удалось подавить народное выступление. Но в этот раз ситуация была иной.

«Тунисская зараза» стала распространяться, а средства коммуникации начали играть поистине историческую роль. Постоянные репрессии, безработица, диктатура и коррупция породили страстное стремление покончить с существующим режимом, который явно сделал ставку на введение «наследственного» президентского правления.

Ситуация в Египте была похожа на тунисскую. В минувшие годы много египтян погибло от рук сотрудников органов безопасности и полиции. Многих отчаяние и отсутствие надежды толкнули на самоубийство. Массовая безработица, всеобщая коррупция и засилье бюрократии дополнялась произволом органов безопасности. Результаты выборов систематически фальсифицировались. Правящая Национально-демократическая партия (НДП) удерживала большинство во всех государственных институтах, и в первую очередь в Народном собрании. Оппозиционные партии погрязли в коррупции и состояли в сговоре с правящим режимом.

С началом манифестаций органы безопасности Египта оцепили города и деревни, обрушив на их жителей жестокие репрессии, как это произошло в Суэце. Кроме того, они стали блокировать группы демонстрантов, чтобы изолировать их и не дать им объединиться в крупные группировки. Силовые структуры применили против демонстрантов средства и виды вооружения, с которыми те раньше не сталкивались. Одновременно режим сделал ставку на лидеров «карманных» оппози-

ционных партий, рассчитывая с их помощью сдержать манифестантов.

Утверждения режима и зависимых от него оппозиционных партий о том, что власть в стране готовится захватить «Братья-мусульмане», не имели под собой оснований. В последние годы «Братья» действительно сумели частично взять под контроль египетскую улицу. Однако объяснялось это политическим и социальным гнетом, усилением репрессий, проникновением коррупции во все сферы жизни страны, деградацией образования, здравоохранения и культуры. Египтяне не стремились к установлению религиозной системе правления во главе с «Братством». Осознав неизбежность падения режима, люди стали относиться к «Братьям» как к любой другой политической силе.

...С 28 января в Египте нарастала волна протестов и полицейских репрессий. Источники в компании *Telecom Egypt* на условиях строгой конфиденциальности сообщили мне, что сотрудникам этой компании, а также ряда других интернет-провайдеров, было предписано с 8 часов утра 28 января находиться на рабочих местах, чтобы в случае начала манифестаций блокировать доступ пользователей к сетям Фейсбук, Твиттер и некоторым другим социальным сетям. При крайней же необходимости им было приказано на время полностью блокировать доступ в Интернет во всех или некоторых районах страны.

Появилась и еще более тревожная новость: египетское министерство информации дало указание всем ведущим и постоянным гостям программ спутниковых каналов, имеющих офисы в Египте, называть происходящее исключительно «анархией» и «беспорядками». Многие из тех, кто отказался выполнять инструкцию, были отстранены от эфира, хотя министерство объяснило это конфликтом журналистов с главами редакций и авторами программ.

Между тем, Египет оказался в полной изоляции от электронных средств коммуникации. С вечера 27 января в стране были отключены мобильная связь и все коммуникационные программы, работающие через Интернет. Были закрыты все электронные социальные сети и сайты печатных изданий, кроме газет, напрямую зависимых от египетского правительства.

Охрана Каирского аэропорта запретила ряду иностранных журналистов въезд в Египет. Многие журналисты жаловались, что в городах, особенно в Каире и Александрии, им не дают свободно передвигаться, снимать и вообще работать. Корреспондентам телекомпаний и печатных изданий, как местных, так и иностранных, не давали общаться с источниками и офисами редакций, что нередко приводило к путанице в сообщениях и появлению в журналистских сообщениях путаной и противоречивой информации.

Источники, близкие к судебной системе, дали понять, что органы безопасности не остановятся перед использованием «избыточной силы» против граждан. Они предупредили, что режим готов к любым неожиданностям на фоне акций протеста, проходивших в Каире, Александрии, Суэце, Исмаилии и на Синайском полуострове. В Каире силы безопасности перекрыли пути, ведущие к центру города, и изолировали городские кварталы друг от друга, чтобы не дать манифестантам объединиться. Города Исмаилия и Суэц были закрыты, а на Синайском полуострове местные жители вступали в стычки с отрядами полиции.

Тяжелейшая ситуация сложилась в Суэце, жители которого оказались в полной блокаде. Местные источники сообщили, что город полностью блокирован, а все население находится на улицах. Авторитетный в городе шейх Хафез Салама объявил о создании народных комитетов сопротивления. События получили дальнейшее развитие после бойни, учиненной в городе силами безопасности. По словам очевидцев, в Суэце были разгромлены все офисы правящей НДП, председателем которой был сам Хосни Мубарак, а секретарем по политическим вопросам — его сын Гамаль. Прекратили работу многие полицейские участки, где крупные полицейские чины и многие рядовые сотрудники больше не появлялись. Многие здания, принадлежавшие органам госбезопасности, были сожжены.

Тем временем площадь Тахрир в Каире заполнили тысячи манифестантов. Одни встали живой цепью вокруг Каирского музея, другие приступили к очистке улиц от мусора и организовывали охрану порядка. Военные, появившиеся на улицах

и площадях, сохраняли нейтралитет и обращались с демонстрантами корректно.

Командование вооруженных сил страны предостерегало от опасности выхода ситуации из-под контроля. Между тем источники в Каире сообщили о расстреле заключенных в тюрьме Абу Заабаль. Сотрудников и внештатных агентов МВД и тайных агентов полиции обвинили в поджогах, совершаемых с целью вбить клин между армией и демонстрантами. Но самую большую ошибку египетское МВД совершило, когда подчиненные ему подразделения открыли огонь по манифестантам возле здания министерства. Солдаты внутренних войск продолжали стрелять по демонстрантам даже тогда, когда те совершали молитву за упокой души своего товарища, погибшего у дверей здания МВД.

Было ясно, что президент Мубарак твердо решил не покидать страну ни при каких обстоятельствах — даже если из Египта уедут его сыновья и «денежные мешки», контролировавшие правящую НДП, Народное собрание и египетский бизнес. Выбор Мубарака пал на двух высокопоставленных военных.

Генерал-лейтенанту Ахмаду Шафику, было поручено возглавить правительство, а генерал-майору Омару Сулейману — стать вице-президентом (известно, что за годы своего правления Мубарак даже не создал пост вице-президента, чтобы не иметь повода для лишних тревог).

Ахмад Шафик был кадровым военным, как и Омар Сулейман, который к тому же возглавлял спецслужбы и имел доступ к важнейшим документам внешнеполитического характера. Оба они были гарантом для президента даже в случае его отказа от властных полномочий. При этом Сулейман являлся еще и гарантом европейских, американских и израильских интересов.

Представители традиционной оппозиции всех оттенков пошли на диалог с вице-президентом Омаром Сулейманом, как только он дал понять им, что стремится к такому диалогу. Однако, разочарованные в его итогах, они начали искать для себя наивные и неуклюжие оправдания. В итоге осталось непонятным, для чего они вообще встречались с Сулейманом и от чьего имени говорили?

Египетская революция началась с акций протеста против действий органов госбезопасности. В стране уже сложились предпосылки для перерастания этих выступлений в массовое народное движение.

У Запада, в частности, у американской администрации, которая была уверена в прочности египетского режима, особой тревоги это не вызвало. Египетские органы безопасности не сомневались в своих силах и были готовы применить любые необходимые меры для пресечения акций протеста.

Однако к тому времени Египет — в силу вышеупомянутых причин — объективно созрел для «национально-демократической» революции, не ограничивающейся социальными требованиями. В стране несколько лет действовали множество политических движений, крупнейшими из которых стали движения «Хватит!» («Кифай») и «6 апреля». Появились и более мелкие политические организации левого толка: «Революционные демократы», «Справедливость и свобода — движение за социалистическое обновление» (группа, отколовшаяся от «Революционных демократов»), «Молодые братья» (группа, отколовшаяся от «Братьев-мусульман») и др.

В своем стремлении к свободе египтяне были готовы приветствовать любое достижение революции, будь то отставка главы режима или обещание принять новую конституцию и отдать под суд главных коррупционеров. Но и контрреволюция не замедлила заявить о себе. Взяв инициативу в свои руки, армия прикрылась необходимостью обеспечивать спокойствие в стране, сохранять государственный строй, а также «защищать демонстрантов и завоевания революции».

Омар Сулейман ушел из власти вместе с Мубараком и его семьей, но еще три недели после этого полномочия главы правительства сохранял Ахмад Шафик — человек, преданный прежнему режиму, один из его ревностных защитников.

Выход на сцену армии в лице Высшего совета Вооруженных сил (ВСВС), которому Мубарак, объявивший 11 февраля 2011 г. о своей отставке, официально передал власть, принес успокоение представителям прежнего режима и отчасти нейтрализовал мощь народного гнева. Военные раздали народу

обещания, однако большая часть из них носила чисто декларативный характер, как и обещания Шафика.

Функционеры прежнего режима были вынуждены разыгрывать сразу несколько карт, но, видимо, именно Ахмаду Шафику было поручено стать лидером переходного периода, а армии — вернуть народ к спокойствию.

Дальнейший ход событий это доказал. Команда Ахмада Шафика стала вести себя так, словно этот пост он занял навсегда. Армия отказалась сменить главных редакторов правительственных газет, настояла на том, чтобы Мубарака и членов его семьи не преследовали и попыталась вывести их из правового поля. Отказавшись от разработки нового Основного закона, армия навязала стране идею жизни по временной конституции, которая просто «подлатала» бы обветшалую старую. Вместо того чтобы незамедлительно предать суду функционеров прежнего режима и их окружение, ВСВС избрал в этом вопросе тактику затягивания. Некоторых функционеров он попытался спасти от суда, объявив, что это порядочные люди, которые не действовали против народа, а только выполняли приказ; в некоторых случаях армия просто призывала египтян проявить великодушие и элементарную жалость.

Позиция продажной интеллигенции наглядно проявлялась и в искусстве, и в культуре, и в идеологии, и в работе СМИ. То же самое можно сказать и о позиции традиционных политических партий, прежде всего, НДП и «Вафда». Позиция «Братьев-мусульман» была более противоречивой, особенно в период их диалога с правительством, сформированным Мубараком перед его отставкой. Что касается «виртуальных» партий, известных лишь их учредителям или тем, кто выдавал им лицензию на политическую деятельность, то о них нет смысла даже говорить.

Таким был общий фон, на котором была развернута активная деятельность по выхолащиванию самого содержания революции. Начали ее видные представители прежнего режима, но армия также приняла в ней участие. Как только начали возбуждаться уголовные дела против МВД и его отдельных руководителей, тут же зашел разговор о необходимости улучшить имидж органов безопасности и полиции. Когда в стране заго-

ворили о погибших, об изнасилованных, о жертвах репрессий, появились приказы о необходимости восстановления спокойствия и возвращении сотрудников органов безопасности и полицейских на улицы.

Египетская «улица» кипела гневом после того, что творили в течение 30 лет с гражданами страны органы госбезопасности — а главным редакторам газет и телеведущим вменялось в обязанность сторониться этой темы. Более того, им предлагалось всячески рекламировать наступление «новой эры» во взаимоотношении силовых структур и общества, хотя египетское МВД по-прежнему придерживалось старого мышления. Оно не собиралось извиняться за поведение своих сотрудников и не хотело проливать свет на незаконные операции, которые оно проводило на протяжении всего периода власти Мубарака, особенно, когда речь шла о преступлениях, совершенных им накануне и во время революции.

Настояв на принятии конституционных поправок, ВСВС отверг идею принятия новой конституции. Он попытался спасти Мубарака и его семью от правосудия, а также дал указание СМИ вести себя «тихо» и не «очернять» силовые структуры. Не без поддержки Совета сохранили свои позиции некоторые деятели старого режима, и прежде всего Ахмад Шафик, который дискредитировал себя своими заявлениями во время и после революции.

Революционным лидерам чинились всякие препоны, их роль всячески принижалась. В то же время сотрудникам органов безопасности и полицейским разрешили устраивать демонстрации и требовать реабилитации, хотя силовые ведомства еще не принесли официальных извинений за свои действия, и над ними не было проведено ни одного открытого судебного процесса. ВСВС также предоставил свободу действий некоторым группам, находившимся на площади Тахрир, но не имевшим никакого отношения к участникам манифестаций.

Правительственные средства массовой информации настраивали общественное мнение против демонстрантов и обвиняли революционную молодежь в саботаже.

Примечательно, что еще в начале революции США признали «Братьев-мусульман» политической и социальной силой

в стране, открыв тем самым новую страницу в своих взаимоотношениях с «историческим» руководством «Братства». Известно, что диалог между «Братьями» и Вашингтоном происходил или через американское посольство в Каире, или через эмиссаров «Братства», время от времени посещающих США.

Многие политические организации, в том числе «Братья-мусульмане», отказались участвовать в демонстрациях 25 января, хотя и позволили своим членам участвовать в них в индивидуальном порядке. Поэтому нельзя представлять дело так, будто революцию совершили левые или «Братья-мусульмане». Однако Запад, долгие годы исповедовавший «теорию заговора», изображал диктаторский режим единственной гарантией от прихода к власти в Египте «Братьев» или левых сил.

Приверженность этой точке зрения помешала Западу понять суть происходивших событий, лишила его способности контролировать процесс, направить ситуацию в русло собственных политических интересов и сохранить у власти верный ему режим.

Очень скоро традиционные политические силы Египта, в т.ч. «Братья-мусульмане», спохватились и попытались наверстать упущенное. Накануне своего падения режим Мубарака и сам попытался использовать эти силы. Попытка эта провалилась благодаря высокой сознательности, которую проявили молодежные политические силы, создавшие «Союз революционной молодежи 25 января». В него вошли организации и движения: «Молодежь 6 апреля»; «Молодежь за справедливость и свободу»; «Кампания в поддержку аль-Барадеи и за перемены — изменим страну вместе»; «Молодые братья», «Молодежь партии демократического фронта»; «Молодежь патриотической ассоциации за перемены», а также ряд блоггеров и независимые активисты.

Глубокий раскол пережила Национально-прогрессивная партия, молодые активисты которой выступили против старого руководства. Некоторые видные деятели НПП вышли из нее и основали Социалистический народный альянс (СНА), объединивший левые организации страны.

Уже сам призыв к созданию СНА отразил недовольство линией поведения традиционных левых партий и организаций,

которые в силу ряда причин оказались неспособными к политическому действию. Впрочем, очень скоро выяснилось, что большинство лидеров СНА — это все те же старые левые политические активисты.

Возникло подозрение, что руководители одряхлевших левых партий просто хотели обновить фасад НПП, Египетской коммунистической партии (ЕКП) и Коммунистической рабочей партии (КРП). Они решили укрепить свои позиции за счет молодежных организаций, отколовшихся от этих партий и принявших действенное участие в революции, наряду с другими молодежными движениями и силами.

Поскольку левая молодежь еще не осознала собственного вклада в революцию, этот маневр «старых левых» принес свои плоды. Некоторые решили, что присутствие старых кадров придаст какую-то легитимность левой революционной молодежи и ее организациям, действующим совершенно новыми методами.

11 мая 2011 года было провозглашено создание Фронта социалистических сил (ФСС). В него вошли пять партий, ранее действовавших в рамках Национально-прогрессивной партии или в сотрудничестве с ней: ЕКП, Египетская социалистическая партия, Партия революционных социалистов, СНА и Демократическая рабочая партия

В декларации ФСС указывалось, что он «защищает права народных классов и национальные интересы, выступая против контрреволюционных сил, а также против сил экстремизма, реакции и религиозно-общинной розни, которые угрожают революции, единству Отечества и его будущему». Фронт заявил, что он будет «действовать рука об руку со всеми прогрессивными и демократическими силами в борьбе за достижение общих национальных целей».

Создание ФСС разочаровало многих представителей элиты, интеллигенции и обычных граждан, придерживающихся левых убеждений. Ведь новый «фронт» собрал под своей крышей всех старых лидеров и все старые организации, «опоздавшие на поезд революции».

Используя механизмы личных связей (в Каире и других городах), а также семейные и клановые узы (в сельской местно-

сти), ФСС поглотил многие организации, применявшие новые методы борьбы и сыгравшие заметную роль в революции.

Некоторые представители левых усмотрели в создании нового объединения осуществление давней мечты и победу всех левых сил, десятилетиями пребывавших в состоянии раздробленности. И мало кого смутило, что в ряды партий, составивших новое объединение, проникли старые кадры — представители деловых кругов и «политического бизнеса». Многие сочли, что эти люди смогут обеспечить финансирование Фронта, а также — учитывая их широкие семейные и клановые связи в Верхнем Египте и отдаленной «глубинке» — повести за собой широкие массы египтян.

Серьезные внутренние разногласия возникли и в рядах «Братьев-мусульман». Молодое поколение «Братьев» восстало против старого руководства. Недовольство проявили и некоторые крупные руководители «Братства», которые стали создавать партии и группы, отдельные от него. Один из них, Абд аль-Монеим Абуль-Фаттух, создал новую партию и объявил о намерении участвовать в президентских выборах.

Таким образом, очевидно, что революция потрясла устои всех традиционных политических сил, которые даже после ухода Мубарака не смогли занять позиции, отвечавшие потребностям момента.

Высший совет Вооруженных сил настойчиво пытался сохранить хотя бы часть старого политического «здания», отстранив от власти некоторых представителей прежнего режима. Однако непрекращающееся давление революционной молодежи и египетской «улицы» в целом заставляло его двигаться вперед.

Контрреволюция действовала собственными методами: деньгами, бандитским насилием, провоцированием религиозно-общинного конфликта между мусульманами и христианами-коптами. Ее застрельщиками выступали органы госбезопасности и МВД, бизнесмены, руководство НДП и продажная интеллигенция.

Салафиты пригодились контрреволюционным силам в разжигании конфликта между мусульманами и христианами-коптами. «Братья-мусульмане» осуждали (правда, в очень мяг-

кой форме) антихристианские выступления салафитов, но некоторые из них нередко оказывали им тайную, а в ряде случаях и открытую поддержку.

«Братья-мусульмане» явно пытаются извлечь из салафитского экстремизма максимум политических дивидендов. Сравнивая себя с салафитскими группами, они стараются показать, что экстремистами не являются.

Высший совет Вооруженных сил, который взял на себя руководство страной в трудное для нее время, не сумел осуществить свои планы в полной мере. Ему не удалось сохранить прежний режим, ограничившись «косметическим» его изменением.

Под непрерывным нажимом со стороны революционной молодежи и других политических сил, которые начали действовать активно, ВСВС был вынужден распустить органы госбезопасности и правящую партию, а также арестовать подозрительных бизнесменов и руководителей этой партии, аппарата госбезопасности и МВД. Под суд попал даже сам бывший президент страны, который был задержан. Однако Совет не тронул компании, служившие прежнему режиму, в результате чего контрреволюция сохранила каналы финансирования.

Некоторые политические аналитики утверждают, что контрреволюционным силам потворствует само высшее военное руководство. В египетской армии, разумеется, есть люди, связанные с «Братьями-мусульманами» или сочувствующие им. По мнению этих аналитиков, Совет далеко не случайно проявлял медлительность, например, в расследовании обстоятельств уничтожения ряда досье, хранившихся в сейфах госбезопасности, накануне роспуска этой службы и сразу после него. Видимо, имело место и использование старых кадров и внештатных агентов госбезопасности (в том числе из числа членов некоторых экстремистских групп), в целях разжигания религиозно-общинной розни.

Решив провести поправки к действующей конституции (вместо принятия нового основного закона), Высший военный совет организовал 19 марта 2011 года референдум по этому вопросу, на котором свыше 70% избирателей высказалось за принятие поправок.

Накануне референдума «Братья-мусульмане» и контрреволюционные силы провели пропагандистскую кампанию, в ходе которой утверждали, будто сторонники гражданского и общества и светского государства хотят отменить вторую статью конституции и лишить Египет его исламского облика. В результате многие простые египтяне отдали свои голоса в поддержку конституционных поправок.

Высший совет Вооруженных сил обещал, что после передачи власти гражданскому правительству армия вернется в казармы. Однако некоторые эксперты полагают, что армия попытается найти для себя место в будущем политическом устройстве страны. Ведь с 1952 года власть в Египте принадлежала именно военным, и трудно представить себе, что они так легко от нее откажутся.

Другие аналитики считают, что сентябрьские парламентские выборы 2011 года, а также будущие президентские выборы пройдут в соответствии со старым избирательным законом при принятии некоторых чисто формальных поправок. В результате, политический ислам, представленный в основном «Братьями-мусульманами» и олигархами, получит неоправданные преимущества не только в будущем парламенте, но и в других государственных институтах Египта, облик которых предстоит сформировать будущему парламенту. Это затруднит принятие новой конституции подлинно гражданского государства. В случае же принятия новой конституции после парламентских и президентских выборов она будет обеспечивать интересы представителей политического ислама, финансовых магнатов и военных.

Третьи полагают, что военные вместе с силами политического ислама, консервативными партиями (в т.ч. будущей «наследницей» НДП) и финансовыми магнатами постараются создать режим, который покончит с завоеваниями революции, но будет угоден некоторым региональным и международным силам. И в любом случае результат этих попыток не будет способствовать переходу страны к демократическому строю и превращению Египта в гражданское или светское государство.

По мнению некоторых египетских и иностранных аналитиков, будущая политическая система в Египте будет напоми-

нать пакистанскую. Этот вариант удовлетворит США и сохранит за страной стереотипный имидж, который существует на Западе в отношении арабских и других мусульманских государств. Другие полагают возможным возникновение в Египте аналога турецкого режима при формальном сохранении государством исламского «лица».

Пакистанская модель, возможно, устраивает «Братьев-мусульман» и армейское командование. Отсюда вялая реакция властей на попытки разжигания религиозной розни и их явное нежелание бороться с экстремистскими салафитскими группами. Некоторые комментаторы усматривают в этом стремлении ВСВС создать в стране новые политические и социальные противоречия, которые дали бы повод военным взять Египет под плотный контроль даже после формирования гражданского правительства.

В случае достижения договоренности между Советом и «Братьями» последние могут согласиться на турецкую модель в обмен на гарантии их прихода к власти. Но здесь все будет зависеть от облика новой конституции и того, каким будет будущее государство — гражданским или светским, президентским или парламентским.

ВСВС явно пытается укрепить в обществе идею о том, что армия является единственным гарантом успеха революции и сохранения ее завоеваний. Это во многом объясняет медлительность Совета в принятии решений, его запоздалую реакцию на события и, в частности, на вспышки религиозно-общинной конфронтации, которая, как показала египетская революция, распространялась при попустительстве органов безопасности, а зачастую напрямую разжигалась ими.

Пытаясь утвердить в обществе эту идею, Совет обеспечивает себе поле для маневра в будущем и предлог для вмешательства в государственные дела.

Религиозно-общинная вражда может стать сильнейшим фактором внутривнутриполитической жизни Египта, если принцип гражданства не ляжет в основу новой конституции, не будет сделан акцент на реализацию гражданских свобод, из удостоверений личности не будут убраны графы, указывающие на религиозную и профессиональную принадлежность граждан,

и не будут приняты законы, карающие за разжигание межобщинной розни.

Эта проблема может также стать одним из серьезнейших и опаснейших поводов для иностранного вмешательства. Не исключено, что некоторые региональные и международные силы будут сознательно разжигать пламя межрелигиозных противоречий в Египте. При этом события будут преподноситься как подтверждение правоты тех западных журналистов и исследователей, которые утверждали, что произошедшее в Египте было переворотом, устроенным «Братьями-мусульманами», и страной отныне правит политический ислам.

Многое говорит о том, что события в Египте были «национально-демократической» революцией, выдвинувшей некоторые социальные требования. Она развивалась не по классическим сценариям и лекалам и не была социальной революцией с конкретной идеологией и конкретными требованиями. Отсюда ожесточенное сопротивление, которое Высший военный совет, политический ислам и контрреволюция оказывают корпоративным и социальным требованиям рабочих и работников государственных предприятий. Эти силы стремятся к тому, чтобы происходящее в стране не вышло за рамки «национально-демократических» перемен и не привело к социальным и экономическим преобразованиям. Ибо лишь при таком условии указанные силы имеют шанс сохранить полный контроль над властными структурами и направить движение страны на обслуживание своих интересов.

Именно этим можно объяснить проволочки с преследованием деятелей бывшего режима и компаний, которыми они владеют и управляют, а также с принятием мер в отношении арабского и иностранного капитала сомнительного происхождения.

После революции 25 января политический пейзаж Египта усложнился. Есть армия и Высший совет Вооруженных сил; есть «Братья-мусульмане» и салафитское движение; есть Фронт аль-Барадеи (Народная кампания в поддержку аль-Барадеи и Национальная ассоциация за перемены); есть Фронт левых сил, партия «Васат», партия «Вафд», Насеристская партия, Национально-прогрессивная партия, партия «Завтра» и другие партии, блоки и «фронты».

Но реальными силами, способными активно участвовать в политических процессах и законотворческой деятельности, являются лишь некоторые из них, а именно армия и ВСВС, «Братья-мусульмане» и Фронт аль-Барадеи. За ними идут: Фронт левых сил, насеристы, партия «Завтра» (которую возглавляет Айман Нур) и прочие партии, организации и ассоциации. Очевидно, что политический ислам («Братья-мусульмане»), левые и националистические силы (Фронт левых сил, НПП и насеристы) действуют параллельно.

Выше уже говорилось о расколе в рядах «Братьев-мусульман»: молодые активисты организации заявили о своей приверженности новым методам и формам борьбы, соответствующим послереволюционному периоду, что вызвало восхищение у либералов, левых и представителей политической и интеллектуальной элиты. Впрочем, старое руководство «Братства» может попытаться использовать этот успех.

Что касается левых партий (как легальных, так и официально не признанных), то они переживают разброд и глубокий идейный кризис, к тому же они погрязли в склоках и скандалах. Это, в частности, касается партийных кадров, занимающихся предпринимательством и «политическим бизнесом». Однако этим партиям в известной мере удалось использовать в своих интересах политический успех левой молодежи, которая в последние годы активно действовала совместно с либералами и молодым поколением «Братьев-мусульман» среди рабочих и представителей элит и которая многого добилась в организационном и идейном плане.

Судя по всему, политические и законотворческие баталии развернутся между «Братьями-мусульманами» и Фронтом левых сил. При этом «Братья» имеют больше шансов на успех: их негласно поддерживают военные, а в левых кругах царит разброд, к тому же они дискредитировали себя раздуванием угрозы политического ислама, не говоря уже о том, что они погрязли в склоках. Остается Фронт аль-Барадеи, который ведет борьбу новыми способами. Он опирается на международные связи Мухаммада аль-Барадеи и его авторитет в мире, при этом пропагандирует либеральные идеи, которые разделя-

ют многие представители политической, интеллектуальной и культурной элиты.

Фронт аль-Барадеи будет вести игру сразу на нескольких досках, действуя среди всех слоев египетского народа. В этом Фронту поможет его непричастность к политическим «грехам» как «Братьев-мусульман», так и левых партий. В его послужном списке нет эпизодов сотрудничества со старым режимом; он был одним из первых движений, призывавших к революции, в то время как НПП и другие левые партии, равно как и «Братья-мусульмане», отказались участвовать в демонстрации 25 января.

В настоящее время и «Братья-мусульмане», и Фронт левых сил пытаются воспользоваться молодежной революцией, в которой они изначально не хотели участвовать. «Братья» имеют полное право надеяться, что смогут управлять Египтом, будучи реальной политической и общественной силой, имеющей прочные позиции в стране, в регионе и на международной арене. Но рассчитывать на это они могут лишь при условии сотрудничества с ВСВС, поскольку остальные политические силы отказываются иметь дело с «Братьями» в сегодняшнем виде и при нынешнем курсе этой организации. Что же касается Фронта левых сил, в который входят пять партий, то в той среде, на влияние в которой он претендует, он не пользуется популярностью. Здесь сказывается также общий спад левого движения на фоне новых экономических, социальных и политических реалий, существующих в арабском мире и на международной арене.

...Некоторые российские арабисты предпочитают упрощенную картину событий и готовые шаблоны. Они либо неспособны уследить за политическими, интеллектуальными, культурными и прочими изменениями, происходящими в Египте, либо солидарны с силами, враждебными интересам народов, их горячему стремлению к свободе и демократии, к социальным и экономическим преобразованиям, которые помогут развитию их страны и реализации их интересов. Многие российские ученые десятилетиями изучали один только политический ислам. При этом они упускали из виду существование в Египте левых, либеральных и патриотических течений.

Удивительно, что эти ученые так упорно убеждают руководство своей страны в верности своих схем и сценариев, которые искажают завоевания египетской революции и раздувают опасность, исходящую от политического ислама и религиозных течений в целом. В перспективе такой взгляд может повредить интересам этих стран не только в Египте, но и в любой другой стране, пошедшей по тому же пути.

Складывается впечатление, что практических политиков во многих странах Запада — в том числе в России — этот поверхностный взгляд на события вполне устраивает. Эти политики стали «заложниками» старого поколения арабистов и востоковедов, которые склонны изображать египтян какими-то фанатиками. Такая ситуация создает серьезную угрозу интересам этих стран, обрекая их вечно отставать от поезда или садиться в его последний вагон.

Глава XIII

ПОТЕРИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Стихийные выступления народных масс, в каких бы странах они ни происходили, как правило, ведут к потерям культурных ценностей, разграблению музейных сокровищ, расхищению личных коллекций, какой бы высокой ценностью они ни обладали. События начала нынешнего года, происшедшие в странах Арабского Востока не были исключением.

Из многих государств региона поступали сообщения об огромном ущербе уникальным коллекциям сокровищ древнего искусства, который нанесли толпы людей, внезапно ворвавшиеся в музеи и дворцы. И хотя цели восставших были в целом благородными, а их требования о переменах в государствах и обществе по большей части обоснованными, к этим людям, как это часто бывает в ходе революций, присоединилась масса люмпенов либо просто криминальных элементов. Им, в сущности, были безразличны революционные лозунги, и возникшую смуту они использовали для личного обогащения,

для грабежа всего, что подвернулось под руку — от продуктов в супермаркетах до уникальных музейных ценностей.

Оправдать все это невозможно. Многочисленные факты участия мародеров в разграблении ценнейших музейных экспонатов доказаны и осуждены мировой общественностью. Так, в одном из самых первых сообщений о беспорядках, вспыхнувших на улицах Каира, говорилось о том, что были повреждены около 70 экспонатов знаменитого на весь мир Каирского музея, которые теперь придется реставрировать. Потом подобных тревожных сообщений стало меньше, но совершенно очевидно, что такие факты не были единичными.

Оценить ущерб, нанесенный музейным собраниям Египта, пока невозможно из-за отсутствия полной информации, сообщила впоследствии корреспонденту РИА Новости ученый секретарь Центра египтологических исследований РАН Елена Толмачева, вернувшаяся из археологической экспедиции в этой стране.

Еще труднее оценить ущерб, который нанесен неохраняемым культурным объектам, например, местам археологических раскопок или остаткам древних поселений. По оценкам ученых, на сегодня археологами исследовано только третья часть древних развалин, находящихся на территории Египта. На изучение артефактов — предметов, сохранившихся от древних цивилизаций, некогда процветавших в этих местах, ученые возлагают большие надежды. Такие находки нередко свидетельствовали о том, что даже современным людям есть чему поучиться у древних египтян. Но как оценить, сколько таких артефактов также похищены возбужденной толпой?..

Вслед за начавшимися в Тунисе и Египте волнениями обострилась ситуация в Ливии, Бахрейне Йемене, Сирии. Теперь ученые — историки, археологи и др. — с тревогой ждут, что и в этих странах будет нанесен ущерб их богатому культурному наследию.

Эти опасения более чем обоснованны. Современная история Востока изобилует примерами, когда обострение политической ситуации в том или ином регионе приводило к громадным культурным потерям. Так, совсем недавно была буквально стерта гусеницами танков история древнего Вавилона.

Речь идет об Ираке — древнейшей стране, на территории которой сохранились памятники культуры, относящиеся к IV тысячелетию до н.э. Здесь находится одна из святынь ислама — Большая мечеть в Самарре. В городах Неджеф и Кербела захоронены родные пророка Мухаммеда — имам Али и его сын Хусейн. Огромный научный интерес представляют доисторические поселения древней иракской столицы Фалуджи. Среди достопримечательностей Эн-Насирии — 16 царских гробниц и руины исторического зиккурата.

Еще в январе 2005 г. в СМИ появились сообщения о том, что солдаты коалиционных сил варварски относятся к этим и другим объектам культурного наследия Ирака. По словам представителя Британского Национального музея, военная база коалиционных сил, расположившаяся на месте раскопок в древнем Вавилоне, нанесла колоссальный ущерб этому историческому памятнику. Сотни предметов, возраст которых исчисляется тысячами лет, уничтожены или пропали с мест раскопок. Американская военная техника разрушила кирпичный фундамент, датируемый VII в. до н.э. Драконы, украшавшие Ворота Иштар — один из самых известных в мире археологических памятников, получили значительные повреждения. Представитель музея заявил, что из района древнейшего города было вывезено в неизвестном направлении огромное количество грунта вместе с находящимися в нем археологическими фрагментами. Кроме того, этим грунтом военнотружущие наполняли мешки, которые использовались для сооружения временных укреплений.

Военная база на месте Вавилона в 50 километрах от Багдада была устроена морскими пехотинцами США; затем она перешла к военнотружущим контингента Польши. По словам хранителя Британского музея Джона Кертиса, «...это такое же кощунство, каким было бы создание военной базы около пирамиды Хеопса или Стоунхенджа...»

Министр культуры Ирака Мафид аль-Джазайри заявил, что потрясен размером ущерба, нанесенного историческому памятнику. «...Мы ожидали, что развалинам Вавилона будет нанесен ущерб, но не знали, что он окажется столь значительным...», — сказал он.

В апреле 2005 г. в иракском городе Самарра была попытка подрыва минарета уникального исторического и культурного памятника — мечети аль-Мальвия, в результате чего был поврежден верхний ярус минарета.

31 июля 2007 г. на лентах информагентств появилось сообщение о полном разрушении поистине величайшего памятника истории человечества — гробницы ветхозаветного пророка Даниила в окрестностях города Бакуба. По словам представителей местных властей, днем 29 июля в район Ваджхийя, где располагался древний памятник, прибыло несколько десятков боевиков, которые обложили строение взрывчаткой. Взрыв был такой силы, что от сооружения, простоявшего более двух с половиной тысячелетий, остался только щебень. Принадлежность боевиков, уничтоживших гробницу, а также цель такого вандализма остались неизвестными...

В августе 2006 г. в священном для шиитов иракском городе Неджеф в 160 км южнее Багдада прогремел еще один взрыв. Бомба была заложена на рынке возле мечети имама Али; при этом погибло несколько десятков человек. Место это считается особо, поскольку в мечети находится усыпальница — захоронение самого Али — зятя пророка Мухаммеда и одного из четырех праведных халифов.

Однако самый страшный удар наследие Ирака получило в первые дни оккупации. Тогда, в 2003 г., из Национального музея в Багдаде было похищено не менее 15 тыс. ценнейших экспонатов. Из залов музея и его хранилищ исчезли бесценные исторические реликвии, относящиеся к древнейшей цивилизации шумеров и другим периодам истории Месопотамии. Мародеры также сожгли описи экспонатов. Они проникли в подземные хранилища, где находились особо ценные реликвии, такие, как алебастровая Урукская ваза, изготовленная 5 тыс. лет назад, а также «Белая леди», считавшаяся самым древним в мире скульптурным изображением — ей было 5,5 тыс. лет.

Американцы и англичане, естественно, попытались организовать информационное прикрытие расхищению экспонатов музея и сообщили представителям прессы о своем желании бо-

роться с мародерами. На одной из пресс-конференций в апреле 2003 г. тогдашний командующий войсками США в районе Персидского залива генерал Томми Фрэнке сообщил журналистам, что на тот момент удалось вернуть в музей более 100 украденных мародерами предметов старины (и это из 15 тыс.!).

15 апреля 2003 г. из сообщений информагентств стало известно, что в Багдаде уничтожены пожаром книги и архивы Иракской национальной библиотеки. В огне погибли бесценные документы королевского двора Ирака и тексты времен Османской империи. Неизвестные ворвались в библиотеку и городской архив Багдада и сожгли буквально все. Пожар распространился также и на Библиотеку Коранов, содержащую старинные и редчайшие издания священной для мусульман книги.

Тогда же, в 2003 г., эксперты ЮНЕСКО заявили, что утрата культурного наследия страны уже приобрела «катастрофический» характер. Многие экспонаты музея и библиотечные реликвии утрачены, вероятно, навсегда. Как сказал Хашем Хама Абдула, директор музея древности в городе Сулеймания, «...если у вас украдена история, вы теряете о ней представление. Речь идет не только об иракском народе, но обо всей мировой цивилизации, колыбель которой находилась в Месопотамии...» Эту же мысль прозвучала и в одной из публикаций британской газеты «Индепендент»: кто-то хочет стереть культуру и историю Ирака, сведя их к «нулевой точке культурного отсчета».

Судя по всему, грабежи и вандализм не были случайными. Здесь поработали воры, знавшие, что им нужно. Более того, разграбление музейной экспозиции — не новое явление в Ираке, сказал директор Американской исследовательской ассоциации в Багдаде Макуайр Гибсон: «Это не первое разграбление музея в Ираке. Похоже, что на этот раз оно явилось если не полностью, то хотя бы отчасти преднамеренной, хорошо спланированной акцией, по всей вероятности, тех же банд, которые в течение последних 12 лет нападали на места, где проводились раскопки...»

На этом фоне слабым утешением выглядят появившиеся в последнее время сообщения об открытии новых памятников в

регионе Ближнего Востока. Хотя, справедливости ради, нужно сказать и об этом

В декабре 2004 г., по сообщению израильских археологов, при раскопках на севере Израиля, в оливковой роще неподалеку от Кфар-Каны (Галилея), ими были обнаружены руины древнего города. Некоторые специалисты считают, что это — расположенная между Назаретом и Капернаумом Кана Галилейская, где Христос явил свое первое чудо. Некоторые СМИ сообщили и о том, что тогда же эти археологи нашли остатки купальни Силоам в Иерусалиме, где, согласно Евангелию, Иисус совершил другое чудо — исцелил слепого, которому наложил глину на глаза, «...и сказал ему: пойди, умойся в купальне Силоам. Он пошел и умылся, и пришел зрячим...»

7 апреля 2007 г. израильтяне сообщили о том, что в окрестностях Иерусалима группой археологов под руководством профессора Эхуда Нецера из Еврейского университета обнаружена могила царя Ирода (правил в 40—4 гг. до н.э.). Э. Нецер ведет раскопки в Иродионе с 1972 года. 7 мая на пресс-конференции профессор дал описание могилы, указал ее точное местонахождение, описал находящийся там богато украшенный саркофаг. Однако останков самого Ирода обнаружено не было.

В свете этих и других открытий все чаще слышатся голоса «оптимистов», заявляющих, что, мол, не стоит переоценивать недавние потери музеев и хранилищ в Северной Африке. Что еще не открытых памятников древней культуры много больше, чем открытых, и человечество рано или поздно обретет замену всему утраченному. Что, разумеется, не так, потому что каждый артефакт или древняя постройка — это свидетельство уникальных страниц в истории человечества. И любые новые открытия могут быть лишь дополнением к уже известным историческим сведениям, но никак не заменять их.

Мы уже не говорим о предпринимающихся в связи с новыми открытиями попытках «переписать историю», как было, например, вскоре после извлечения на свет так называемого «Евангелия от Иуды», якобы совершенно по-новому излагающего появление христианства. Вот почему исчезновение в результате военных действий на Ближнем Востоке многих рели-

квий далекого прошлого означает не только появление «белых пятен» в истории, но также может послужить поводом для новых споров о событиях, давно уже признанных совершенно очевидными.

Разрушение памятников истории и культуры в Египте, Ираке и других государствах в регионе правильнее квалифицировать не как «вандализм», а как настоящую гуманитарную катастрофу, наносящую ущерб не только нашим представлениям о прошлом человечества, но и способную, при определенных условиях, сказаться на его будущем.

ЧТО ИХ ЖДЕТ?

Глава XIV

СЕВЕРНАЯ АФРИКА: РЕВОЛЮЦИИ И ЭКОНОМИКА

Международная общественность внимательно наблюдает за развертыванием политических процессов в странах Северной Африки. Запад, заинтересованно следит за тем, чтобы зерна демократии как можно скорее дали первые ростки на каменистой почве традиционно авторитарных обществ. Консервативные арабские монархии Персидского залива, со своей стороны, стремятся способствовать установлению верховенства религиозных порядков и традиционных норм в недавно еще достаточно светских арабских государствах. Политическая составляющая происходящего уверенно пребывает в центре внимания мировой общественности, чего нельзя сказать о составляющей экономической. Вопрос о том, насколько успешными будут итоги демократизации арабских обществ, пока что остается предметом жарких споров. В то же время становится все более очевидным, что бесспорной жертвой «арабской весны» стала экономика арабских стран.

Революция — враг благосостояния

В этом нет ничего неожиданного. Известно, что социальные революции влекут за собой достаточно долгий период экономического упадка и снижения жизненного уровня в стране. Эмпирически установлено, что длится он, как минимум, одно поколение (в исключительных случаях при скорой реставрации авторитарной власти и благоприятных сопутствующих обстоятельствах — не менее полутора десятка лет), но

чаще — несколько десятков лет. Так было в XVII веке во времена английской революции Кромвеля, в XVIII после Великой Французской революции. Так было и у нас на Родине после 1917 и 1991 гг. Арабские революции в этом смысле не являются исключением.

В истории не редкость, что после взрыва революционной пассионарности в обществе экономика приходит в такой упадок, что восстановить ее нормальное функционирование становится невозможным. Такое государство обречено влечь жалкое существование до тех пор, пока не исчезнет с карты мира, став жертвой аппетитов соседей.

При этом экономика неизменно лежит в фундаменте любой революции. Социальная революция разрушает налаженные экономические порядки и связи. Если после завершения революционных событий последние восстанавливаются в чуть модифицированном виде, то речь, скорее всего, идет не о революции, а о дворцовом перевороте, восстании или смуте, которые были не в силах кардинальным образом изменить прежний ход вещей.

Экономика лежит и в глубинной основе нынешней «арабской весны». Однако появившиеся в первые месяцы после ее начала в печати рассуждения о чрезвычайной бедности жителей Северной Африки или особой бесперспективности их социального бытия, толкнувших арабов на низвержение существующего строя, верны лишь отчасти. В мире существует немало государств, где бедность населения еще более кричаща, и где отсутствуют не только «социальные», но даже обычные механические лифты. Тем не менее, жизнь там медленно течет без социальных взрывов, расцветаясь изредка бескровными дворцовыми переворотами (часто, кстати, в случае успеха именуемыми потом новыми правителями «народными революциями»).

Предпосылки реальные и мнимые

Диалектика объективных предпосылок и субъективных условий нынешних социальных катаклизмов в арабском мире при использовании стандартного набора и методологий обществоведческой науки поддается довольно четкому анализу. Не-

смотря на то, что внешнее вмешательство в текущие процессы внутри арабских стран — вещь бесспорная и предельно очевидная, в глубинной основе социального взрыва столь же бесспорно лежит экономика. Последнее утверждение требует более развернутого пояснения, поскольку, глядя на макроэкономическую статистику и складывавшиеся тренды, накануне революций экономическое положение именно тех арабских стран, где правящие режимы пали, было отнюдь не самое плохое.

Рассмотрим внимательнее ситуацию именно в двух странах «победившей революции» — Египте и Тунисе. Поскольку фундаментальные материальные условия существования населения являются определяющими факторами предпосылок революционной ситуации, ответим для начала на вопрос: пребывали ли их экономики в последние годы в упадке или хотя бы застое?

До начала мирового кризиса темпы прироста египетского ВВП (по данным Всемирного банка, в постоянных ценах 2000 г.) в течение трех лет в среднем составляли чуть менее 7% в год. С обвалом мировой экономики они снизились до 4,6% в 2009 г. В Тунисе в этот же период предкризисный рост был менее впечатляющим, но в целом более чем удовлетворительным — в среднем 5,5% в год. В 2009 г. темпы прироста ВВП составили 3,4%. Для сравнения укажем, что в Саудовской Аравии эти показатели равнялись соответственно 3% и 0,6%, в Марокко 5,4% и 4,9%, в Ливии 5,2% и 2,1%, в Ливане 5,9% и 9,0%, в Йемене 3,4% и 3,8%. То есть, показатели Египта и Туниса в целом были не только не хуже, а даже заметно лучше, чем в некоторых других арабских государствах, мирно переживших бурную весну. Кроме того, следует отметить, что темпы прироста ВВП в Египте в постоянных ценах, начиная с 1992 г. стабильно были выше прироста численности населения, т.е. на протяжении 20 лет имел место реальный рост экономики и подушевых показателей. В Тунисе ситуация была аналогичной, хотя и по несколько отличным причинам: экономический рост здесь не столь впечатляющ, однако и население увеличивается куда более медленными темпами.

Более того, экспертами столь солидной структуры, как Программа развития ООН (ПРООН), Тунис накануне революции вообще рисовался как показательный пример успе-

ха человеческого развития и выделялся в числе трех лучших «шоу-кейсов» среди развивающихся стран (он победитель среди стран со средними доходами). Доклад ПРООН о развитии человека за 2010 г. так суммирует успехи страны в социальной и экономической сферах: «Тунис достиг успехов во всех трех измерениях ИРЧП (индекс развития человеческого потенциала. — Л.Ф.), сосредоточив основные усилия на образовании. В стране значительно выросла доля охваченных школьным образованием, особенно после того как в 1991 г. был принят закон об обязательном десятилетнем образовании. Также определенный прогресс был достигнут в деле гендерного равноправия: 6 из 10 студентов университетов — женщины. Однако значительное неравенство все же сохраняется, так как Тунис, согласно нашему новому Индексу гендерного неравенства, находится на скромном 56-м месте (из 138 стран). Быстрое падение рождаемости и высокий уровень вакцинации против кори и туберкулеза способствовали достижению успехов в сфере здравоохранения, как и ликвидация полиомиелита, холеры, дифтерии и малярии. Ежегодный рост дохода на душу населения составлял около 3% в течение прошедших 40 лет и был связан с ответственной кредитно-финансовой политикой, а также инвестициями в транспортную и коммуникационную инфраструктуру.»

Правда, эксперты ООН при этом отмечали, что прогресс в одном из важнейших направлений развития человека — политической свободы — в стране запаздывает. За несколько месяцев до начала революции они с шокирующей точностью артикулировали звучащее сегодня двусмысленно пророчество, что «Тунису, несмотря на формально многопартийную систему, еще только предстоит узнать, что такое мирный переход власти».

Не отрицая застойного характера политической ситуации в арабском мире в целом, нельзя не констатировать, что на фоне остальных государств региона Тунис и Египет являли собой едва ли не самые успешные примеры сочетания модернизации и диверсификации экономики с пусть пока скромной, но вполне зримой политической либерализацией. Строго говоря, пресловутую квалификацию положения в этих странах как «застой» вполне можно рассматривать в качестве идеологиче-

ски окрашенной попытки дискредитировать установившуюся в большинстве арабских стран с 1970-х гг. внутреннюю стабильность и устойчивый рост, пришедшие на смену череде переворотов и революций прошлого. Это своего рода сигнальный маркер, достаточно распространенный в западных либерально—демократических пропагандистских технологиях.

Ведь совершенно неоспоримо, что «авторитарные лидеры» и Туниса, и Египта достаточно успешно проводили линию на экономическую и политическую модернизацию по западным лекалам, медленно, но последовательно либерализуя законодательства и вводя в действие нормы и стандарты, рекомендуемые и навязываемые МВФ, США и Евросоюзом. Во всяком случае, доля таких норм в политическом и экономическом законодательствах Туниса и Египта была едва ли не самой высокой по сравнению со всеми другими арабскими странами, в особенности с теми, которые бури «арабской весны» обошли стороной. Как результат медленного реформирования, в Тунисе и Египте сформировался довольно обширный и влиятельный для условий развивающихся стран средний класс.

Широкую тенденцию, касающуюся дальнейшей эволюции устремлений среднего класса, зафиксировал Дэниэл Трейсмен, политолог из Калифорнийского университета (Лос-Анджелес). По его мнению, авторитарные лидеры, проводящие эффективный экономический курс, становятся жертвами успеха этого курса.

Едва ли не во всех остальных арабских странах экономическое благосостояние основывалось либо на однобокой («углеводородной») экономике и сочеталось с крайним ограничением политических свобод и архаичной организацией общественной жизни (абсолютная монархия, отсутствие сколь-нибудь значимой системы народного представительства, права голоса у женщин и т.д.), либо наоборот — многопартийность и другие внешние признаки демократии существовали на фоне почти полного развала экономики (Ливан, Ирак).

Сказанное выше отнюдь не означает, что никаких экономических проблем у сокрушенных режимов не имелось. Они существовали и были весьма острыми. Только суть их была иной, не той, которую сегодня некоторые силы пытаются «подкинуть» изумленному миру в поддержку собственных идеоло-

гических построений или с целью легитимизировать свои политические цели и практические шаги.

Дело в том, что ключевые экономические проблемы были более фундаментальными, чем те, которые подбрасывают нам политически ангажированные интерпретаторы. Они кроются в глубинных характеристиках экономик практически всех стран Северной Африки. Первопричины кроются в том, что экономики всех без исключения стран Северной Африки имеют два ключевых ограничителя — нехватку земель, пригодных для обработки, и рост населения. Указанные базисные проблемы существовали до прихода к власти сброшенных «тиранов», сохранялись, несмотря на все их усилия, при них и, что самое главное, никуда не денутся при новых властях. Сохранение непреодолимых проблем даже в условиях быстрого и устойчивого экономического роста последних лет предопределено фундаментальными характеристиками североафриканских экономик и обществ. Десятилетия колониализма и неокOLONиальная эксплуатации сыграли свою немалую роль, но даже они не главные сдерживающие факторы развития и сохранения отсталости.

Но если так, то тогда дело не в демократии или авторитаризма, не в либеральных экономических реформах или отсутствии оных. А в чем?

Фундаментальные экономические причины

Большая часть всех без исключения арабских стран Северной Африки — безжизненная пустыня. До того как Рабат провозгласил свой суверенитет над бывшей Испанской Сахарой, Марокко была единственным исключением из этого правила (на пустыни приходилось лишь 11% территории королевства). Сегодня в новых (не всеми признаваемых) фактических границах, по данным ФАО, пустыни составляют 78% площади страны. В Тунисе — 51%, Алжире — 80%, Египте — 98%, в Ливии — 99%.

Почти во всех государствах (кроме Ливии) большая часть населения все еще живет в деревне. Устойчивый и быстрый рост населения с каждым новым поколением ведет к уменьшению средней площади надела, либо формируя скрытую безра-

ботицу в деревне, либо выталкивая (меньшую часть) незанятых иждивенцев в города, где они часто тоже не в силах найти работу. Еще раз подчеркнем, это объективная историческая тенденция, а не результат жестокости или недальновидности авторитарных режимов. Преодолеть эти ограничители можно только ценой колоссальных и долговременных усилий, требующих консенсуса в обществе, стабильности, но главное — технологических возможностей, финансовых, материальных и интеллектуальных затрат. Следующая таблица, основанная на результатах официальных данных переписей населения наглядно подтверждает сказанное на примере Египта.

Табл. 1. Площадь обрабатываемые сельхозугодий в расчете на душу населения в Египте на дату национальных переписей населения (1897—2006 гг.)

Год	Население (тыс. чел)	Обрабатываемые площади (тыс. федданов)	Федданов на душу населения
1897	9 749	5088	0,52
1907	11 286	5403	0,48
1917	12 751	5296	0,41
1927	14 218	5544	0,39
1937	15 933	5281	0,33
1947	19 022	5761	0,30
1960	26 080	5974	0,23
1966	30 076	6000	0,20
1976	38 198	6300	0,16
1966	48 254	6019	0,13
1996	59 272	7134	0,12
2006	72 798	9500	0,13

Пояснение: 1 феддан = 4 200,8 кв. м = 0,42 га

Таблица наглядно демонстрирует долговременную, более чем вековую тенденцию к снижению площади надела на душу населения. Кроме того, в стране, как и во всех других государствах региона, положение усугубляется спецификой возрастной структуры общества. В последней — огромное преоб-

ладание лиц молодых возрастов (до 30 лет). Однако в Египте проблема доминирования молодых возрастных групп в составе населения стоит острее, чем в любой североафриканской стране, за исключением Алжира (см. рис.1). За 10 лет, прошедшие между двумя последними переписями населения в АРЕ (1996—2006 гг.), число лиц старших возрастов (более 45 лет) выросло втрое, а число детей до 15 лет — в 2,5 раза. В соответствии с данными (последней) переписи 2006 г., в стране проживало 72 579 тыс. человек, объединенных в 17 265 тыс. домохозяйств. Средний размер египетской семьи (отдельного домохозяйства) — 4,18 чел. По оценкам на середину 2011 г., численность населения достигла 82 млн. человек.

Заметим, правда, что распространенная на начальных этапах «арабской весны» теория, будто в основе революций на Севере Африки лежит так называемый молодежный бугор (графически он выглядит как «выпирание» в половозрастной пирамиде определенных возрастных групп, а именно групп 15—30 лет), статистически подтверждается лишь отчасти. Ко времени революции такое «выпирание» действительно имело место в Тунисе, а также в Алжире (где революции не случилось). В Ливии, Египте и Марокко его не было, но при этом в первых двух странах произошли «революции», а в самой западной монархии арабского мира — нет.

Тем не менее, полностью списывать со счетов «молодежный фактор» также было бы неверно. Молодежь — благодатный объект политического манипулирования со стороны реальных «выгодоприобретателей от революции», как национальных, так и зарубежных. Социологи неизменно указывают, что именно этой возрастной группе общества свойственны: отсутствие жизненного опыта; максимализм в оценках и действиях; «стадный инстинкт», выражающийся в повышенной склонности блокироваться в «братства», объединяться по принципу «наш/не наш»; готовность даже с угрозой для собственного благополучия и жизни слепо следовать за лидером и беспощадно «громить противника». Все это делает молодежь прекрасным горючим материалом для революционного пожара.

Впрочем, следует учитывать и то, что за исключением малонаселенных Туниса и Ливии, большинство молодежи стран

Северной Африки живет не в городах. Сельская молодежь, как правило, воспитана в традиционных ценностях, прежде всего религиозных. Последнее обстоятельство, правда, не сделало их блылыми сторонниками павших светских авторитарных режимов. Их оппозиционность властям формировалась прежде всего нелегальными и полулегальными мусульманскими организациями. В Египте на протяжении почти 70 лет это были Братья-мусульмане, но в последнее десятилетие с Братями стали конкурировать более радикальные группы, хорошо финансирующиеся монархиями Персидского залива.

В Египте, несмотря на десятилетиями продолжающийся мощный процесс урбанизации, большинство населения все еще живет в деревне (на момент проведения переписи 57%). При этом почти все сельское население расселено на узкой полосе плодородных земель долины Нила. Площадь наделов из-за физической ограниченности пригодной для обработки земли и роста населения постоянно уменьшается.

Со времен Г.А. Насера хрупкий баланс удерживался через сложную систему продовольственных дотаций для городского населения, сельскохозяйственных субсидий и мер прямого регулирования сельхозпроизводства, с другой. Дело в том, что чисто с «денежной» точки зрения в средних и крупных хозяйствах традиционно выгоднее было выращивать хлопок и сбывать его перекупщику. Такая система, существовавшая в начальные годы президентства Г.А. Насера, выглядела, с отстраненно-академической точки зрения, экономически оправданной, но на уровне страны в целом она оборачивалась необходимостью во все возрастающих масштабах импортировать продовольствие. При этом непредсказуемость сбора в зависимости от уровня воды в Ниле, постоянно скачущие мировые цены на хлопок, конкуренция других стран ежегодно создавали неопределенность относительно того, что страна получит за свою монокультуру валютные доходы в достаточных объемах. Введенная Г.А. Насером система в принудительном порядке предписывала феллахам выращивать определенные культуры, в частности зерновые, гарантировавшие «продовольственную составляющую урожая».

Однако, в 1980-х годы при президенте А. Садате египетское правительство согласно рекомендациям и в тесном сотрудничестве с чиновниками USAID, приступило к осуществлению широкой программы либерализации сельского хозяйства. Ставилась задача ограничить вмешательство государства (прежде всего ликвидировав субсидии и госконтроль в сфере земледелия), поощрять развитие конкурентной рыночной системы на основе частного предпринимательства и экспортно-ориентированного роста. Эта политика была продолжена при Х. Мубараке, когда в 1990-е гг. Египет заключил ряд соглашений с Международным валютным фондом в рамках программ структурной перестройки (адаптации).

Ключевым компонентом проводимой аграрной реформы стал новый закон о земле (№96/1992). Он лишил прежних льготных прав на землю мелких крестьян, работавших на участках не менее 40 лет, и позволил крупным землевладельцам назначать рентные платежи, исходя из рыночных ставок. Постепенно исчезли госсубсидии на удобрения. Последние стали продаваться по рыночным ценам, что вместе с либерализацией ввоза этого товара превратило Египет в одного из крупнейших импортеров химических удобрений в мире. Стоимость культивации возросла, что не замедлило отразиться на ценах на продовольствие, производимое внутри страны. Была ликвидирована система обязательного производства определенных культур.

В соответствии с неолиберальными воззрениями изменилась сама концепция продовольственной безопасности. Если ранее акцент делался на максимальное обеспечение продовольственных потребностей страны за счет внутреннего производства, то теперь возобладало мнение, что стране следует развивать отрасли хозяйства, которые на мировом рынке обладают сравнительными конкурентными преимуществами (например, туризм), а недостающее продовольствие закупать за счет избыточного дохода глобально конкурентоспособных отраслей. С этой же аргументацией были сняты ограничения на экспорт сельскохозяйственной продукции. Феллахи постепенно переключались на более выгодные виды экспортного сель-

хозпроизводства — ранние овощи для ЕС, апельсины, орехи и проч. Менее доходное производство товаров на внутренний рынок сокращалось.

Казни египетские — год 2010-й

В результате в отрасли началось медленное движение к заветной цели реформаторов — начали сближаться мировые и внутренние цены на продовольствие. К 2008 г. разрыв все еще оставался колоссальным, но по стране уже прокатилась продовольственные бунты. Их частью подавили, частью ослабили, попытавшись замедлить темп реформ, но с 2009 г. были введены меры государственной поддержки сельскохозяйственного экспорта (экспортные субсидии на некоторые товары, льготы и субсидии при страховании, транспортировке, складировании грузов и оплата стивидорных работ). И цены возобновили рост. Уже в первой половине 2010 г. темпы продовольственной инфляции приняли угрожающие размеры — 11% в годовом исчислении. При этом цены на овощи по сравнению с 2009 г. выросли на 45 процентов.

10 мая правительственное статистического агентства CAPMAS сообщило, что уровень инфляции в апреле достиг 11% (в годовом исчислении), на 0,9% больше, чем в 2009 году. При этом рост цен на продукты питания был значительно выше. В частности, цены на овощи выросли в среднем на 45%. Ожидалось, что к концу 2010 г. ускоряющаяся инфляция достигнет 13%, но реальность оказалась еще хуже — 15%.

Правительство все еще пыталось разрешить проблему рекомендуемыми ему рыночными методами. Центральный банк облегчил некоторые меры валютного регулирования при импорте мяса, птицы и сахара, надеясь таким образом, что предприниматели снизят рыночные цены в ответ на снижение собственных издержек. Но этого не произошло.

С настоящими казнями египетскими правительство столкнулось в конце августа 2010 г., когда стало ясно, что в результате беспрецедентной засухи в России в страну не поступят контрактованные 540 тыс. тонн сравнительно дешевой российской пшеницы. Россия ежегодно удовлетворяла примерно треть

потребностей страны в пшенице, правда ко времени введения эмбарго примерно 180 тыс. тонн уже было отправлено. Надо однозначно сказать, что к голоду в стране российское эмбарго не привело. В АРЕ оставались переходящие запасы в 3 млн. тонн (этого объема достаточно, чтобы обеспечивать потребности страны в течение 4—5 месяцев. По получении информации, страна оперативно закупила выпадающие объемы на спотовом рынке в основном во Франции и США. Правда, эти закупки обошлись Египту дороже примерно на 40 долл. за каждую тонну, то есть, по приблизительным оценкам, дополнительно Каиру пришлось заплатить 21—25 млн. долл. — сумма значительная, но не сверхобременительная для крупной страны.

Позже загадочные события с нападением акул-людоедов на купающихся вынудили правительство закрыть часть пляжей в разгар туристического сезона, что также негативно сказалось на доходах страны и местном бизнесе.

Египетская экономика переживает критический период. В последнее время (до ноябрьских выборов на которых начали побеждать исламистские партии) западная экономическая наука все чаще именovala египетскую экономику (по аналогии с постсоветскими как «переходную» — transition economy), поскольку-де в стране происходит «переход к демократии». При этом почему-то суть собственно перехода (от чего к чему) не уточнялась (применительно к постсоветским экономикам речь шла о переходе от плановой экономики к рыночной). Лейтмотивом звучит тезис о том, что хотя переход от авторитаризма, безусловно, всеми приветствуется, он неизбежно породит в Египте беспрецедентный за последние тридцать лет уровень нестабильности. Осуществление экономических реформ фоне этой неопределенности является особенно сложным, поскольку приоритет принадлежит реализации политических задач и удовлетворению политических требований.

Со времени падения Мубарака новые власти Египта несколько раз пытались провозгласить что-то вроде демо-либеральной версии «инфитаха» — политики открытых дверей. Опыт прошлых лет действительно может оказаться полезным в будущем, но только не в условиях всеобщего хаоса и потери управляемости экономикой. Переходное правительство во главе с Верховным советом вооруженных сил (SCAF), который

управляет страной до парламентских и президентских выборов (и, скорее всего, сохранит рычаги власти по крайней мере до середины 2012 г.) сталкивается с огромными трудностями. Стремясь не выпустить власть из рук, оно неразумно бросилось выполнять популистские требования революции, мало учитывая их долгосрочные последствия. Хотя, возможно, некоторые из мер (такие, как повышение правительством в государственном секторе минимальной заработной платы и продление неизменяемых трудовых договоров с почти 450 тыс. государственных служащих) и были на текущий момент политически целесообразны, они оказались тяжелейшей ношей для и без того перенапряженного бюджета.

Популистские тенденции сохраняются в ближайшем будущем, по крайней мере, до тех пор, пока не станут ясны новые властные конфигурации. Чтобы не противоречить ожиданиям масс и не множить ряды своих противников египетское правительство, несмотря на финансовые трудности и продолжающееся падение доходов, утвердило государственный бюджет на 2011/2012 ф.г. с плановым дефицитом равным 10,95% от валового внутреннего продукта (ВВП). Бюджетные доходы запланированы в размере 350 млрд. египетских фунтов (58,9 млрд. долл.), а расходы составят 514 млрд. (86,5 млрд. долл.). Одна из существенных особенностей этого «революционного» бюджета — увеличение расходов на «специальные компенсации работникам» с 95 млрд. египетских фунтов (15,99 млрд. долл.) до 116 млрд. (19,5 млрд. долл.). Для поддержания уровня минимальной заработной платы бюджет выделяет 5700 млн. фунтов (0,95 млрд. долл.) Планка «освобождения от налогов на заработную плату» была поднята с 9000 фунтов (1515,15 долл.) до 12 000 фунтов (2020 долл.). Показателем определенной небрежности и спешки в подготовке нормативных документов является и то, что в тексте закона не сказано, идет ли речь о годовой или месячной зарплате. Логика подсказывает, что все-таки, наверно, имеются в виду годовые величины, из которых указанный минимум вычитается из суммы налогооблагаемой базы. В целом по экономике это выливается в немалые суммы.

Согласно бюджету более чем вдвое увеличены ассигнования на социальное обеспечение, со 101 млрд. фунтов

(17,03 млн. долл.) до 207 млрд. (34,8 млрд. долл.). Увеличение расходов на социальное обеспечение позволит включить эту систему 300 тыс. новых семей. Общее число пользующихся социальными льготами и получающих пособия достигнет 1,5 миллиона человек. Не так много, чтобы существенно улучшить положение населения в 80-миллионной стране, но достаточно много, чтобы подкосить финансирование программ развития, которые неизбежно ужмутся.

Вообще, согласно заявлениям руководства министерства финансов, нуждам бедных в рамках бюджетов 2012/13 и 2013/14 фин.гг. будет уделено первоочередное внимание. Более того, прямо утверждается, что социальный сектор будет финансироваться даже в ущерб экономическому росту. Тактическая политическая целесообразность возоблудала над стратегическим видением нарастающих в перспективе проблем.

Как следствие, логика формирования доходной части бюджета, подчинена задаче изыскания средств для покрытия возросших социальных обязательств. Для этого запланирован ряд налоговых реформ, которые призваны, с одной стороны, мобилизовать дополнительные источники финансирования социальных расходов правительства, а с другой, обеспечить более справедливое распределение финансового бремени путем умеренного повышения коэффициентов прогрессивного налогообложения.

Эти изменения обещают сопровождать усилиями по укреплению налогового администрирования и повышению собираемости налогов. Поскольку процесс реформирования налоговой системы проходит при участии западных советников, рецепты совершенствования налогообложения почти дословно повторяют мантры младореформаторов ельцинской поры в России. Неудивительно, что так же, как в 1990-е гг. в РФ, Международный валютный фонд (МВФ), приветствовал проект дефицитного египетского бюджета и его «главную цель, направленную на содействие социальной справедливости». Жизненные постреволюционные реалии оказались очень далекими от правильных лозунгов.

Политическая и экономическая неопределенность, забастовки и беспорядки стали причиной того, что загрузка мощностей в экономике Египта сократилась на 50%, а экспорт к началу лета 2011 г. (в годовом исчислении) упал на 40%. Для

возобновления работы на 75 заводах, закрытых (и частично разграбленных) в ходе беспорядков, потребовалось 1,2 млрд. долл. О том, насколько эффективны были эти вливания, не сообщалось. Забастовки имели место и продолжаются во многих отраслях, как на частных предприятиях, так и в государственном секторе. Бастуют не только рабочие, но и служащие. Забастовщики требуют повышения зарплаты и улучшения условий труда, социальных льгот и привилегий, которые правительство, исходя из реальных условий экономики, не имеет права предоставлять. Однако оставить недовольство масс без внимания в нынешних условиях еще опасней. Осознавая, что «дикие забастовки» причиняют колоссальный ущерб экономике, Высшее военное командование летом 2011 г. издало указ, об их запрете. Полного прекращения добиться не удалось, но острота проблемы несколько спала.

В то же время, чтобы не озлобить возбужденные массы, правительство вынуждено отрывать средства от порой более важных направлений финансирования и бросать их в качестве подачек наиболее активно выступающим группам населения. При этом правительственные чиновники всех уровней понимают, что неожиданный политический зигзаг в стране может в любую минуту лишить их и места, и источника средств к существованию. Поэтому, как нередко бывало в подобных ситуациях в других странах, многие из них заняты созданием денежных заделов на «черный день». Отсюда — рост коррупции и связанное с ним замедление экономической активности, ухудшение делового климата. Летом 2011 г. газета «Аш-Шарк аль-Аусат» сообщила о растущем чувстве пессимизма среди египтян относительно экономической ситуации в стране.

Особую тревогу вызывает устойчивая тенденция к ухудшению ситуации в туристическом секторе. Накануне революции эта трудоинтенсивная по своей природе отрасль служила источником дохода и занятости примерно для 4 млн. египтян. Несмотря на то, что власти и турфирмы все еще пытаются сделать хорошую мину при плохой игре и неустанно повторяют, что революционная смута почти не затронула курортные приморские центры, на деле, по их же данным, отрасль несет ежемесячные потери в сумме 1 млрд. долларов.

Действительно, особо сильный удар пришелся не столько по направлению пляжного отдыха (хотя и там потери значительны), сколько по культурно-познавательному туризму, особенно в Каире и Александрии. Отрасль не может встать на ноги из-за волотильности ситуации. Если в течение лета 2011 г. положение достаточно стабилизировалось и туроператоры начали со сдержанным оптимизмом ожидать традиционного зимнего наплыва европейцев, то к концу осени снова случился провал из-за вспыхнувших межконфессиональных столкновений, беспорядков и пугающих западных туристов побед исламистов на парламентских выборах. Косвенным свидетельством кризиса в отрасли явилось снижение пассажирских авиаперевозок национальным перевозчиком Egypt Air на 56%. Не способствуют восстановлению и заявления политиков от победивших на парламентских выборах партий о том, что они намерены более строго регулировать отрасль: ввести разделение пляжей на мужские и женские, запреты на продажу алкоголя и ношение бикини, совместное проживание в гостиницах пар, которые не в состоянии подтвердить, что официально состоят в браке и т.д.

Основные характеристики макроэкономической и финансовой ситуации в Египте в настоящее время и на ближайшие два года (проекция), по оценкам МВФ, выглядят следующим образом:

	2011/12	2012/13	2013/14
Прирост ВВП, %	1,2	1,8	4,0
Инфляция, %	11,8	11,0	10,5
Сальдо бюджета, % ВВП, без субсидий	-10,3	-9,4	-9,0
Сальдо счета текущих операций, % ВВП, без учета субсидий	-2,3	-2,7	-2,5
Бюджетные финансовые потребности, млрд.долл., без учета субсидий	82,2	90,3	112,4
Потребности во внешнем финансировании бюджета, млрд.долл., без учета субсидий	9,6	10,1	2,2
Госдолг, % ВВП	76,2	76,6	75,5
Внешняя задолженность, % ВВП	15,1	13,8	13,0
Краткосрочная задолженность в % от ЗВР***	295,2	259,4	174,2

** Валовые потребности в финансировании*

*** Дефицит счета текущих операций, исключая официальные гранты, плюс дефицит счета движения капитала.*

**** ЗВР — официальные золотовалютные резервы¹*

Не лучше обстоят дела и в Тунисе, который, по расчетам вдохновителей «арабской весны», призван был стать образцовым примером преимуществ революционных перемен. Эта небольшая, наиболее вестернизированная и светская страна региона должна была превратиться в своего рода «арабскую Эстонию» — малозатратную витрину, пропагандирующую «более отсталым» соседям преимущества либерально-демократической модели развития и рыночных преобразований.

Существенные внешние экономические вливания и заявления политиков из ЕС на первых этапах «арабской весны» свидетельствовали о возможной реализации этих планов. За первые четыре месяца 2011 г. иностранные инвестиции составили 325,8 млн. долл. (по сравнению с \$431,2 млн. долл. в тот же период 2010 г., это уменьшение на примерно 24,5%, но, принимая во внимание возросшие инвестиционные риски, совсем неплохой показатель). Основная масса средств (309,8 млн. долл.) поступила в форме прямых иностранных инвестиций ПИИ. В структурном плане 58% вложений было направлено в энергетический сектор, 26% — в отрасли обрабатывающей промышленности (электроника, химическая промышленность, электромеханическая отрасль) и порядка и 13% — в сферу услуг (главным образом туризм и ресторанный бизнес). Несмотря на примерно 25%-ное сокращение иностранных вливаний, сразу после падения режима Бен Али тунисская экономика получила значительные по ее масштабам инвестиционные стимулы. За 4 месяца появилось 36 новых фирм с иностранным участием и были созданы 2983 рабочих места, в том числе 2681 в обрабатывающей промышленности.

Однако затянувшаяся военная операция по смене режима в соседней Ливии не позволила, по крайней мере, на данном эта-

¹ Источник: IMF. Middle East and North Africa: Economic Outlook and Key Challenges. 2011. N.Y. P. 6

пе, завершить задуманное в сжатые сроки, а дальнейшее развитие событий в регионе и усилившийся кризис в еврозоне внесли значительные коррективы в планы ЕС. За первый квартал 2011 г. ВВП Туниса сократился на 3,3%. Победа на выборах в октябре 2011 г. партии «ан-Нахда», ориентирующейся на исламские ценности, возможно, еще более осложнит эту задачу.

Экономика Туниса пребывает в состоянии рецессии, отмечается значительный спад экономической активности по всей стране. Это проявляется в падении реального ВВП, промышленного производства, реальных доходов, занятости. Безработица и раньше представлявшая большую проблему усилилась, а спад и общая неуверенность в завтрашнем дне усугубляют остроту ее социальных проявлений,

В среднем темпы прироста тунисской экономики в последние годы накануне революции составляли от 4% до 5% в год, что было недостаточно для мощного рывка из пут экономической отсталости на уровень страны среднеразвитого капитализма, но выглядело неплохо на фоне общемировой статистики. В Тунисе 1% прироста ВВП равен примерно 600 млн. динаров дохода. Зафиксированная с января по сентябрь 2011 г. потеря 8% роста означала потерю 4800 млн. динаров — огромные масштабы для местной экономики. С точки зрения создания рабочих мест, 1% прироста ВВП дает примерно 13 000 новых рабочих мест, 8 процентных пунктов падения означает, что около 100 тысяч рабочих мест, которые могли бы быть созданы в один год, так и не появились. По прогнозам данным МВФ в начале осени, ситуация должна была несколько выправиться к декабрю и по итогам года имел бы место нулевой рост (а не сокращение ВВП). Однако по расчетам Института Африки РАН, цифры ВВП не смогли выйти из негативной зоны, и падение агрегатного показателя составило 1,5—2%.

Тем не менее, в МВФ ожидают его рост на 3,9% в 2012 году. Безработица, составлявшая 13% в конце 2010 года, сейчас находится на уровне 18,3 процента. Уровень безработицы среди молодежи гораздо выше, в возрастной группе 15—30 лет она составляет 30,7%. Почти треть безработной молодежи имеет дипломы о высшем или среднем специальном образовании.

И все-таки из трех «постреволюционных» стран региона в Тунисе экономическое восстановление после недавних беспорядков идет наиболее успешно. Ситуация естественно все еще хуже, чем была до падения режима Бен Али, но лучше, чем в Ливии и Египте.

При этом основные показатели экономической и финансовой ситуации в Тунисе, по оценкам МВФ, выглядят так:

	2010	2011*	2012**
Прирост ВВП, %	3,0	0,0	3,9
Инфляция, %	4,4	3,5	4,0
Сальдо бюджета, % ВВП, без субсидий	-1,3	-4,5	-4,6
Сальдо счета текущих операций, % ВВП, без учета субсидий	-4,8	-5,7	-5,5
Бюджетные финансовые потребности, млрд.долл., без учета субсидий	2,3	3,3	3,6
Потребности во внешнем финансировании бюджета, млрд.долл., без учета субсидий	2,4	3,7	2,8
Госдолг, % ВВП	40,4	41,7	48,0
Внешняя задолженность, % ВВП	48,8	49,2	50,6
Краткосрочная задолженность в % от ЗВР	186,6	158,5	162,3

* *предварительные данные*

** *прогноз¹*

Если кратко суммировать постреволюционные мегатренды в экономике стран Северной Африки, то можно констатировать, что «арабская весна» нанесла странам региона тяжелый экономический ущерб: подорвала возможности формирования внутренних накоплений, отпугнула прямые (прежде всего частные) иностранные инвестиции (ПИИ) и уменьшила поступления от туризма. Все это привело в большинстве стран к резкому снижению темпов роста в 2011 году.

Положение усугубляется тем, что сохраняющиеся высокие мировые цены на сырье увеличивают расходы на традиционно импортируемые рассматриваемыми странами товары (как на сложные технические, так и на товары первой не-

¹ Источник: IMF. Middle East and North Africa: Economic Outlook and Key Challenges. 2011. N.Y P. 13

обходимости и продовольствие). Чтобы смягчить воздействие кризиса и повышения импортных цен, арабские правительства вынуждены увеличивать расходы бюджета, в том числе на заработную плату, продовольствие топливо и дотации населению и производителям. Формально это делается для облегчения положения беднейших слоев. На деле в немалой степени это вынужденная мера для собственного спасения. Она призвана предупредить возможные новые вспышки еще не погашенной революционной пассионарности арабской улицы и дать властям время восстановить нарушенные связи и процессы в экономике. Поскольку существует немало национальных и зарубежных сил, заинтересованных в продолжении революции, вероятность дальнейшей дестабилизации экономики остается высоко. Сохраняющиеся страновые риски приводят к росту цены внешних заимствований для всех без исключения «стран победившей революции». Финансовые показатели ухудшаются практически по всем статьям.

Из пяти стран южного Средиземноморья только Марокко, несмотря на отсутствие нефтяных доходов и относительно меньшую (по сравнению с Египтом и, в особенности, с Тунисом) степень либерализации политической жизни и многопартийности, избирательного права, равноправия граждан и этнических групп, личных свобод, оказалось наименее затронуто и насилием, и массовыми беспорядками, и экономическими неурядицами. Даже несмотря на кризисные явления в еврозоне (а это главные внешнеэкономические партнеры страны), Рабату удалось в 2011 г. сохранить прежний уровень притока оттока валютных поступлений в оплату за свою сельхозпродукцию, промышленные товары (доля которых в структуре экспорта продолжает расти) и доходов от туризма (которые, несмотря на ухудшившийся имидж арабского региона, удалось увеличить).

Что касается всего ареала арабоязычных стран Африки (не только пяти средиземноморских), то из них только Марокко и Мавритания (да и то при благоприятной внутривнутриполитической и внешнеэкономической конъюнктуре) сумеют сохранить темпы прироста ВВП, заданные в благоприятный период 2000—2007 гг. Все остальные страны обречены в ближайшие годы на

весьма серьезное сокращение ВВП. Худшие результаты покажут Египет, Тунис и Судан. В Ливии, экономика которой почти полностью базируется на экспорте нефти и газа, ситуация теоретически может оказаться не столь плачевной, если ее «новые союзники» приложат консолидированные усилия к скорейшему восстановлению добычи и сбыта углеводородов. Но с другой стороны, вызванное кризисными ожиданиями в Европе и США, сокращение их потребления может привести к существенному понижению мировых цен и, как следствие, все равно к уменьшению показателей ВВП,

Представление о прогнозируемых МВФ изменениях ключевых макроэкономических индикаторов в ряде стран Северной Африки (детализация данных по Ливии и Мавритании отсутствует) дает следующая таблица (см. с. 244.)¹:

Специалистам Института Африки, однако, эти прогнозы МВФ представляются излишне оптимистичными. Особенно существенно приведенные в таблице цифры расходятся с экспертными оценками и расчетами, проведенными в Институте по Тунису (в 2011 г. ожидается снижение ВВП на 1,5—2%) и Египту (в 2011 г. снижение ВВП на примерно 1,7%), Ожидаемый прирост в 2012 г. будет означать увеличение темпов в сравнении с провальным 2011 г., а в реальном плане будет иметь место замедление темпов роста ВВП, по сравнению с рекордными показателями 2000—2007 гг., на 5—7% годовых,

Негативные последствия второй волны кризиса будут в основном переноситься в Африку в форме снижения спроса на товары сырьевого экспорта из стран континента и сокращения притока внешнего финансирования. В то же время, не исключено, что в условиях отсутствия реальных и надежных объектов для вложения капиталов в Европе и Америке, дальнейшего «сдувания» спекулятивного финансового пузыря «фиктивного капитала», часть инвесторов будет все-таки вынуждены переместить свои вложения в реальные активы, в том числе и сырье, даже в случае, если спрос на него в развитых экономиках будет сокращаться.

¹ Источник: IMF, World Economic Outlook, 2012, Washington, 2011. P.97

	Реальный прирост ВВП			Потребительские цены (декабрь к декабрю)			Сальдо счета текущих операций платежного баланса			Безработица		
	2010	2011	2012	2010	2011	2012	2010	2011	2012	2010	2011	2012
Алжир	3,3	2,9	3,3	3,9	3,9	4,3	7,9	13,7	10,9	10,0	9,8	9,5
Судан	6,5	-0,2	-0,4	13,0	20,0	17,5	-6,7	-7,3	-7,6	13,7	13,4	12,2
Египет	5,1	1,2	1,8	11,7	11,1	11,3	-2,0	-1,9	-2,2	9,0	10,4	11,5
Марокко	3,7	4,6	4,6	1,0	1,5	2,7	-4,3	-5,2	-4,0	9,1	9,0	8,9
Тунис	3,1	0,0	3,9	4,4	3,5	4,0	-4,8	-5,7	-5,5	13,0	14,7	14,4

Реальной опасностью, однако, остается рост цен на продовольствие, особенно, если кризисная конъюнктура будет усугублена непредвиденными природными катаклизмами (засухи, наводнения, прочие природные бедствия) или последствиями острых социальных конфликтов (гражданских войн, «перехода к демократии» и т.п.)

Экономические интересы России

Чем реально отозвалось эхо африканских революций, гражданских войн и новой распространившейся по миру забавы — непризнания результатов только что состоявшихся выборов для российского бизнеса? Ответ выглядит парадоксальным, но их влияние было одновременно существенным и скромным. Дело в том, что хотя в последние годы политики и СМИ всего мира только и говорят, что о «новой схватке за Африку», Россия еще при Горбачеве добровольно сдавшая там свои позиции конкурентам, не восстановила и десятой доли утерянного. Позиции с большим трудом и скрипом стали восстанавливаться лишь во второй половине 2000-х. Большая часть из восстанавливающегося — только в проекте, договоренностях и протоколах о намерениях, хотя есть уже и реальные вложения, которые не хотелось бы потерять безвозвратно.

О чем же конкретно идет речь? Объем российско-египетской торговли в 2010 году составил 2191,4 млн. долл. (рост на 7,7% к 2009). При этом российский экспорт вырос на 5,3% до 1921,4 млн. долл., российский импорт — на 28,6% до 269,5 млн. долл. Россия занимает 6-е место среди внешнеторговых партнеров Египта. Удельный вес РФ во внешнеторговом обороте Египта составлял в 2010 г. около 4%, а сам Египет занимал 34-е место среди внешнеторговых партнеров России, в т.ч. 29-е по экспорту и 63-е по импорту. На 1 января 2011 года доля Египта во внешнеторговом обороте России составила 0,4%. В Египте официально зарегистрировано более 250 предприятий с участием российского капитала, из которых около 90% приходится на мелкий и средний бизнес. В структуре российского экспорта в Египет основная доля поставок в 2010 году приходилась на следующие товарные группы: зерно (48%),

пиломатериалы (18%), машины и оборудование (11%), черные металлы (7%). Египет входит в тройку крупнейших мировых покупателей российской пшеницы. Структуру импорта в 2010 году формировали апельсины (56%) и свежие овощи (31%). ОАО «НК «ЛУКОЙЛ», ОАО «Новатек», ЗАО «Вертекс» и другие российские компании вложили значительные средства в разведку и добычу углеводородного сырья, золота и других полезных ископаемых на территории Египта. Для российского туристического бизнеса египетское направление — ключевое. Страну ежегодно посещали 2 миллиона россиян, тратя в среднем по 1100 долларов каждый. До начала кризиса российский бизнес намеревался участвовать в проектах строительства АЭС, поставить 14 тыс. трэкеров ГЛОНАСС для оснащения парка туристических автобусов, начать производство чистого кремния, панелей солнечных батарей, создание вертолетной ремонтной базы, сборки трубоукладчиков «ЧЕТРА» и др.

Формально отказа от всего перечисленного не было ни с той, ни с другой стороны. Проблема заключается в том, что в наступившей нестабильности вообще трудно быть уверенным, какой новый катаклизм случится завтра. А нестабильность и отсутствие ясности — главные враги любого бизнеса.

Отношения с Ливией никогда не были простыми, но всегда плодотворными. Ливия — едва ли не единственный постоянный партнер нашей страны, который за все расплачивался в твердой валюте, и, как правило, сполна. Это один из крупнейших покупателей нашей военной и гражданской техники, что в условиях монотоварности нашего экспорта дорогого стоит. В советское время ливийцы закупили у нас вооружений на 17—20 млрд. тогдашних полновесных долларов. Деньги эти, правда, по большей части растаяли в годы перестройки и гайдаровских реформ, а ливийцы еще тщетно пытались получить оплаченную продукцию с предприятий бывших советских республик.

Визиты в страну первых лиц нашего государства открывали двери перед новыми контрактами — в сфере строительства трубопроводов, железнодорожного строительства, газовой сфере. Российский энергетический холдинг «Газпром» и итальянский Eni согласовали условия вхождения российской компании в проект Elephant на территории Ливии еще в апреле

2010 года. К «Газпрому» должно было перейти 50% доли Eni в консорциуме, участвующем на условиях СРП в разработке ливийского нефтяного месторождения. Сделка оценивалась в 178 млн. долл. Ранее предполагалось, что договор о продаже доли вступит в силу после согласования с правительством Ливии и получения всех необходимых разрешений от ливийской стороны. Однако в связи с разгоревшимся в стране политическим конфликтом согласование проекта с властями затянулось.

Объем торговых отношений с Тунисом невелик, но сюда также активно едут российские туристы (около 200 тыс. в год). Этот показатель вряд ли сохранится на прежнем уровне.

Суммируя сказанное можно сделать вывод, что арабские революции нанесли существенный удар по российским бизнес-интересам. Потрясения произошли именно в тех странах, которые сотрудничали с нами теснее других. Под дамокловым мечом остаются и другие государства, где у нас более прочные позиции, чем у Запада. В немалой степени именно поэтому эти страны подвергаются особому давлению.

В настоящее время перспективы быстрого восстановления экономик региона выглядят туманно. Мировой опыт учит, что стихия народных волнений имеет тенденцию даже после относительного затухания ее активности еще на протяжении длительного периода посылать шоковые волны и толчки в сферу экономики и социальных отношений. Попавшие в зону революционной турбулентности страны могут оказаться сравнительно легкой добычей своих геоэкономических конкурентов и охотников за природными ресурсами.

Глава XV

ВЗРЫХЛЕННАЯ ПОЧВА

Массовые протестные движения, охватившие арабский мир в конце 2010 — первой половине 2011 гг., затронули Тунис, Египет, Алжир, Марокко, Иорданию, Ирак, Судан, Ливан, Бахрейн, Йемен, Ливию, Сирию. Попытки проведения антиправительственных манифестаций имели место также в Ку-

вейте и в восточных районах Саудовской Аравии. Подъем движений протеста в арабском мире имеет как внутренние, так и внешние причины. В каждой стране эти причины имеют свою специфику, обусловленную особенностями ее исторического развития, своеобразием религиозной, социально-экономической и политической ситуации.

Основными внутренними причинами массовых антиправительственных движений в большинстве арабских стран явились обострение социально-экономических проблем, наличие неимущих слоев населения, отсутствие жизненных перспектив для значительной части молодежи. Важными факторами протеста стали также коррупция и nepотизм правящих кругов, подавление демократических свобод при формальном сохранении режимов «управляемой демократии». Существенную роль сыграли также социально-демографические особенности арабских стран. В большинстве из них молодые люди в возрасте до 35 лет составляют до 50% населения. Именно они в наибольшей степени страдают от нерешенности социально-экономических проблем. Безработица среди этой части населения достигает 50% и выше. Причем безработными оказывается большое число дипломированных специалистов (особенно по гуманитарным специальностям). Они не могут применить свои знания, занять достойное место в обществе, что особенно характерно для Туниса и Египта. В результате молодые люди зачастую не имеют возможности создать семью, что является серьезной социальной проблемой, так как семейные ценности в арабо-мусульманском обществе занимают достаточно важное место. В то же время среди этой категории населения в наибольшей степени наблюдается рост гражданского самосознания и стремление к демократическим свободам.

В Тунисе вокруг стареющего президента Зин аль-Абидин Бен Али, бессменно руководившего страной с 1987 г., процветали коррупция и протекционизм. До трети экономики страны контролировалось семьей президента и кланом его супруги Лейлы Трабелси, которые владели капиталом в размере 7 млрд. евро. Тунис представлял собой типичный пример квазидемократии — за фасадом формальных демократических институтов (всеобщих альтернативных выборов, двухпалатно-

го парламента, многопартийной системы, разделения властей, профсоюзов, различных общественных, женских, молодежных организаций) действовал авторитарный режим личной власти. Полицейский аппарат при Бен Али насчитывал до 150 тыс. сотрудников (население Туниса составляет 10 млн. чел.). При этом оппозицию режиму Бен Али в целом отличали организационная слабость, разобщенность и малочисленность. Легальная политическая оппозиция была представлена «Демократической прогрессивной партией» (ДПП) и партией «Форум за демократию, труд и свободу». Полулегально действовали партия «Республиканский конгресс», стоящая на либерально-демократических позициях, Коммунистическая партия тунисских рабочих (КПТР), ратующая за социализм троцкистского типа, и исламистская Нахда (Возрождение), переименованная позже в Партию исламской направленности (ПИН).

Жесткие меры, использовавшиеся режимом Бен Али против манифестантов (в результате столкновений с полицией в Тунисе погибло около 200 манифестантов), не привели к подавлению протестного движения. В результате трехнедельных манифестаций и столкновений противников режима с полицией, Бен Али был вынужден уйти в отставку и 14 января 2011 г. покинул Тунис. За два дня до этого начальник генерального штаба тунисской армии Рашид Аммар отказался выполнить приказ Бен Али применить оружие против манифестантов. Потеряв поддержку армии, режим Бен Али был обречен. В ходе протестных манифестаций в январе 2011 г. наибольшую активность проявили лидеры ДПП Майя аль-Джариби и Наджиб аш-Шабби. Из-за рубежа в страну возвращались вынужденные в свое время эмигрировать противники режима. В Тунис вернулся бывший лидер ПИН и видный исламистский идеолог Рашид Ганнуши, по инициативе которого партия ПИН была официально зарегистрирована.

Политический кризис в Египте и падение режима президента Хосни Мубарака были вызваны, прежде всего, внутренними факторами — объективными и субъективными. К объективным факторам можно отнести уникальную географическую и отчасти демографическую ситуацию в стране. Большая часть территории Египта (общая площадь — чуть более 1 млн. кв.

км) приходится на пустыню, и только примерно от 4% до 6% территории пригодны для хозяйственной деятельности — это в основном долина и дельта Нила. На этом пространстве проживает 96% населения Египта (85 млн. чел.) при демографическом росте примерно в 2,1% в год. Очевидно, что в подобных условиях страна нуждается в очень грамотной и взвешенной экономической политике. Однако после отказа от политики построения «арабского социализма», проводившейся в жизнь Гамалем Абдель Насером, и перехода с середины 1970-х годов к политике «открытых дверей» (*инфитях*), в Египте начали быстрыми темпами прогрессировать безработица, рост цен, расслоение общества. Появился слой «нуворишей» в сочетании с пауперизацией и маргинализацией значительной части населения. С 2000-х годов страна вступила в полосу социально-экономического кризиса, безработица превысила (по официальным, явно заниженным данным) 11%. Среди молодежи, как и в Тунисе, этот процент был гораздо выше. Несмотря на определенную стабилизацию экономической ситуации в результате проведенных в последние годы реформ (рост ВВП на 7,5% в год), значительная часть жителей страны (по разным данным, от 20% до 40%) живет на доход, составляющий менее 2 долл. США в день, и существует только благодаря субсидиям государства на продовольственные товары.

Режим власти, как и в Тунисе, представлял собой фасадную коррумпированную «управляемую демократию». Президент Мубарак правил с 1981 г. в условиях режима чрезвычайного положения и готовил своего младшего сына Гамала в качестве преемника на президентских выборах в 2011 г. По некоторым оценкам, состояние семьи Мубарака достигло 40—70 млрд. долл. США. Возмущение в египетском обществе вызвали открытое использование «административного ресурса» и фальсификация итогов парламентских выборов в ноябре 2010 г., что также сыграло роль в падении режима. В результате продолжавшихся почти три недели массовых протестных манифестаций Мубарак 11 февраля 2011 г. ушел в отставку и передал свои функции вице-президенту Омару Сулейману, руководителю Службы общей разведки. Фактически власть перешла к Высшему военному совету египетской армии во главе

с министром обороны Хусейном ат-Тантави. Высший военный совет приостановил действие конституции, поручил специально назначенной комиссии подготовить проект поправок к конституции, который, хотя и был одобрен на общенациональном референдуме, но, тем не менее, вызвал множество протестов со стороны наиболее радикально настроенных политических лидеров, требовавших принять новую конституцию. Движущими силами египетского протестного движения, как и в Тунисе, стали массы молодых безработных, в том числе дипломированных специалистов, отвергавших коррумпированный режим личной власти. Протестные манифестации в основном носили стихийный характер, непосредственным поводом для них послужило очередное повышение цен (а в известной мере и пример Туниса). Позднее к протестному движению присоединились оппозиционные политические партии, стоящие на либерально-демократической платформе. Это прежде всего Аль-Гад («Завтра») и Кифайа («Хватит!»), которые пока еще относительно слабы и не пользуются значительным влиянием. На этом же этапе в акции протеста активно включилась исламистская организация «Братья-мусульмане», которая, в отличие от светских партий, обладает значительным влиянием среди египтян. Роль лидеров протестного движения пытались взять на себя Мухаммед аль-Барадей, бывший председатель МАГАТЭ, и Умар Муса, Генеральный секретарь Лиги арабских государств (ЛАГ). В ходе протестных акций усилились новые молодежные движения, выдвигающие лозунги демократических реформ, такие как «Молодежь революции», «Двадцать пятое января» и «Шестое апреля». В акциях протеста участвовали также представители левых движений, имеющих немало сторонников, и «насеристы», исповедующие идеи «арабского социализма».

Анализируя факторы, способствовавшие победе народных движений в Египте и Тунисе, необходимо отметить роль армии в крахе авторитарных режимов. Как в Тунисе, где армия отказалась подчиняться президенту Бен Али, так и в Египте, где армия сохранила нейтралитет, позиция военных оказалась решающей для исхода противостояния.

Влияние внешних факторов проявилось прежде всего в обострении социально-экономических проблем в арабском мире в

результате мирового финансово-экономического кризиса, в разной мере затронувшего экономики всех арабских стран. Мировой кризис привел к резкому сокращению тунисского экспорта, ориентированного на страны ЕС. Финансово-банковская сфера Туниса испытала негативные последствия финансовых проблем банковской системы ЕС. Сократилось число иностранных туристов, посещавших Тунис и Египет (большую часть их составляли граждане европейских стран). Государства Евросоюза сократили прием иностранных рабочих и дипломированных специалистов-иммигрантов, в том числе, из Туниса и Египта. Последствия мирового финансового кризиса, а также повышение в 2007—2008 гг. мировых цен на продовольствие повлияли на рост протестных настроений и в Египте (только в 2007—2008 гг. в стране прошло 580 забастовок).

Существенную роль в подъеме протестных движений в Тунисе и Египте сыграла поддержка демократического процесса в этих странах, оказанная ведущими западными странами. Об этой поддержке, в том числе финансовой, объявили ЕС, США и группа наиболее развитых стран G-8.

Что касается других арабских стран (Йемен, Бахрейн, Ливия, Сирия), то здесь на кризисные явления накладываются факторы, обусловленные спецификой исторического развития этих стран, структуры общества и внутривосточной ситуации. В Йемене это действия повстанческих шиитских группировок на севере страны, сепаратистское движение на юге и значительное влияние исламистов (наличие подпольных ячеек Аль-Каиды). На Бахрейне это межконфессиональное противостояние суннитского меньшинства во главе с правящей династией Аль-Халифа и борющегося за равные с суннитами права шиитского большинства. В Ливии это недовольство населения многолетним правлением семьи Каддафи и приближенных к ней кланов, узурпировавших власть в стране, а также стремление части среднего класса к демократическим преобразованиям, межклановое и межплеменное противоборство и действия исламистских сил. Военное вмешательство коалиции ведущих стран НАТО (США, Британии, Франции) с целью поддержки повстанцев, осуществленное под прикрытием резолюции Совета Безопасности ООН и рекомендаций ЛАГ, обострили гра-

жданский конфликт в Ливии и придали ему международный характер. В Сирии протестные выступления с требованием демократических реформ, начавшиеся в марте 2011 г., переросли в столкновения с силами правопорядка. Среди причин протестных выступлений в Сирии социально-экономический аспект, как и в Ливии, не является основным. Первостепенное значение имеет недовольство части населения всевластием алавитского семейства Асадов, находящегося у власти в Сирии более 40 лет, и, соответственно, протекционизмом и коррупцией, отсутствием реальных демократических свобод. В то же время правящая в Сирии Партия арабского социалистического возрождения (доктрина партии представляет собой соединение арабского национализма, ислама и элементов социализма) уделяет достаточное внимание решению социально-экономических проблем. В Сирии введено бесплатное медицинское обслуживание и бесплатное образование, поддерживаются относительно низкие цены на продукты питания, достигнут приемлемый уровень жизни для большей части населения. Значительная часть сирийских граждан выступает за сохранение существующего режима. На это указывают прошедшие в июне 2011 г. в различных городах, в том числе, в Дамаске многочисленные митинги в поддержку Башара Асада. Митинги собрали десятки тысяч человек. Силы, оппозиционные правящему режиму, представлены как светской политической оппозицией, среди которой есть бывшие члены сирийского руководства, выступающие против курса Башара Асада, так и исламистами, действующими в Сирии с 1980-х гг. Центры оппозиции находятся в основном за пределами Сирии (в Турции, Ливане) и пользуются поддержкой извне.

Характер массовых протестных выступлений, их движущих сил и лозунгов свидетельствуют о том, что в арабских странах, прежде всего в Тунисе и Египте, идет процесс становления гражданского общества. Некоторые западные исследователи, в частности, профессор Жан-Пьер Филью из Парижского института политических исследований, полагают, что гражданское общество в этих странах уже существует. Возможно, это преждевременный вывод. Но в любом случае, структура и характер гражданского общества в арабо-мусульманских стра-

нах будут отличаться от его аналогов в странах Запада. Тем не менее, главное требование протестных манифестаций — проведение демократических реформ подтверждает наличие здесь гражданских общественно-политических сил — носителей демократических ценностей. Сознательная активность таких сил является одним из главных условий формирования гражданского общества и развития демократии. Сегодня эти силы состоят в основном из образованной молодежи, имеющей возможность получать достоверную информацию и связывающую будущее своей страны с демократическим развитием.

Отличительной чертой протестных движений в арабских странах стало использование современных коммуникационных средств. Рупорами и организаторами массовых манифестаций становились не политические лидеры (примкнувшие к движению позже), а молодые люди, имевшие возможность через систему коллективных блогов, фейсбуков, социальных сетей Интернета распространять оперативную информацию и обращаться с призывами к тысячам своих сторонников. Особенностью «арабской весны» 2010—2011 гг. явилось также то, что протестные демонстрации проходили под светскими лозунгами, в отличие от арабских национально-освободительных и антимонархических революций второй половины XX века и иранской революции 1979 г. Тем не менее, исламистские силы участвовали в свержении правящих режимов в Египте, в меньшей степени в Тунисе, и продолжают в той или иной мере принимать участие в протестных акциях в других арабских странах. Наиболее активно участвовали в протестах против режима Мубарака египетские «Братья-мусульмане». «Братья» периодически подвергались репрессиям в период правления Мубарака, но, тем не менее, являлись и остаются наиболее массовым и организованным общественно-политическим движением в Египте. Участие «Братьев» в манифестациях протеста, по словам профессора Каирского университета Абу Аль-Хасана Бакри «придало египетской революции большой вес». «Братья» создают свою массовую политическую «Партию свободы и справедливости». Руководитель «Братьев-мусульман» Мухаммед Бади заявил, что «Братья» не будут выставять своего кандидата на пост президента Египта, но будут участво-

вать в парламентских выборах, на которых они надеются завоевать 30% депутатских мест. Наряду с Братьями-мусульманами в Египте формируется более радикальное исламистское «салафитское» движение. Салафиты не получили официальной регистрации, что не мешает им выступать на телевидении и жестко критиковать новые египетские власти.

В Тунисе при режиме Бен Али легального исламистского движения не существовало, исламисты подвергались жесткому преследованию. Тем не менее подпольно действовали небольшие группы сторонников Партии исламской направленности (ПИН). После свержения Бен Али, отмены запрета ПИН и возвращения в Тунис ее лидера Рашида Ганнуши (род. в 1942 г.), умеренные исламисты снова входят в тунисскую общественно-политическую жизнь. Однако на настоящий момент они не пользуются значительным влиянием в тунисском обществе.

В результате феномена «арабской весны» политические изменения, произошедшие в Тунисе и Египте, коснулись лишь верхнего эшелона властной элиты. Структура власти в обеих странах до настоящего времени не претерпела каких-либо серьезных изменений. Не произошло также существенного реформирования социально-экономической сферы, если не считать повышения зарплаты госслужащим. Такой итог явно не устраивает ту часть общества, которая активно участвовала в свержении старых режимов. В то же время очевидно, что существующие в арабских странах социально-экономические проблемы невозможно решить за короткий срок. Очевидно также, что формирование демократической структуры власти само по себе также не решает данных проблем. Для их решения необходим взвешенный политический курс с социальной направленностью. В протестном движении, направленном против коррумпированных авторитарных режимов, наряду с политическими силами, носителями общедемократических ценностей, участвовало и исламистское движение, которое на тот момент не являлось главной движущей силой протеста. Однако в случае затягивания решения острых социально-экономических проблем «исламский проект» снова может выйти на политическую авансцену.

Глава XVI

ПОЧЕМУ ЖЕ ВСЕ-ТАКИ «АРАБСКАЯ ВЕСНА»?

Причин событий, начавшихся в январе 2011 г. в Северной Африке, много, они накапливались годами и десятилетиями. Однако коренными среди них являются, на наш взгляд, две. Во-первых, это демографический фактор — быстрый рост населения, во-вторых, углубление социального кризиса — рост застойной безработицы и в связи с этим выталкивание на общественное дно большей части молодого трудоспособного населения, падение в обществе ценности труда.

Согласно официально опубликованным данным, сейчас в афро-арабском мире на одну женщину-мать в среднем приходится 6,5 детей, из которых «на ноги» удастся поставить обычно лишь одного, занимающего место отца в лавке или в поле. Самые бедные мужчины не имеют возможности жениться, так как не могут собрать — даже при помощи родственников — средства для уплаты выкупа за невесту. В результате огромная часть молодых людей вливается в безликую массу маргиналов, люмпенов и попрошаек. Их удельный вес среди молодежи достигает, по имеющимся опубликованным оценкам, 70%. В случае возникновения каких-либо кризисных ситуаций и социальных взрывов именно маргинальная молодежь выходит на улицы и составляет основную массу бунтующих и зачастую бесчинствующих.

А ведь события начались в Тунисе — относительно наиболее благополучной стране Северной Африки, которая многими экспертами считалась образцом успешной социально-экономической и политической модернизации. Действительно, еще недавно казалось бесспорным, что Тунис по темпам экономического развития, по многим социальным индикаторам, по внедрению в общественное сознание и реальную действительность наиболее современных моделей социально-политической жизни и понятий «гражданского общества» (действующий демократический механизм смены власти, выборы президента, признание многопартийности и свободы СМИ) за-

нимает лидирующие позиции не только в Северной Африке, но и во всем арабском мире. Даже такая серьезная и информированная международная организация, как Всемирный банк, не находила оснований сомневаться в успехе развития Туниса. Фактически по каждому показателю, характеризующему человеческую деятельность, — от средней продолжительности жизни до охвата школьным обучением и детской смертности, как я отмечал ранее, — эта организация считала Тунис исключительно успешным в своем развитии. Потому казалось, что крупная вспышка народного гнева в Тунисе маловероятна.

Однако история независимого Туниса знает случаи открытого и массового проявления социального недовольства, народных волнений и забастовок. Так, при подавлении нескольких волн забастовочного движения в конце 1977 — начале 1978 гг., по официальным данным, было убито 42 человека и более 300 ранено. При подавлении «хлебных бунтов» в декабре 1983 г. — январе 1984 г. 89 человек были убиты и 938 ранены, в том числе 580 гражданских лиц и 348 полицейских.

Именно нарастание социальной напряженности в стране привело к перевороту 7 ноября 1987 года, получившему название «жасминной революции». Переворот был осуществлен под руководством Зина аль-Абидина Бен Али, премьер-министра и генерального секретаря правившей в то время Социалистической дустуровской партии. Новая власть декларировала либерализацию экономики, содействие здоровой конкуренции между политическими партиями, создание стабильного общества, которое должно было характеризоваться открытостью и терпимостью.

Провозглашая приверженность либерально-демократическим ценностям, режим Бен Али продержался почти четверть века. Но сами по себе эти принципы не устраняли глубинных причин нарастания социальной нестабильности, главными среди которых — повторяю снова — были бесконтрольная рождаемость и подхлестываемая ею массовая безработица, в чем автор еще раз убедился во время последней поездки в Тунис в октябре 2009 года.

В Египте события развивались в целом по аналогичному сценарию и завершились свержением законно избранного президента и сменой власти.

В свете социально-демографической динамики мусульманских стран будущее и этой крупнейшей арабской страны не выглядит таким уж неопределенным. Определено оно, в частности, многовековой мусульманской традицией деторождения. В результате следования этой традиции население страны, проживающее фактически на узкой полоске земли долины и дельты Нила, ежегодно увеличивается на 1,2—1,3 млн. человек. Этот бурный демографический рост вызывает все нарастающую волну безработицы, расширение многомиллионных контингентов маргиналов и люмпенов, готовых встать под знамена политических сил любых мастей, в особенности тех, которые больше заплатят за участие в политических акциях.

Крайне неблагоприятная в целом для арабского мира, эта динамика усугубляется отношением больших групп мусульманского населения к труду. Подавляющая его часть работает на своих рабочих местах с прохладцей, «спустя рукава», не стремится повышать эффективность труда. Это в значительной мере объясняется историческими традициями, климатическими условиями, некалорийным питанием, тяжелыми условиями жизни.

Низкая эффективность труда объясняет, почему те функции, для выполнения которых в средневропейских условиях достаточно было бы одного работника, в Египте, например, выполняют пять человек. С одной стороны, это повышает занятость и снижает уровень безработицы, но, с другой — сокращает общественную производительность труда и содействует консервации социально-экономической отсталости страны.

На уровне массового общественного сознания не приветствуется упорный, напряженный труд; мечтой для самых разных социальных категорий молодежи остается «*вазыфа*» — должность, позволяющая, сидя за столом в кресле, устно или по телефону отдавать указания подчиненным.

С этих позиций ситуация в Египте и Тунисе не внушает оптимизма. Те 40 млрд. долл., которые «большая восьмерка» выделила в мае 2011 года обеим странам — по 20 млрд. долл. каждой, быстро закончатся. Их проедят и разворуют, а ситуация в основном останется прежней. И она будет оставаться таковой до тех пор, пока в результате очередного столкновения с полицией не начнется новый стихийный бунт.

Глава XVII

БЫТЬ ЛИ РЕВОЛЮЦИЯМ ЮЖНЕЕ САХАРЫ?

События, потрясшие в первые месяцы 2011 г. государства Северной Африки и Ближнего Востока, получили в отечественном востоковедении самые разные определения: от «молодежных бунтов» и «смуты, руководимой в той или иной мере опытной рукой политических манипуляторов» до «цунами революций, как проявления новых геополитических реалий».

Столь же неоднозначны оценки потенциала общественной нестабильности и уровня социально-политической дезинтеграции в регионе южнее Сахары.

С одной стороны, констатируется развал африканских обществ южнее Сахары как устойчивой динамической системы и нормальной среды обитания людей, подчеркивается глобальное расширение группы беднейших, наименее развитых стран прежде всего за счет данного региона, отмечается сохранение и возрождение в этом регионе традиционных культур и, в итоге рисуется образ африканского развития как «антиразвития». Обращается внимание на то, что индекс человеческого развития во многих африканских странах в начале XXI в. оказался ниже, чем в 1960 г. «Воздействие внешних факторов в течение последних 30 лет привело к ярко выраженной экономической маргинализации большинства стран континента, а значит и всей Африки: хронической бедности преобладающей части населения, росту незанятости, массовой неграмотности, широкому распространению тяжелых заболеваний и т.д.».

С другой стороны, по данным Всемирного банка и ОЭСР, Африка, включая страны южнее Сахары, демонстрирует в начале XXI в. значительное улучшение экономической ситуации: рост ВВП на 4,8% (2005), всей экономики на 5,2% (тот же год)... значительную роль в нынешнем (середина первого десятилетия XXI в. — Ю.В.) экономическом подъеме играет прогресс в укреплении политической и социальной стабильности.

В большом комплексе проблем, возникших в связи с массовыми движениями протеста в странах Северной Африки, не-

маловажной представляется и такая: возможно ли их распространение на Африку южнее Сахары? Я полагаю, что нет, поскольку арабский Север и негроидный Юг этого континента представляют собой два разных, несовпадающих друг с другом цивилизационных мира. Именно в силу цивилизационных различий, общие для всей Африки проблемы социально-экономического и политического развития вызвали «цунами» однотипных революций на севере континента и столь несхожий с ними продолжающийся десятилетиями процесс общей политической дестабилизации по типу «броуновского движения» в центре и на юге континента.

Говоря о цивилизационных особенностях, разделяющих Север и Юг Африканского континента, отметим прежде всего существенные различия в степени культурно-конфессиональной однородности соответствующих регионов. В сравнении с Северной Африкой, где ислам абсолютно доминирует, население Тропической Африки имеет в основном поликонфессиональный состав. Хотя ислам получил распространение в Тропической Африке намного раньше христианства — с начала VII в. sporadически, а с IX—X вв. более широко и системно, завоевывая на протяжении последующих столетий и вплоть до наших дней новые культурно-ментальные пространства (в Тропической Африке ислам исповедует почти половина населения), он не стал здесь господствующей религией, делил и делит сферы влияния с христианством и местными традиционными верованиями. Подавляющее большинство мусульман проживает лишь в шести странах Тропической Африке: Федеральной Исламской Республике Коморские Острова (98% населения), Нигере (96%), Сенегале (95%), Мали (94%), Гамбии (92%), Гвинее (90%). В других странах Тропической Африки мусульмане составляют 65% населения в Буркина-Фасо и Сьерра-Леоне, 50% — в Нигерии и далее по резко убывающей — от 40% в Кот-д'Ивуаре до 10% в Демократической Республике Конго и 2% в Республике Конго.

Практически во всех странах Африки южнее Сахары имеется значительное число приверженцев местных традиционных верований: от 7% в Гвинее до 52% на Мадагаскаре (от

общей численности населения страны). Это обстоятельство, безусловно, влияет на внутренние, институциональные условия политической стабильности в этих странах. Например, в Бурунди ежегодно 20 ноября отмечается день «башингантайи» — старейшин, к содействию которых часто прибегают конфликтующие стороны для разрешения различных споров. По мнению властей Бурунди, институт старейшин поддерживает исконную традицию уважения к старшим и играет серьезную роль в разрешении внутренних конфликтов.

Анализируя социокультурные особенности развития стран Топической Африки, известный российский африканист В.Р. Арсеньев, констатировал, что традиционная составляющая культуры и жизни здесь в целом сохранилась и продолжает воспроизводиться как основа общественного порядка... Диапазон «гетерогенности» определяется (в Африке. — Ю.В.) единовременным включением в одну общую систему обществ, находящихся на развитых этапах цивилизационного развития, и обществ, фактически не преодолевших порог архаики.

Если попытаться, не вдаваясь в детали, сопоставить общества Северной и Тропической Африки по цивилизационным критериям, то необходимо отметить, что уровень самоорганизации первых в целом значительно выше, чем вторых. Ислам стал на севере национальной идеей и основой политической культуры и социальной интеграции общества. В Африке южнее Сахары столь значимого «религиозного стержня» единства общества нет: ни христианство, ни распространенный и здесь ислам, не говоря уж о местных традиционных культах, роль такого «стержня» не играют. Лишь в одной сфере политической культуры Тропическая Африка преуспела наравне с Северной — в приобщении своих лидеров, главным образом, первой волны, к категории харизматических, да еще, пожалуй, в создании гражданских организаций.

Распространение и, следовательно, общее воздействие новых информационных технологий на общества Тропической Африки по сей день остается значительно меньшим, чем на Северную, а это обстоятельство, помимо многого прочего, является в современном мире важнейшим фактором значимого

общественного протеста, будь то забастовка, бунт, демонстрация или революция. События 2011 г. в Северной Африке вызревали постепенно, в условиях относительно спокойной политической и социально-экономической обстановки, отчего и вызвали эффект разорвавшейся бомбы. Регион же Тропической Африки бурлит на протяжении всего полувекового периода независимости. Здесь нет и не было периода явного социального благополучия, что было характерно для арабских стран Северной Африки до 2011 г.

В силу традиционной этнической раздробленности обществ южнее Сахары, в этом регионе вряд ли может возникнуть революция, перекатывающаяся из одной страны в другую, как это случилось на севере континента. Государственные границы в Тропической Африке остаются более виртуальными, чем реальными; во многих случаях они делят между государствами один и тот же народ. Тем не менее, гражданская война в Анголе не имела продолжения в Демократической Республике Конго (ДРК) или в Конго (Браззавиль). Глубокий социально-экономический кризис в Зимбабве не распространился на Замбию. Авторитарный режим Иди Амина в Уганде не послужил побудительным мотивом для установления аналогичных режимов в Кении или Танзании. Столкновение мусульманского севера и христианского юга в Кот-д'Ивуаре не привело к дестабилизации политического положения в Мали или Гане.

После освобождения от колониальной зависимости (60-е годы XX в.) Тропическая Африка превратилась в емкий рынок стрелкового оружия, бесконтрольно и прибыльно ввозимого туда извне. В районах, охваченных беспорядками и войнами, действовали плохо управлявшиеся из генштабов подразделения национальных армий и отряды, стихийно формировавшиеся из «ополченцев» по регионально-этническому принципу. Нередко в этих отрядах оказывались подростки 13—15 лет, получавшие боевое оружие и терроризировавшие мирное население наравне со взрослыми. Один из таких «бойцов» даже вошел в историю: согласно официальной версии гибели главы ДРК Лорана-Дезире Кабины, его, в январе 2001 г. застрелил в официальной резиденции солдат-подросток.

Многолетние гражданские войны имели место в Анголе (1961—1975), Бурунди (1993—2001), ДРК/Заире (1960—1965; 1996—1997; 1998—2002), Конго (Браззавиль — 1994; 1997), Кот-д’Ивуаре (2002—2007), Либерии (1987—2003), Мозамбике (1975—1992), Нигерии (1967—1970), Руанде (1990—1996), Судане (1983—2005), Чаде (1965—1990), Эфиопии (1962—1991, 1998—2000). Самыми жестокими и кровопролитными оказались те, что возникли на почве межэтнических конфликтов. Такого в Северной Африке не наблюдалось.

Представление о политической нестабильности в государствах субсахарской Африки будет неполным, если не вспомнить о бесчисленных государственных переворотах, чередующихся с периодически проводимыми парламентско-президентскими выборами, которые, однако, не мешают некоторым особо удачливым президентам оставаться у власти в течение нескольких legislatur.

В силу цивилизационной специфики обществ Тропической Африки — архаичности социокультурных основ общества и слабости универсалистских (надлокальных, всеобщих) начал социального единства, государственные перевороты порождались здесь чаще всего этнополитическими причинами и практически никогда собственно социальными. И еще одна особенность того же плана — едва ли не во всех тамошних конфликтах наших дней отсутствует религиозный фактор социально-политической нестабильности. Религиозный фактор не сыграл никакой роли в многолетней войне в регионе Великих африканских озер. На территории ДРК она развернулась в восточных районах страны, примыкающих к оз. Танганьика. Значительная часть конголезских мусульман (около 50% их общей численности) живет именно в этом регионе, на плато Маниема (смежные территории административных областей Киву и Катанга) и говорит на местном диалекте киссуахили. Второй район расселения конголезских мусульман — Западное Киву, а также города Увира, Физи, Гома, Валикале. Мусульмане живут и в юго-восточной части области Верхний Заир, главным образом в городах Кисангани, Убунду, Бафвасен. Однако, несмотря на высокую концентрацию мусульманского населения на тер-

ритории военных действий, воздействие исламского фактора здесь не прослеживалось.

Цивилизационное своеобразие Тропической Африки проявляется и в том, как здесь действуют факторы социальной деградации, которые можно отнести к основным причинам арабских революций 2011 г.: коррумпированность власти, непомерная социальная дифференциация общества, запредельно высокий уровень безработицы, проблема самореализации молодежи, воздействие роста цен на продукты питания и предметы первой необходимости, отсутствие демократических прав и свобод.

По каждой из этих позиций мы обнаруживаем своеобразие обществ и культур Тропической Африки.

Коррупция. По мнению В.В. Бочарова, как явление политической культуры коррупция возникла в восточных обществах на стадии «вождества» — наиболее раннего политического образования.

На последней стадии существования колониальной системы и в полной мере уже в постколониальный период в Тропической Африке сложилась коррупция «нового» типа. Сошлюсь в ее оценке на монографию профессора Питсбургского университета (США) Д. Дж. Гоулда «Бюрократическая коррупция и слаборазвитость в «третьем» мире» (на примере Заира), изданную в 1980 г., но не утратившую значимости по сей день.

Исследование комплекса вопросов, связанных с возникновением и распространением социального феномена коррупции, приводит Д. Дж. Гоулда к выводу о непосредственном и пагубном ее воздействии на экономическое развитие освободившихся государств. Носитель этого феномена — бюрократия, а в более широком смысле вся местная буржуазия — порожден проникновением в традиционное общество капиталистических отношений. Но сама эта буржуазия не стимулирует национальное производство, а, напротив, осуществляет «антипроизводство», вкладывая свои накопления в иностранные банки, предметы роскоши. Установившиеся между национальной бюрократической буржуазией и народными массами отношения «бюрократического и политического клиентелизма»

стали причиной резкого снижения жизненного уровня населения, создали обстановку, чреватую взрывом, опасным для существования самого режима. Гоулд полагает, что «коррупция и слаборазвитость — диалектически взаимосвязанные компоненты процесса развития периферийного капиталистического способа производства», что «капитализм — главная причина коррупции в освободившихся странах» и что «коррупция, в свою очередь, является определяющим фактором воспроизводства отношений зависимости и эксплуатации, которые в основном характеризуют слаборазвитость».

Безработица — явление в Тропической Африке повсеместное, но не побуждающее население к бунту. Пропась между богатыми и бедными известна каждому, здесь она на порядок глубже, чем в арабском мире, но не осознается как основание социального протеста.

Проблема самореализации молодежи решается для самых активных путем эмиграции самых активных в Европу или Америку, а основной частью молодежи воспринимается как неизбежность. Наконец, проблема демократических прав и свобод массе сельского населения просто не знакома, а в городах вполне снимается возможностью читать прессу разной политической направленности, получать желаемую информацию из интернета и СМИ, митинговать, даже бунтовать и участвовать в уличных манифестациях и беспорядках.

Глава XVIII

МАРОККО: СЕКРЕТ «УСТОЙЧИВОСТИ»

В отличие от ряда арабских стран, где начало 2011 г. ознаменовалось социальными и политическими потрясениями, Марокко вполне благополучно пережило «полосу турбулентности». При том, что по своим социально-экономическим показателям, среднему возрасту и уровню жизни населения и распространению коррупции королевство отнюдь не выделяется из средних рядов арабского регионального сообщества. (В первой половине 2000-х годов, по данным Всемирного банка, сред-

негодовой прирост ВВП Марокко составлял 4,1%, ежегодный прирост населения 1,5%, безработица 11—12% трудоспособного населения.) Не обошли эту страну Магриба и такие типичные для современных арабских обществ проблемы, как слабо контролируемый демографический рост, скрытая безработица, слабая эффективность системы образования, жилищный кризис. Тем не менее, «порог устойчивости» марокканского общества к этим общественным раздражителям оказался значительно выше, чем в Тунисе, Алжире или Египте.

Действие кризисных тенденций, присущих развитию разных арабских стран, в Марокко ослабляется или нейтрализуется рядом факторов, отражающих специфику правящего режима в этой стране и результаты проводимой им внутренней политики.

Прежде всего, в последние годы (уже при Мухаммаде VI, вступившем на престол в 1999 г.) марокканские власти проводили довольно действенную социальную политику, дотируя цены на продукты первой необходимости и природный газ. В 2010 г. правительство потратило на эти цели 15 млрд. дирхамов (1,4 млрд. евро). В 2011 г. планируется увеличить финансирование этих статей бюджета до 17 млрд. дирхамов (1,5 млрд. евро). В Марокко относительно свободно развивается сфера микрофинансирования малого и среднего бизнеса, что также ослабляет негативные социальные последствия безработицы. В 2005—2010 гг. была развернута Национальная инициатива гуманитарного развития (НИГР) — программа борьбы с бедностью, нацеленная на помощь местным общинам в разработке и осуществлении их собственных проектов совершенствования «малой экономики». Воплощение этого плана с совокупными затратами в 1,6 млрд. евро осуществлялось силами министерства внутренних дел, которое в Марокко отвечает как за местное управление, так и за внутреннюю безопасность. В рамках Национальной инициативы в среднем в год поддерживались 700—800 проектов, главным образом сельских. Программа также предусматривала помощь в благоустройстве и развитии экономической деятельности в 250 наиболее бедных городских кварталах страны. В целом же до 2010 г. при

содействии НИГР так или иначе были улучшены жизненные условия 5 млн. марокканцев. Все эти меры направлены как на смягчение социальных противоречий, так и на подрыв позиций исламских радикалов, использующих недовольство городских низов в своих целях.

Менее актуальна для Марокко и проблема, чрезвычайно остро стоящая в Египте и Тунисе и постоянно провоцирующая разочарование у молодой части населения, — ежегодный приток на рынок труда дипломированных специалистов, заканчивающих вузы и не находящих работы. В Марокко общий уровень образованности населения относительно низок (в городах, по разным оценкам, полностью неграмотны 35—40% жителей, на селе — 70—75%), поэтому предложение услуг дипломированных специалистов на рынке труда в целом ненамного превышает спрос на них.

Значительный вклад в марокканскую стабильность вносит и намного более высокая, чем в арабских республиках, легитимность верховной власти. Как и в Иордании, в Марокко правят потомки пророка Мухаммада (*шерифы*). Однако трансйорданская (ныне иорданская) монархия была создана только в 1921 г. путем предоставления британскими властями учрежденного в Аммане престола пришельцу из Хиджаза Абдаллаху ибн Хусейну аль-Хашими. В Марокко же шерифский опыт правления насчитывает века. Первая шерифская династия Идрисидов управляла этой страной, точнее, ее северной частью, в 788—974 гг. На излете средневековья к власти пришли шерифы-Са'адида (1511—1659 гг.), параллельно с последними из них в 1631 г. начали свое правление шерифы — Алауиты, правящие в Марокко по сей день. Король Марокко, по конституции являющийся «повелителем правоверных», представляет собой высший морально-духовный авторитет для своих подданных, и попытки умалить достоинства монарха в этой сфере не приведут к успеху ни одну оппозиционную силу. В то же время традиция марокканского правительства (*махзена*) веками строилась — при относительной слабости военной мощи государства — на искусном закулисном руководстве городскими элитами и крупными племенными союзами, а также

на маневрировании между западными державами. Здесь король представляет собой своего рода «брокера на бирже интересов», повсеместно признанного третейского арбитра, наделенного божественной благодатью (*баракой*). Эти архаические черты марокканской монархии и сегодня сообщают политической системе Марокко высокую прочность и гибкость. К тому же в современной марокканской монархии патернализм королевской власти снабжен развитыми парламентскими институтами и вполне реальной многопартийностью, которая отсутствовала почти во всех арабских республиках. Как в Тунисе, так и в Египте властная монополия правящих партий, соответственно Демократического конституционного объединения (ДКО) и Национально-демократической партии (НДП), лишь слегка прикрывалась наличием легальных оппозиционных партий, совокупно не набравших на парламентских выборах и 20—25% голосов. Результаты выборов 2002-м и 2007 г. в марокканский парламент, напротив, показывают расслоение симпатий избирателей и демонстрируют признаки сложной политической игры королевского махзена как со старыми националистически-почвенническими партиями (Истикляль), так и с левыми силами (Социалистический союз народных сил) и умеренными исламистами (Партия справедливости и развития). Существование же «единственной правящей партии» запрещено в особой статье конституции страны. Таким образом, у власти в Марокко стоит высоколегитимная клановая сила (более могущественная, чем свергнутые олигархические «клан Мубарака» в Египте и «клан Бен Али — Трабелси» в Тунисе). Эта сила способна поделиться властью и ресурсами с теми, кто ей необходим, имея своеобразный «громоотвод» общественного разочарования — подчиненное дворцу правительство, которое служит объектом общественной критики, в отличие от священной королевской персоны. Подобная конфигурация власти имеет важное значение с учетом высказанных Мухаммадом VI в июне 2011 г. предложений о передаче ряда его традиционных полномочий марокканскому парламенту и правительству. Неприкосновенность же личности ряда арабских президентов, равно как и их авторитет у населения, как показали недавние события, оказались отнюдь не безупречны.

Стабильность марокканской монархии позволяет лучше понять непосредственные причины «арабских революций». Представляется, что главной из них явилась идейно-политическая дряхлость и тупиковый характер идеологических усилий египетского, тунисского и йеменского режимов, оказавшихся за многие годы неспособными решить текущие проблемы в своих странах или представить населению «образ будущего». Ни Хосни Мубарак, ни Зин аль-Абидин бен Али, ни Абдаллах Салех не решились на проведение стратегических реформ в экономической и политической сфере, породив за долгие годы пребывания у власти в своих странах своеобразный аналог «брежневско-го застоя» в СССР. Преклонный возраст этих лидеров, отсутствие внятных перспектив развития и публично объявленные планы передачи власти родственникам вызвали в Египте, Тунисе и Йемене не столько действительный социальный взрыв, сколько кратковременную, но бурную разрядку общественного напряжения (особенно у молодежи), приведшую к смене власти. Причины событий в каждой из этих стран специфичны. Сравнительно модернизированные Египет и Тунис нельзя сопоставлять с архаичным Йеменом. К тому же на общественно-политическую обстановку в Йемене оказывает сильнейшее влияние традиционная конкуренция племенных и городских элит севера и юга страны, что не раз выражалось в попытках сецессии юга. Сейчас Йемен стоит на пороге гражданской войны.

В марокканских же условиях глава государства сравнительно молод (родился в 1963 г.), энергичен, спортивен, много перемещается по стране и общается с населением, выступает с политическими и социально-экономическими инициативами, в силу чего его образ сохраняет популярность, в том числе среди молодых марокканцев. Ставка короля и его окружения на технократические кадры в правительстве и политические реформы, наряду с привычной патриархальной опекой населения и неформальным посредничеством махзена между партиями и региональными элитами, пока оказываются достаточно действенным фактором внутренней устойчивости в Марокко. Время покажет, насколько успешно алауитский престол сможет распорядиться этими преимуществами на фоне недавних «арабских событий».

Глава XIX

КРИЗИС В СВЕТЕ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ, КИТАЯ И АФРИКИ

Говоря о причинах и последствиях кризисных ситуаций в странах Северной Африки, прежде всего обращают внимание на нефтяные рынки региона, где сталкиваются интересы многих стран мира. На долю 4 стран — Нигерии, Анголы, Ливии и Алжира — приходится 76% африканской добычи нефти.

Ливия, где имеются 300 нефтяных месторождений, занимает 1-е место в Африке по доказанным запасам нефти (по данным ОПЕК, в 2009 г. — 46,422 млрд. баррелей); добыча составляет 1,6 млн. баррелей в день, экспорт — 1,1 млн. б/д. По оценкам, 32% ливийской нефти идет в Италию, 14% — в Германию, 10% — во Францию, 10% — в Китай, 5% — в США. Запасы природного газа в Ливии — 1,5 трлн. куб. м (4-е место в Африке).

Стоит напомнить и о том, что Муамар Каддафи, возглавивший в 1969 г. группу офицеров, свергнувших короля Идриса I, в 1970 г. добился не только вывода с ливийской территории американских и английских военных баз, но и поставил под контроль страны добычу нефти и газа, ущемив тем самым интересы западных нефтяных компаний. Не случайно в этой связи, что режим Каддафи с самого начала стал объектом давления со стороны США и Великобритании. Впрочем, с середины 80-х западные компании вновь стали укреплять свои позиции в Ливии. Почти вся добыча природного газа и 1/3 добычи нефти оказались в руках итальянских («Эни» и «Аджип») и испанских («Рапсоль») компаний, поставлявших ливийские энергоресурсы в Европу.

В настоящее время добыча нефти в Ливии сократилась с 1,6 до 0,5—1 млн. б/д. Иностранные компании эвакуируют своих сотрудников, приостанавливают деятельность. Цены на нефть растут, и последствия этого роста могут быть негативными не только для стран-импортеров нефти, но и для стран, располагающих запасами нефти, в т.ч. для России.

Эксперты считают, что, хотя российские компании выиграют от роста цен на нефть, Россия затем начнет нести убытки из-за ухудшения экономической ситуации в странах Европы. Последние будут вынуждены снижать объемы закупок нефти и искать альтернативные виды топлива.

После снятия 12 сентября 2003 г. санкций СБ ООН правительство Ливии выдало более 50 разрешений на поисково-разведывательные работы свыше 40 компаниям, в числе которых — российские и китайские. Российские компании уже со второй половины 90-х гг. прошлого века стали принимать меры по расширению географических рамок своей деятельности за счет организации добычи нефти в более благоприятных регионах за пределами страны. В аннотации результатов анализа ключевых нефтегазодобывающих стран Африки, проведенного московским представительством дочерней компании «Лукойл Холдинг» — «Лукойл Оверсиз Сервис Лтд», отмечалось, что Северная Африка соответствует принятым в стратегическом бизнес-плане компании критериям стратегического региона, а Ливия рекомендуется как наиболее подходящая страна региона для деятельности компании.

Ливия — основная африканская страна деятельности компании «Лукойл», имеющей здесь представительство и участвовавшей во всех тендерах на право разведки и разработки лицензионных блоков. В стране работала также «Татнефть», получившая в 2006 г. 3 из 14 выставленных на торги контрактов на разработку нефтяных месторождений «Гадамес» и «Сирт». Следует заметить, что в тендере участвовали, в общей сложности, 23 фирмы из 15 стран, в т.ч. такие гиганты, как «Шеврон» и «Эксон-Мобил».

Успехов в Ливии добился и «Газпром», реализующий 10 программ во всех четырех ключевых нефтепроизводящих странах Африки. В 2006—2007 гг. он выиграл ряд тендеров на разработку нефтяных месторождений на шельфе Средиземного моря. «Газпром» и итальянская «Эни» подписали соглашение о совместной разработке крупных запасов газа на севере страны (проект «Элефант»). Мало того, по соглашению, заключенному в 2008 г. с Ливийским инвестиционным фондом, «Газпром» получил возможность осуществлять совместные проек-

ты в третьих странах Африки. Западные и арабские аналитики предсказывают, что в случае смены режима передел нефтегазовых богатств Ливии будет не в пользу России.

Кроме того, Ливия — один из самых крупных покупателей российского оружия. Крупный пакет оружейных контрактов стоимостью 1,3 млрд. евро был подписан в январе 2010 г. во время визита в Москву министра обороны Ливии Юниса Джабера. Был согласован и готов к подписанию контракт на поставки в Ливию по разным источникам от 12 до 15 истребителей стоимостью 800 млн. долл. С введением санкций ООН, предусматривающих запрет на торговлю оружием, все контракты приостановлены на неопределенный срок. По оценкам специалистов, общие потери России от сокращения оружейного экспорта в Ливию составят около 4 млрд. долл. Впрочем, по словам руководителя «Рособоронэкспорта» А.Исайкина, поскольку контракты не вступили в силу, можно говорить лишь об упущенной выгоде в несколько миллиардов долларов.

Россия имела в Ливии контракт на строительство железной дороги, судьба которого пока неясна. Контракт, заключенный 17 апреля 2008 г. ОАО «Российские железные дороги» (РЖД) — компанией, выигравшей тендер на строительство, и Управлением по реализации железнодорожных проектов Ливии предусматривал, что железнодорожная линия Сирт — Бенгази пройдет вдоль побережья Средиземного моря, соединит крупные города и станет частью международного транспортного коридора на севере Африки. На момент эвакуации компания находилась на стадии перехода к осуществлению основных работ.

Еще более значительны экономические интересы Китая в Ливии. По статистике Министерства коммерции КНР, в страну инвестировали 75 китайских компаний (в т.ч. 13 государственных); реализовывались 50 крупномасштабных проектов в сферах добычи нефти, железнодорожного и гражданского строительства, телекоммуникаций; были заняты почти 36 тыс. китайских рабочих. С началом вооруженных столкновений многие проекты были приостановлены. Государственная инженерно-строительная корпорация Китая заявила об угрозе срыва 20 строительных проектов, стоимостью \$2,68 млрд. (лишь

половина проектов закончена). Корпорация железнодорожного строительства оставила незавершенными проекты стоимостью \$4,24 млрд., Государственная металлургическая компания также была вынуждена оставить незавершенными 2 проекта.

Уже в первую неделю с начала вооруженных столкновений 27 китайских служебных и жилых зданий подверглись нападениям мятежников и были разграблены, у работников отбирали строительную технику и офисное оборудование, деньги. 15 китайских рабочих были серьезно ранены. В этих условиях Пекин принял срочные меры по эвакуации своих граждан. В ходе этой самой крупной и сложной операции с момента создания КНР в 1949 г. из Ливии были вывезены 35 860 человек. По заявлениям пекинских официальных лиц, Китай не намерен посылать своих людей и возобновлять операции, пока ситуация в Ливии не стабилизируется.

Китайское руководство признало, что если 20 лет назад перемены в Африке мало отражались на Китае, сейчас ситуация изменилась. Китай стал крупным инвестором в страны Африки; по объему торговли с ними он опередил США. В силу растущей вовлеченности Китая в дела Африки события на континенте непосредственно затрагивают его интересы. Что же касается кризисной ситуации в Ливии, то, как заявил в интервью газете «Хуаньцю шибао» бывший посол КНР в Египте, Тунисе, Алжире и Ливане Ань Хуэйхоу, она чревата для Пекина серьезными проблемами.

С началом гражданской войны нефтяной экспорт Ливии был почти полностью парализован, а цена на нефть превысила \$100 долл. за баррель. Если ситуация не стабилизируется, цена поднимется еще выше. А поскольку Китай импортирует около 50% потребляемой им нефти, причем более половины этих поставок — из стран Ближнего Востока, рост цен негативно повлияет на китайскую экономику, — заявил бывший посол. Согласно данным Китайской национальной нефтяной корпорации (CNPC), Китай импортировал из Ливии около 7 млн. т нефти в год, что составляло 3% общего объема импортируемой им нефти. По данным китайских СМИ, предприятия и компании, вкладывавшие средства в сырьевые ресурсы, а также в инфраструктуру, понесли серьезные убытки.

«США и Иран активно пытаются оказать влияние на данный регион, — заявил Ань Хуэйхоу. — Китай же не вмешивается во внутренние дела стран региона, и данная позиция является последовательной китайской позицией». «Поскольку мы не вмешиваемся в происходящее, мы не вступаем в конфликт с интересами арабских стран и имеем взаимовыгодные экономические связи с ними», а потому «неважно, сколько продлится беспорядки и какие силы победят в итоге, наше дружественное сотрудничество с арабскими странами не подвергнется серьезной угрозе». Будущую роль Китая в регионе посол охарактеризовал как «роль миротворческой, стабилизирующей и готовой к взаимному сотрудничеству силы», подчеркнув при этом, что «Китай не должен и не будет вмешиваться во внутренние дела ближневосточных стран, несмотря на свою зависимость от поставок нефти из этого региона».

Вместе с тем, события в Ливии показали уязвимость позиции Китая. С одной стороны, они подтвердили наметившуюся в последние годы тенденцию поиска Китаем путей сотрудничества со странами Запада на Африканском континенте, сменившую период идеологического противоборства и взаимных нападок. Как говорилось в редакционной статье газеты «Хуаньцю шибао» от 9 февраля 2011 г., озаглавленной «Африка может стать центром сотрудничества», «ряд событий в Африке выявил сильное влияние Запада на этот регион и одновременно продемонстрировал всему миру, что соревнование между Китаем и Западом на международной арене является не столь серьезным, как о нем говорят, а китайско-европейская или китайско-американская конкуренция в некоторых регионах полностью отличается от той, которая имела место в прошлом между США, Европой и СССР». Так что «события в Северной Африке предоставляют Китаю и Западу пространство для сотрудничества»; при этом Китаю следует отдавать себе отчет в том, что «вмешательство Запада в дела региона не только чревато рисками, но и несет с собой выгоды».

Следует заметить, что позиция, занятая Китаем при обсуждении резолюции СБ ООН 1973 (Китай вместе с Россией и Германией воздержался при голосовании), вольное толкова-

ние которой странами Запада способствовало эскалации насилия и привело к жертвам среди мирного населения, подверглась критике в Африке. С одной стороны, сторонники Каддафи выражали благодарность Китаю за то, что он не одобрил резолюцию. С другой стороны, они выражали сожаление по поводу того, что Китай не рискнул наложить вето на эту резолюцию, что помешало бы бомбардировкам Триполи силами НАТО. «Сдержанность» руководства КНР, не сумевшего или не захотевшего помешать западным бомбардировкам Ливии, послужила поводом для заявлений африканцев о том, что кризис в Ливии подорвал доверие к Китаю в Африке. «Новые возникающие державы спешат делать бизнес в Африке и сохраняют спокойствие перед лицом массовых убийств», говорилось, к примеру, в одной из статей в африканской печати.

Однако продолжающиеся бомбардировки Триполи силами НАТО и рост числа жертв среди мирного населения побудили китайское руководство занять более решительную позицию в отношении действий Запада. Резкое заявление о недопустимости действий, приводящих к гибели ни в чем не повинных граждан, сделал, в частности, постоянный представитель Китая в ООН Ли Баодун. Китай призвал незамедлительно прекратить бомбардировки и выразил надежду, что международное сообщество найдет политические средства решения ливийского кризиса.

С требованием прекратить военные действия сил НАТО выступила на брифинге для прессы секретарь МИД КНР Цзян Юй. При этом, как писала «Нью-Йорк тайме», «реакция Китая на военную кампанию оказалась самой сильной: Китай предупредил, что продолжение кампании может привести к гуманитарной катастрофе». Пекинская «Пиплс дейли» назвала резолюцию ООН «прикрытием намерений Запада установить свою гегемонию», а ежедневник «Глобал тайме» (выходящий в Пекине под эгидой «Пиплс Дейли») призвал наказать западные государства за «злоупотребление» резолюцией ООН.

Как писал «Глобал тайме» в статье «Ливийский кризис испытывает на прочность гибкую дипломатию Китая», оппозиционеры выражали недовольство по поводу того, что Ки-

тай воздерживается от признания нового режима и не спешит оказывать ему помощь. Между тем, по мнению газеты, мятежников признали в качестве легитимного правительства лишь страны, осуществляющие вооруженные акции в отношении режима Каддафи: признание законности мятежников необходимо им для оправдания военной интервенции».

Когда 1 мая в результате налета на Триполи погибли младший сын Каддафи и трое его внуков, Китай выступил с требованием положить конец действиям, совершаемым без санкции СБ ООН. «Мы надеемся, что все стороны немедленно прекратят огонь и решат кризис мирным путем, с помощью диалога и переговоров», — заявила спикер Министерства иностранных дел КНР Цзян Юй. А китайская «Пиплс дейли» вновь напомнила о западных «двойных стандартах».

Как известно, Россия воздержалась при голосовании резолюции 1973 Совбеза ООН. А в марте 2011 г. в связи с принятием СБ ООН 26 февраля резолюции, предусматривающей применение ряда ограничений в отношении Ливии, президент Д. Медведев подписал указ, запрещающий Каддафи и его семье въезд в Россию, а также осуществление финансовых операций с находящимися в их собственности или под их контролем денежными средствами, финансовыми активами и экономическими ресурсами на территории России.

Но скоро стало ясно, что страны НАТО вышли за пределы мандата ООН. Это побудило российское руководство подвергнуть критике действия западной коалиции. Первым это сделал российский премьер В. Путин, сравнивший операцию сил НАТО со «средневековым крестовым походом». А президент Д. Медведев, находясь на саммите БРИКС в Китае, обвинил НАТО в превышении полномочий по резолюции 1973 и выразил глубокую озабоченность в связи с событиями в Ливии и гибелью мирного населения. Заявление, содержащее требование прекратить огонь, сделала Государственная Дума РФ. По данным ВЦИОМ, против военной интервенции в Ливии выступили 62% российских респондентов.

В июне 2011 г. в Кремле прошли переговоры Д. Медведева и Ху Цзиньтао. Итогом встречи стало совместное заяв-

ление России и Китая, содержавшее оценку событий в странах Ближнего Востока и Северной Африки, где говорилось, что «внешние силы не должны вмешиваться во внутренние процессы в странах региона» и содержался призыв к прекращению огня в Ливии и неукоснительному соблюдению всеми вовлеченными в конфликт сторонами резолюций СБ ООН 1970 и 1973. При этом было указано на недопустимость произвольного толкования и расширенного применения этих резолюций. Вместе с тем Россия, как и Китай, попыталась взять на себя посреднические функции. В Ливию был направлен спецпредставитель президента России по Африке М. Маргелов. Он встретился с лидером Переходного национального совета Махмудом Джабрилем и сделал попытку встретиться с Каддафи, который, однако, отказался его принять. Тем не менее, ему удалось провести переговоры с представителями действующего режима. Как заявил в интервью телеканалу «Россия 24» министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, «мы не берем на себя главную роль. Спецпредставитель президента по Африке М. Маргелов контактировал со всеми сторонами, но в контексте миротворческих усилий Африканского Союза (АС)».

В интервью «Газете.Ру» политолог А.Коновалов заявил, что Россия и Китай, не решившиеся наложить вето на резолюцию СБ 1973, пытаются сделать шаг назад, чтобы сохранить популярность и поддержку в исламском мире. Заметив, что резолюция эта была принята поспешно, он выразил надежду, что в следующий раз оба государства проявят осторожность в аналогичной ситуации. По мнению эксперта Санкт-Петербургского центра изучения современного Ближнего Востока Гумера Исаева, в резолюции содержался ряд странных формулировок, даже с юридической точки зрения, и было понятно, что страны ЕС заранее решили, что будут действовать жестко.

Однако руководство западных стран старательно не замечает негативной реакции на его действия Китая и России, что побуждает политологов высказывать мнение, что за борьбой НАТО с Каддафи стоит стремление США и их союзников вытеснить Китай и Россию из Средиземноморья.

Несомненный интерес представляет в этой связи заявление заместителя министра финансов США при президенте Рейгане, республиканца Пола Крейга Робертса о том, что попытки США свергнуть Каддафи в Ливии и Асада в Сирии продиктованы их желанием вытеснить Россию и Китай из Средиземноморья. «Китай осуществляет масштабные инвестиции в энергетический сектор Ливии и рассчитывает на нее в плане своих энергетических нужд,— сказал он. — И дело не только в нефти, но и в китайской экспансии в Африку в целом». Ссылаясь на прогноз МВФ, согласно которому в ближайшие 5 лет китайская экономика обгонит американскую, поскольку ВВП Китая составит к тому времени 19 трлн. долл., а ВВП США — 18,8 трлн., бывший министр полагает, что Вашингтон пытается использовать свои военно-стратегические возможности, чтобы затормозить развитие китайской экономики. «Это основная причина активности ЦРУ на востоке Ливии...»

Дипломатическая изоляция Ливии не была единственной причиной военной интервенции, считает Роберте. Основная причина — выгнать из Ливии Китай, что и происходит. Кроме того, это расплата Каддафи за его отказ присоединиться к АФРИКОМ, который явился американским ответом на экспансию Китая в Африку». Что же касается Сирии, то у России здесь имеется военно-морская база, а, значит, события в Сирии направлены и против нее. «Мы вступаем в конфликт с двумя крупными государствами — Китаем, чья экономика, вероятно, лучше американской, и Россией, у которой есть мощный ядерный арсенал. Мы начинаем давить на очень сильные страны, — считает Роберте. — Вероятно, самый большой риск, причем риск игнорируемый, это отношение Китая. Китайские компании теряют сотни миллионов долларов в результате этой интервенции. Китай четко воспринимает вмешательство как акт агрессии против него».

Вмешательство стран Запада и НАТО в ливийский конфликт вызвало резко отрицательную реакцию в большинстве стран Африки. В откликах на события в Ливии говорилось, что речь может идти о стремлении участников военной акции разделить территорию страны, чтобы обеспечить себе доступ к обширным нефтяным ресурсам; причем в роли «застрельщи-

ка» этого курса выступают французские военные, политики и истеблишмент, не только первыми признавшие переходное правительство в Бенгази, но и настойчиво продолжающие военные действия даже перед лицом оппозиции со стороны других членов НАТО, таких, как Германия, Греция, Испания, Турция.

Появились блоги, в которых африканцы призывают Африканский Союз (АС) проявить большую решимость в своих инициативах и воздействовать на страны БРИКС, убеждая их оказывать давление на Совет Безопасности с тем, чтобы он прекратил действие мандата, поскольку Франция, Великобритания и США вышли за его рамки, и заменить НАТО миротворцами АС, которые «не озабочены нефтяными интересами». В Африке раздаются призывы к России и Китаю как к постоянным членам СБ, а также к непостоянным членам — Бразилии, Нигерии и ЮАР действовать коллективно, чтобы положить конец бомбежкам. «Если Каддафи должен оставить свой пост, поскольку он угнетает ливийский народ, это задача самих ливийцев», — считают африканцы. Блоггеры выражают разочарование действиями АС в отношении ливийского кризиса, считая, что Афросоюз устранился в тот момент, когда была нужна ясность и способность противостоять интервенции. Они задают вопросы: «Где африканские лидеры?», «Где АС, почему он не помогает ливийскому народу?». И даже: «Можем ли мы доверять АС?»

Решительную позицию в отношении действий сил НАТО заняло ведущее государство континента и новый член БРИКС — Южная Африка. Хотя в начале конфликта ЮАР поддержала резолюцию 1973, президент страны Джейкоб Зума подверг резкой критике действия коалиции, призвав немедленно прекратить огонь и положить конец интервенции, в какой бы форме она ни осуществлялась.

Вместе с тем, Африканский Союз, хотя и с опозданием, проявил озабоченность ситуацией в Ливии. Озабоченность эта обусловлена многими причинами. Во-первых, Афросоюз выразил недовольство по поводу отношения ливийской оппозиции к африканцам, работавшим в Ливии: их называли предателями и подвергли преследованиям. Кроме того, африканцы выражают опасения по поводу того, что пожар может перекинуться на страны южнее Сахары. По мнению аналитиков, кон-

фликт в Ливии способен создать кризисную ситуацию в районе центральной Сахары и Сахеля.

Дело в том, что волны беженцев, устремившиеся на юг от Сахары, осложнили и без того нелегкую экономическую ситуацию в регионе. К тому же туареги, входящие в состав вооруженных сил Каддафи, могут представить в случае крушения его режима вооруженную и обученную, но не имеющую заработка массу людей, что, безусловно, усугубит политическую нестабильность в регионе. Сахара, отмечают аналитики, уже и так является регионом нестабильности. Здесь, в частности, действует региональная ветвь «Аль-Каиды», известная как «Аль-Каида исламского Магриба», и нередки случаи похищения ее членами рабочих и туристов. Здесь также присутствует наркотрафик: осуществляются поставки кокаина из Южной Америки в Европу.

Когда Франция организовала встречу в Париже перед началом бомбардировок, глава Африканской комиссии Жан Пинг отказался в ней участвовать, в то время как Лига арабских государств (ЛАГ) поддержала эту встречу. Однако после начала бомбардировок руководство Лиги изменило свою позицию, подвергнув критике действия НАТО. Тогдашний Генсек ЛАГ Амр Муса заявил, что коалиция превысила свои полномочия: «Происходящее не соответствует целям, ради которых устанавливалась бесполетная зона. Мы хотим защитить мирных жителей, а не бомбить их». Лишь Катар и ОАЭ оказали поддержку силам коалиции.

С целью найти выход из кризисной ситуации Совет мира и безопасности АС направил в апреле свою миссию в Ливию, предложив план урегулирования конфликта, включавший прекращение военных действий, бомбардировок, создание коридора безопасности для гуманитарной помощи, переговоры. Делегация в составе, Джекоба Зумы, Сассу-Нгессо (Конго), Амаду Тумани (Мали), Жана Пинга и других африканских государственных деятелей встретила с представителями переходного правительства в Бенгази, которые отвергли мирный план АС, поскольку он не включал требование немедленного ухода Каддафи.

Тем не менее, Африканский Союз активизирует усилия с целью добиться мирного разрешения конфликта. Он принял «дорожную карту», в которую вносятся коррективы. На двухдневном 17-м саммите АС в Малабо (Экваториальная Гвинея), завершившем свою работу 1 июля 2011 г., соответствующие предложения были переданы присутствовавшим здесь представителям как ливийских властей, так и повстанцев из Бенгази. Важным решением саммита стал отказ от исполнения санкций Международного уголовного суда, выдавшего ордер на арест М. Каддафи.

Эксперты полагают, что НАТО ищет пути выхода из сложившейся ситуации, который позволил бы организации «сохранить лицо». Надежды на быстрое изменение политической ситуации в стране не оправдались. Президент Франции Н. Саркози откровенно признал «марионеточность» Переходного национального совета, подтвердив зависимость его от Франции. Италия отзывает свой авианосец «Тариб» от берегов Ливии. Лондонский «Телеграф» опубликовал статью о военных действиях европейских стран в Ливии под красноречивым названием: «Кампания, построенная на песке».

В этой ситуации «соломинкой», за которую пытается ухватиться Запад, является попытка заставить Каддафи уйти. А поскольку сам он сделать это не в состоянии, предпринимаются попытки использовать Россию, чье влияние на арабский мир сохранилось с советских времен. В статье «Что дадут России ливийские мятежники» в газете «Правда.Ру» С. Балмасов, отвечая на вопрос: что может получить Россия в случае прихода к власти Переходного национального совета, ссылается на опыт американской агрессии против Ирака и справедливо замечает: «Запад не для того начал агрессию против суверенной страны, чтобы положить выгодные контракты к ногам России».

Между тем, ситуация в Ливии сохраняет напряженность: в ходе продолжающихся бомбардировок гибнут мирные жители. НАТО готовится к наземной операции, целью которой, как полагают эксперты, является физическое уничтожение Каддафи. Под угрозой — население Ливии и соседних с ней африканских стран, в проигрыше — Африка в целом, а также Россия, Китай и вся мировая общественность.

Глава XX

«АРАБСКАЯ ВЕСНА» И ТРАНСГРАНИЧНАЯ МИГРАЦИЯ

Волна революций в странах Северной Африки и Ближнего Востока изменила характер и траекторию многих глобальных процессов, в том числе объемы, характер и направленность трансграничной миграции. Сегодня жители европейских государств весьма обеспокоены перспективой неуправляемого притока беженцев из государств, охваченных революционными событиями. Прибытие 25 тысяч тунисцев на итальянский остров Липмедуза стало не только катастрофой для местных жителей, но и послужило толчком к возможному пересмотру Шенгенских соглашений.

Масла в огонь добавил и покойный полковник М. Каддафи, который пугал европейцев перспективой притока сотен тысяч нелегальных мигрантов из Западной и Восточной Африки в случае своего ухода с поста главы государства. Действительно, на протяжении последних двух десятилетий именно Ливия играла роль основного миграционного буфера между Европой и Субтропической Африкой, регулируя и абсорбируя значительную часть африканских переселенцев. И ответы на вопросы, куда направятся более 2 млн. арабских и африканских мигрантов из Ливии, как повлияют события в арабском регионе на трансграничную африканскую миграцию в целом, как изменится миграционная политика стран ЕС и самих африканских государств занимает умы не только политиков и бизнесменов, но и ученых.

Для объективной оценки перспектив и направленности миграционных потоков из стран Северной Африки и государств к югу от Сахары, следует, на наш взгляд, проанализировать не только текущую ситуацию в регионе, но и рассмотреть предпосылки, а также количественные и качественные характеристики африканской трансграничной миграции.

Международная миграция рабочей силы — одна из ключевых понятий в современную эпоху глобализации. Переме-

щения рабочей силы между странами, обусловленные структурными сдвигами в экономике и переливами инвестиций, связывают национальные трудовые рынки в единый рынок, дополняя движение товаров и услуг в рамках создаваемого общего экономического пространства. Развитие процессов глобализации постоянно усиливает миграционные потоки.

По данным ООН, к 2010 г. общее число международных мигрантов, т.е. лиц, проживающих за пределами стран происхождения, превысило 200 млн. человек, более чем удвоившись за последние 30 лет, и равнялось примерно 3% населения планеты. Современная Африка — один из регионов наиболее активной миграции людей. В 2010 г. общее число африканских эмигрантов составило 34 млн. человек или 3,7% жителей Африканского континента.

Что касается арабов, то их за пределами стран происхождения проживает сегодня 20 млн. человек. Египет, Иордания, Ливан, Марокко, Тунис и Йемен — традиционные «поставщики» мигрантов как в соседние нефте- и газодобывающие арабские государства, так и в Европу и Америку. Доля мигрантов в их населении колеблется от 5 до 20%. Крупным североафриканским экспортером рабочей силы является Египет, испытывающий хронический разрыв между ростом трудоспособного населения и созданием новых рабочих мест в египетской экономике. По оценке МОТ, в 2010 г. число египетских эмигрантов достигало 5 млн. человек. Большинство из них работало в Ливии и Саудовской Аравии, однако доля мигрантов, отправляющихся на заработки в Европу, постоянно увеличивалась. Одновременно Египет до последнего времени был главной страной-донором для суданских мигрантов: в 2010 г. их число достигало в АРЕ 2—2,5 млн. человек.

Значительны показатели оттока населения из Марокко (около 4 млн. человек), Алжира (более 2,5 млн.) и Туниса (более 1 млн.) Весьма показательно, что удельный вес желающих эмигрировать среди тунисцев в возрасте 18—25 лет самый высокий среди арабских стран. Этот показатель увеличился с 22% в 1996 г. до 76% в 2005 г. Это, на наш взгляд, косвенно свидетельствует о росте неудовлетворенности своим су-

ществованием у тунисской молодежи накануне революционных событий.

Согласно статистике ООН 60% всех мигрантов сосредоточено в развитых странах, в то время как остальные 40% перемещаются по линии Юг — Юг, т.е. из одной развивающейся страны в другую. Из них 49 млн. проживают сегодня в Азии, 16 млн. — в Африке и 6 млн. — в Латинской Америке и Карибском регионе.

В ближайшие 10—15 лет миграция из развивающихся, в том числе из африканских, стран будет увеличиваться.

В первую очередь рост миграционных потоков по линии Юг — Север связан с процессом старения населения в развитых странах, который совпадает с быстрым ростом числа жителей в развивающихся государствах. Среднегодовые темпы демографического прироста в них составляли в 2000—2010 гг. 1,6%, т.е. были в 5,3 раза выше, чем в развитых государствах. Именно развивающиеся страны обеспечивают в настоящее время 95% мирового прироста населения, а в ближайшие 25 лет их вклад достигнет 100%. При этом темпы роста населения Африки южнее Сахары сегодня существенно выше, чем в других развивающихся странах и составляют примерно 2,5% в год. Сегодня на одну африканскую женщину детородного возраста в среднем приходится 5—6 детей против 1—2 в Европе. Согласно оценкам экспертов ООН, население Африки увеличится с 1 млрд. в 2000 г. до 1,4 млрд. в 2025 г. и до 2 млрд. в 2050 г. В государствах Северной Африки темпы прироста населения в последние 10 лет были существенно ниже, чем в странах Африки южнее Сахары, и колебались от 1% в Тунисе до 1,9% в Египте. Однако пик рождаемости в этих государствах наблюдался в 1980-е гг., и сегодня самым большим сегментом населения в Египте, Тунисе, Марокко, Ливии и Алжире является молодежь в возрасте 20—25 лет.

По данным Всемирного Банка, глобальный рынок труда увеличился с 3 млрд. человек в 2004 г. до 3,4 млрд. к 2010 г. При этом в ближайшие 40 лет прогнозируется сокращение коренного населения трудоспособного возраста в большинстве развитых стран и, в первую очередь, европейских. Так, ежегодный прирост трудовых ресурсов составит 40 млн. человек, при

этом 38 млн. этого прироста будут давать развивающиеся страны и лишь 2 млн. — развитые. Чтобы компенсировать нехватку рабочих рук развитые страны будут привлекать мигрантов из развивающихся, в том числе из африканских, государств.

По оценкам экспертов ООН, количество рабочих мест, создаваемых в африканских государствах в последние 5 лет, лишь на 30—40% покрывает приток новых трудовых ресурсов. Сегодня безработица охватила, по неофициальным данным, 20—25% самодеятельного населения этих стран, при этом уровень безработицы среди молодежи в государствах Северной Африки достиг почти 50%. В этих условиях эмиграция представляется зачастую как единственное средство спасения от нищеты.

Но главной причиной трудовой миграции по линии Юг — Север продолжает оставаться неравенство доходов населения развитых и развивающихся стран. В 1975 г. среднедушевой доход в странах с высокими доходами был в 40 раз выше, чем в странах Африки, а сегодня этот разрыв еще более увеличился. Поэтому именно в эмиграции многие африканцы видят единственный способ улучшения своих жизненных условий. Денежные переводы мигрантов на родину часто становятся не только важнейшим дополнительным (а порой и основным) источником регулярных доходов для их семей, но и валютных поступлений для государства происхождения в целом. Международные организации и финансовые институты относят трансграничные переводы мигрантов к числу важных факторов развития и обеспечения финансовой стабильности целого ряда государств Азии, Африки и Латинской Америки. Объем трансграничных денежных переводов в африканские страны превысил в 2010 г. 40 млрд. долларов. Больше всего денег поступило в Североафриканский регион — 45,6% всех трансфертов. На втором месте находятся страны Западной Африки — 27% всех денежных поступлений мигрантов. Аналогичные показатели по Восточной Африке составили 15,3%, по Центральной Африке — 6,9%, а по Южноафриканскому региону — 5,1%. Что касается абсолютных величин, то по объему получения денежных переводов лидируют такие страны, как Марокко (6,1 млрд.), Алжир (5,4 млрд.), Нигерия (5,3 млрд.), Египет (3,7 млрд.) и Тунис (1,6 млрд.). Весьма примечательно, что четыре из вышепе-

речисленных стран — североафриканские, а Марокко по доле денежных переводов в ВВП (11%) занимает девятое место среди африканских государств. Марокканцы составляют сегодня существенную часть иммигрантской общины во Франции, Испании, Италии и Германии, а деньги, посылаемые ими на родину, служат одним из основных источников поступления иностранной валюты в страну.

Предприниматели развитых стран весьма заинтересованы в использовании труда иммигрантов. Это обусловлено, прежде всего, стремлением снизить производственные издержки (в частности, расходы на рабочую силу), а также с необходимостью привлечения рабочей силы в период роста производства и с дефицитом рабочих рук в производственных сферах, связанных с тяжелыми или неблагоприятными условиями труда. В эпоху глобализации снижение производственных затрат является важнейшим условием конкуренции на внутреннем и внешнем рынках. Сегодня именно в странах Европейского Союза, куда направлены основные миграционные потоки из африканских государств, издержки на рабочую силу коренного происхождения в перерасчете на один час работы примерно на 20—30% выше, чем у их основных конкурентов (США и Японии), и в 2—3 раза выше, чем у промышленно развитых государств ЮВА (Гонконг, Тайвань, Сингапур, Южная Корея), не говоря о новых центрах силы — Китае и Индии, где разрыв составляет 10—15 раз.

В последние годы все большую роль стали приобретать инфраструктурные факторы, такие, как развитие современных видов транспорта, что в значительной мере упрощает и удешевляет передвижение к «центрам благополучия» из отдаленной бедной глубинки, а также информационная революция, благодаря которой жители африканских государств получают знания о разрыве в уровне жизни между странами «золотого миллиарда» и бедными государствами мира и о его истинных масштабах. Под воздействием бурного развития средств массовой информации подобное знание стало важным элементом формирования массового сознания в самых отдаленных и бедных уголках мира, в том числе и на Африканском континенте.

Еще одной причиной усилия миграционных потоков из стран Африки служит отсталая структура занятости в ряде го-

сударств континента. Более половины трудоспособного населения Африки занято в мелкотоварном низко продуктивном сельском хозяйстве. Миллионы крестьянских семей в Африке ежегодно разоряются и вливаются в ряды внутренних (деревня-город), региональных и международных мигрантов.

Нестабильная военно-политическая ситуация во многих африканских государствах также увеличивает масштабы как внутренней, так и внешней миграции. После 45 лет независимости Африка по-прежнему остается зоной кризисов. Ежегодно в мире отмечаются от 20 до 80 вооруженных конфликтов, причем 10—30 из них — на Африканском континенте.

С каждым годом все большее число африканцев пытается выехать за пределы континента. Основная масса африканских мигрантов направляется в Западную Европу (Францию, Италию, Испанию, Германию, Великобританию), США и в страны Персидского залива. Последние были главным центром притяжения мигрантов из Северной Африки после так называемого нефтяного бума 1970-х годов. Однако к началу 1990-х годов направление миграционных потоков из североафриканских стран вновь претерпело изменения. В первую очередь, это было связано с иракско-кувейтским конфликтом и резким ухудшением экономической ситуации в Ираке, когда после операции «Буря в пустыне» страну покинуло более 1 млн. арабских эмигрантов. Одновременно произошло резкое падение цен на нефть, что вынудило правительства стран Персидского залива предпочесть арабским специалистам существенно более дешевую рабочую силу из Южной и Юго-Восточной Азии. В этих условиях Западная Европа вновь стала привлекательной для североафриканских мигрантов.

Чаще всего уделом иммигрантов в развитых странах остается неквалифицированная либо малоквалифицированная работа. Принимающие страны не стремятся, да и не заинтересованы в том, чтобы повышать уровень их квалификации.

Весьма примечательно, что общий подъем образовательного уровня африканцев является одним из факторов, ускоряющих вовлечение населения в миграционные потоки. Быстрый рост сети школьного и вузовского обучения повышает грамотность, информированность населения и усиливает со-

циальную активность и мобильность жителей страны. Высокий уровень образования позволяет найти достойное и высокооплачиваемое место работы как внутри страны, так и за ее пределами, и тем самым повысить свой социальный статус.

По нашим подсчетам, проведенным на основе анализа миграционных потоков из стран Северной и Западной Африки, можно прийти к выводу, что образовательный уровень мигрантов существенно выше, чем остальных африканцев. Так, уже 47% африканцев, переезжающих из деревни в город, 58% мигрантов внутри Африканского континента и более 75% мигрантов, выезжающих за пределы Африки грамотны. Еще больший разрыв наблюдается по линии среднего и высшего образования. Сегодня 29% всех африканцев, выезжающих за рубеж, имеют полное среднее, а 24% — неполное высшее и законченное высшее образование.

Помимо межконтинентальной, существенную роль в миграционных потоках играют перемещения мигрантов внутри самого Африканского континента. Из стран с особо тяжелыми социально-экономическими условиями африканцы в поисках работы и лучшей жизни направляются в более благополучные государства. В каждом субрегионе имеются одна или несколько стран с относительно сильными экономиками, притягивающими работников из соседних менее развитых государств. Основные потоки африканской межстрановой миграции идут из внутриконтинентальных в прибрежные страны и из лишенных значительных сырьевых ресурсов в страны, обладающие таковыми. Крупнейшими экспортерами мигрантов являются Алжир, Ангола, Бенин, Гана, Египет, Камерун, Марокко, Нигерия, Свазиленд, Сенегал, Сомали, Тунис. Главными полюсами притяжения трудовой миграции выступают страны-экспортеры углеводородного и минерального сырья — Ливия, Габон, Конго (Киншаса), Конго (Браззавиль), Замбия, Кот д'Ивуар, ЮАР, Ботсвана, а также (в меньшей мере) страны с относительно развитым капиталистическим сектором сельского хозяйства — Кения, Зимбабве, Танзания.

Крупным центром притяжения африканских мигрантов была Ливия, страна, которая привлекает наше особое внимание в связи с недавними событиями. Специфика Ливии — от-

носителем малочисленного, по арабским масштабам, население, которое не превышает 6,5 млн. человек, что обуславливает нехватку национальной рабочей силы для удовлетворения нужд быстро развивающейся экономики. Исторически первые мигранты стали прибывать в Ливию в 1960-е годы, когда в стране были обнаружены богатейшие запасы углеводородов. Приток нефтедолларов позволил М. Каддафи осуществить целый ряд амбициозных экономических проектов, для реализации которых требовались рабочие руки. Ливийские власти всячески поощряли трудовую миграцию, в первую очередь, из соседних государств — Египта и Туниса, в меньшей степени — из других африканских стран.

Уменьшение притока нефтедолларов после 1982 г. и ухудшение международной обстановки вокруг Ливии в 1990-х годах, особенно после принятия Советом Безопасности ООН санкций против этой страны в связи со взрывом самолета «Пан-Американ» над шотландским городом Локерби, в чем обвинялись ливийские граждане, привело к тому, что арабская колония в Джамахирии стала быстро таять. В этих условиях ливийские власти стали проводить политику открытых дверей по отношению к мигрантам из Субсахарской Африки, число которых в Ливии за 1990-е гг. увеличилось до 1 млн. человек. С 2001 г. африканские трудовые мигранты, в том числе имеющие низкую квалификацию, получили возможность свободного доступа в такие отрасли, как сельское хозяйство, строительство и сфера обслуживания (в основном, уборка улиц и помещений).

После приостановки действия санкций в 1999 г. приток мигрантов из арабских государств в Ливию возобновился. Ливия занимает сегодня первое место среди стран Африки по количеству иммигрантов. Накануне событий весны 2011 г. по данным Международной организации по миграции (International Organisation for Migration — IOM) в ней проживало 2,5 млн. иммигрантов (25—30% от общей численности населения), включая 1 млн. египтян, 90 тыс. тунисцев, 80 тыс. пакистанцев, 63 тыс. выходцев из Бангладеш, 59 тыс. суданцев, 30 тыс. алжирцев, столько же китайцев, 26 тыс. филиппинцев, более 10 тыс. вьетнамцев и почти миллион переселенцев из Субсахарской Африки, в основном из Нигера, Чада, Мали, Нигерии

и Ганы. Самые многочисленные диаспоры в Ливии — египетская и тунисская. При этом из 1 млн. египтян, находившихся в Ливии, лишь 332 тыс. работали официально. 56% египтян находились на территории страны без действующей визы, а 8% — без права на работу. Основные сферы, где трудились выходцы из Египта — сельское хозяйство и сфера образования. Тунисцы были заняты в основном в промышленности и в сфере услуг.

Мигранты из стран Африки южнее Сахары были заняты в Ливии в основном низкоквалифицированным трудом в сельском хозяйстве, строительстве и в сфере обслуживания. Мощный поток неквалифицированных рабочих рук из стран Тропической Африки порождал множество споров внутри ливийского общества еще до событий 2011 г. Дело в том, что доля иностранной рабочей силы среди всех занятых в Ливии превысила 70%. Иммиграцию из соседних с Ливией африканских государств связывали с ростом уровня преступности и распространением наркотиков, с проблемой создания конкуренции местной рабочей силе, с трудностями контроля за нелегальной иммиграцией в Европу через Ливию. Последняя проблема была особенно актуальна, так как нелегальные иммигранты, следующие в Европу, часто оставались в Ливии на длительный период времени.

В 2000-е гг. Муаммар Каддафи в своей миграционной политике все более отходил от panaфриканизма в сторону ограничения иммиграции для освобождения рабочих мест собственным гражданам. Это объяснялось как высоким уровнем безработицы среди коренного населения (по некоторым оценкам он достигал 30%), так и ростом расходов государства на содержание иммигрантов, которые достигли в 2000-е гг. по некоторым оценкам 10% ВВП. Триполи настойчиво требовал сокращения численности иммигрантов, особенно работающих без официально зарегистрированных контрактов. Такая политика руководства Ливии уже дала свои результаты: в период с 2001 по 2010 гг. число работающих ливийцев увеличилось на 17,6%, а численность иностранной рабочей силы существенно сократилась.

Одновременно М. Каддафи постоянно демонстрировал свою готовность к сотрудничеству с Европейским Союзом в сфере миграционной политики. Были предприняты шаги для сокращения притока нелегальных мигрантов. В 2007 г. Ливия ввела обязательные визы для прибывающих мигрантов из африканских государств. Мигранты в Ливии потеряли свободный доступ к медицинскому обслуживанию и образованию. В 2000 г. Ливия подписала соглашение с Италией о реадмиссии незаконных мигрантов, а в 2003-м, 2007-м и 2008 г. — двусторонние соглашения о сотрудничестве в сфере борьбы с нелегальной миграцией с Италией и Францией. М. Каддафи выразил также готовность сотрудничать с ЕС с целью выработки взаимовыгодных принципов миграционной политики и создания на территории Ливии специальных лагерей для перемещенных лиц, а также ратифицировал ряд международных соглашений по борьбе с незаконной миграцией, в том числе Палермский протокол от 15.11.2000, касающийся наказаний за торговлю людьми.

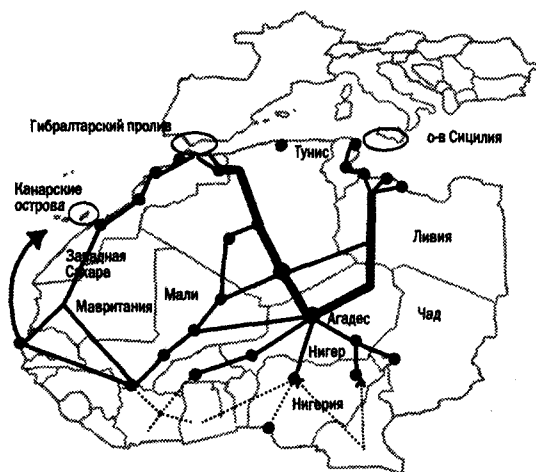

Рис. 10. Основные направления транзитной миграции из Африки

Иными словами, Ливия играла весьма важную роль в миграционной сфере как крупнейшая страна-реципиент африканской миграции по линии «юг — юг» и, одновременно, как своеобразный миграционный буфер между Европой и Африкой.

Для африканцев Ливия также являлась транзитной страной для их перемещения в Европу. При этом, помимо Ливии, практически все государства Северной Африки были как транзитными территориями, так и странами — источниками нелегальной иммиграции в Европу.

Основными странами приема нелегалов являются Италия, Испания, Франция, Португалия и Нидерланды. Прозрачность границ между странами Магриба, близость Испании к Марокко, Ливии и Туниса к Италии способствуют увеличению масштабов неконтролируемой миграции в регионе Средиземноморья. Безработица, экономические и социальные проблемы в странах Северной Африки, гражданские войны, этноконфессиональные конфликты, бедность — факторы, играющие основную роль в принятии решения рискнуть жизнью, чтобы достичь Европы.

Ливия вплоть до февраля 2011 г. была одной из наиболее важных транзитных стран для африканских нелегалов. Это было обусловлено возможностью достаточно свободного пересечения границ Ливии с другими африканскими странами (границы на юге Ливии, в пустынных районах особенно трудно контролировать). Долгое время основным перевалочным пунктом для мигрантов был ливийский городок Эль-Джауф, а основные центры по переправке нелегалов в Европу располагались в портах Триполитании. Как правило, мигранты пытались незаконно въехать на территорию Италии, используя в качестве транзитной территории о. Мальта.

Тунис также играл роль транзитной страны для нелегальных эмигрантов из стран Африки южнее Сахары. Страна имеет достаточно обширную систему портов и расположена близко к Италии (до Лампедузы, самого южного острова страны — всего около 113 км).

Основными центрами организации нелегальной миграции в Тунисе были города Набуль, Сус, Монастир, Махдия, Сфакс и Меденин. Пункты переправки нелегалов разместились вдоль

всего побережья страны. Три основные зоны отправки нелегальных мигрантов — это побережье от г. Солимана до г. Сиди-Дауд, побережье к югу от мыса Эт-Тиб от порта Эль-Хавария до Келибии и восточное побережье от г. Мензель-Темим до г. Хаммамет. Из портов Туниса нелегалы, в первую очередь, стремятся добраться до южного побережья острова Сицилия или до островов Пантеллерия, Лампедуза, Линоза. Среди мигрантов распространен маршрут от побережья в районе порта Махдия до о. Лампедуза, откуда можно добраться до Мальты, а оттуда и до Сицилии.

Наряду с Ливией и Тунисом, Марокко, Алжир и Египет также выступают в качестве важных транзитных территорий и источников нелегальной миграции. Тысячи египтян, в основном молодых людей, ежегодно пытаются незаконно проникнуть в Европу. Некоторые используют побережье Египта, прибегая к услугам контрабандистов, однако большинство перебирается сначала в Ливию или в Тунис и лишь затем в Италию. Через Суэцкий канал идет поток миграции из Бангладеш и Шри-Ланки в Европу. В надежде проникнуть на европейскую территорию в Египет прибывают беженцы из Судана, Сомали, Эритреи и Эфиопии

В Алжире мигранты пересекают Сахару (в качестве транзитных городов чаще всего служат г. Таманрассет на юге и г. Магния на севере страны) и перебираются в Марокко (основной транзитный город — Уджа). Среди нелегалов преобладают в основном граждане Нигерии и Камеруна. По этому маршруту мигрантов, как правило, перевозят через пустыню на грузовиках.

Самый короткий путь в Европу — через Гибралтарский пролив. Всего 14 км разделяют Марокко и Испанию. Этот путь был самым популярным вплоть до начала 2000-х гг. Однако благодаря введению в строй так называемой «электронной стены» в районе Гибралтара, он перестал быть основным. Мигранты, использующие территорию Марокко как транзитную, пытаются проникнуть в испанские анклавы Сеуту и Мелилью, а также на Канарские острова.

Наряду с традиционными способами проникновения африканских нелегалов в Европу достаточно часто используют

ся более изощренные пути. Одна из причин увеличения масштабов незаконного перемещения людей кроется в широком использовании интернета для рекламы трудоустройства на Западе. Достаточно распространенным путем въезда в европейские страны остается фиктивный брак с гражданами страны иммиграции. Однако в последние годы растет число иностранцев, использующих неофициальные каналы пересечения границ без документов или с помощью поддельных документов, получить которые им помогают организации, специализирующиеся на подобных услугах. К услугам фирм, занимающихся незаконным провозом иностранцев через границу и их нелегальным трудоустройством, прибегают в первую очередь экономические мигранты и беженцы, не имеющие шансов на легальный въезд. Плата за нелегальную иммиграцию составляет от нескольких сотен до десятков тысяч долларов в зависимости от страны назначения, дальности маршрута и длительности поездки. В последние годы бизнес на нелегальной иммиграции переживает настоящий бум. Ежегодно транснациональные преступные сообщества незаконно вывозят около 1 млн. нелегалов. По оценкам ООН, мировые доходы от контрабанды людей составляют 5—7 млрд. долл. в год.

Специфической чертой современной миграции является увеличение доли женщин (до 47,5%) и детей в нелегальном миграционном потоке. В последние 2—3 года довольно популярной стала незаконная миграция беременных африканок, рассчитывающих на гуманные чувства европейцев. Достаточно распространенным является также нелегальное перемещение женщин, девушек и детей в целях сексуальной эксплуатации. По оценкам экспертов, ежегодно на мировой рынок интимных услуг поступает от 700 тыс. до 4 млн. чел.

Большинство нелегальных мигрантов используют территорию североафриканских государств как транзитную, стремясь перебраться дальше — в Испанию, Италию или на Мальту. Эти страны зачастую также оказываются лишь промежуточным этапом следования незаконных мигрантов в более благополучные страны ЕС — Францию, Германию, Нидерланды, Великобританию. Отдельные нелегалы добираются до

скандинавских государств, миграционная политика которых до недавнего времени была достаточно мягкой.

В переговорах с африканскими странами ЕС всегда увязывал предоставление им каких-либо преференций с принятием на себя обязательства по реадмиссии мигрантов (возвращение нелегальных мигрантов в ту последнюю страну не член ЕС, с территории которой они прибыли). Соглашения о реадмиссии подписаны у Испании с Алжиром, Марокко, Мавританией и Нигерией, а у Италии — с Алжиром, Ливией, Марокко и Нигерией. В целом, страны Юга Европы настаивают на более жесткой миграционной политике. Однако эти усилия наталкиваются на противодействие более удаленных государств, таких, как Швеция, Дания, Норвегия.

В настоящее время 80% европейцев выступают за усиление контроля на внешних границах ЕС, при этом, правда, 56% не против целевого приглашения иностранных рабочих и специалистов. Опросы общественного мнения показывают, что европейцы все чаще заявляют о необходимости защиты собственной культуры, собственного образа жизни.

Каковы же основные направления борьбы с незаконной миграцией в Европе?

Во-первых, это введение более строгих законодательных актов и правовых норм, регулирующих въезд и пребывание иммигрантов, включая унификацию стандартов визовых документов и сроков получения статуса беженцев. Многие европейские страны, стремясь сократить незаконный приток иммигрантов в страну, в том числе под видом беженцев, ужесточили законы, регулирующие получение последними официального статуса. Наиболее значительные перемены произошли в Германии, в которой законодательно исключено автоматическое право для всех иностранцев на получение убежища. Аналогичные изменения в законодательствах и других европейских стран привели к сокращению числа претендентов на получение статуса беженца.

Во-вторых, предусматривается усиление контроля за общими границами, проведение совместных операций вдоль границ, создание общей консульской системы и единой погранич-

ной службы, позволяющей взять под охрану контрольно-пропускные пункты на автомагистралях, в аэропортах, на морских и железнодорожных вокзалах. Для упрощения контроля за пребыванием и перемещением иностранцев планируется уже в ближайшее время создать общий банк въездных виз и подготовить списки стран, граждане которых должны иметь визы для въезда на территорию Евросоюза или смогут пользоваться безвизовым режимом передвижения. Программа формирования общей политики в области совместного управления границами государств ЕС включает также разработку общего свода законов о порядке пересечения внешних границ и подготовку практического руководства для пограничных служб.

В целом, можно сказать, что странам ЕС и государствам Северной Африки к концу первого десятилетия XXI века удалось принять компромиссный план проведения единого курса на противодействие нелегальной иммиграции, который включает ряд мер по выявлению и пресечению проникновения нелегальных мигрантов как в североафриканские государства, так и в страны Евросоюза, в том числе транзитным путем.

Однако события «Арабской весны» самым существенным образом обострили миграционную ситуацию как в Африке, так и в Европе.

Революция в Тунисе послужила первым толчком к активизации миграционных потоков. Воспользовавшись неразберихой в стране и ослаблением пограничного контроля со стороны тунисских властей, 25 тысяч тунисцев высадились на маленький итальянский остров Лампедуза. Конечной целью тунисских мигрантов была не Италия, а Франция, которая, опасаясь притока еще большего числа североафриканцев, предложила усилить пограничный контроль между европейскими странами, что ставило под сомнение существующие шенгенские договоренности.

Но главные события были еще впереди. Вооруженный конфликт в Ливии стал главной причиной массовых перемещений на Африканском континенте. Помимо военных действий и политической и экономической нестабильности положение усугубляется еще и тем, что оппозиционеры, пришедшие к вла-

сти после Каддафи, объявили черных африканцев «наемниками Каддафи» и всячески подогревали ксенофобские настроения среди своих сторонников. В результате этого в Ливии постоянно фиксируются случаи нападения, насилия и даже убийства африканцев. Многие из них неделями не выходят из домов, опасаясь нападения. Так, например, группа сомалийцев в Триполи из 30 человек 12 дней не покидала своего жилища. Один из этой группы отправился за помощью, но так и не вернулся. Группа эритрейцев, направлявшаяся из Триполи к тунисской границе, была остановлена более 20 раз и полностью ограблена. Тридцатилетний электрик из Нигерии был выкинут из своей мастерской в Бенгази со словами: «Ты — пособник Каддафи и будешь убит!». Строители из Ганы были объявлены «наемниками Каддафи» и их фотографии с соответствующей подписью были размещены в социальных сетях, таких, как Facebook и YouTube. Зафиксированы массовые случаи изнасилования черных африканок в Триполи и Бенгази. Это лишь малый перечень актов насилия, повсеместно происходящих в Ливии. В этих условиях мигранты спешно покидают страну. С момента начала конфликта в феврале 2011 г. до ноября 2011 гг. страну покинуло более 850 тыс. человек. Подробная статистика, которой мы располагаем, относится к более раннему периоду — маю 2011 г. Так, по данным ИОМ, к 26 мая 2011 г. покинуло 531 439 человек. В основном они переместились в соседние Египет и Тунис, но также и в Алжир, Нигер, Чад, Судан, в Италию и на Мальту. Более 70% беженцев — черные африканцы. Весьма примечательно, что в Европу переместилось в общей сложности менее 3% мигрантов. Транзитные пути по перемещению африканцев в европейские страны в 2011 г. сместились в сторону Марокко, на территории которого расположены два испанских анклава — Сеута и Мелилья.

К вынужденным мигрантам прибавились и ливийцы. К маю 2011 г. 342 тыс. ливийцев покинули страну. В основном они пересекали египетскую и тунисскую границу, где нет визового контроля. На границе с Тунисом в палаточных лагерях расположилось более 100 тыс. берберов из племен, лояльно относившихся к М. Каддафи. Они обратились за гумани-

тарной помощью к международным организациям. Многие из них надеялись в дальнейшем перебраться в Европу. Вливание Ливии в ряды стран массовой эмиграции населения еще более обострило непростую ситуацию в Средиземноморье. Ведь ранее число иммигрантов из Ливии в Европе не превышало нескольких тысяч человек. И это были в основном богатые бизнесмены, вкладывающие свои деньги в развитие европейской, в первую очередь, итальянской экономики.

Очевидно, что и европейские правительства и международные организации европейского и мирового уровня будут всячески препятствовать притоку лиц из стран, охваченных революциями. Уже сегодня ряд этих организаций направил свои усилия на организацию помощи мигрантам в Ливии по их транспортировке в страны происхождения. Именно в этом европейцы видят выход из сложившейся ситуации. Ксенофобские настроения ливийских повстанцев вынуждают африканцев спешно возвращаться домой или бежать в соседние Египет и Тунис. Но не всем это удастся. Египетские и тунисские власти поддержали своих граждан и сумели организовать их возвращение на родину. Однако это возвращение в условиях роста безработицы и экономической нестабильности лишь усиливает и без того острые противоречия на рынке труда этих стран. Что же говорить о черных африканцах, десятками тысяч прибывающих в Тунис и Египет. Вряд ли там им будет оказан приветливый прием. То же самое можно сказать о странах к югу от Сахары, которые экономически и социально не готовы к возвращению своих граждан, трудившихся в последние годы в Ливии. Одновременно исчез важный источник пополнения валютных поступлений для африканских стран-доноров рабочей силы. Денежные переводы африканских мигрантов из Ливии ежегодно превышали 2—3 млрд. долларов.

Иными словами, миграционная ситуация в регионе с потерей в лице Ливийской Джамахирии крупнейшего африканского рынка рабочей силы и ростом политической и экономической нестабильности в соседних арабских государствах постоянно обостряется. Весьма вероятно, что африканские мигранты в ближайшие годы расширят географию своих переме-

щений. Речь идет не только о Северной Америке, но и о Латинской Америке и Азии.

Так, например, Китай, где активно борются с перенаселением, столкнулся настоящим нашествием африканских мигрантов. Крупнейшее в Азии африканское землячество расположено в городе Гуанчжоу. По официальным данным, здесь проживают около 20 тысяч выходцев из Африки, по неофициальным, — их почти в десять раз больше, и число это каждый год увеличивается на треть. 65% беженцев в Бразилии и Аргентине — африканцы. Даже в России растет численность африканской диаспоры. По некоторым оценкам, она достигает 100 тыс. человек.

Что касается европейцев, то они прикладывают усилия, чтобы не допустить дополнительного притока африканских мигрантов, задействуя в условиях обострения экономической ситуации в Европе политические, институциональные, а, возможно, и военные рычаги.

Критики стратегии усиления контроля за миграционными потоками утверждают, что эти меры просто не могут обеспечить желаемого эффекта. В этой связи Евросоюз, по всей видимости, нуждается в новой миграционной политике. Совершенно ясно, что резкое ограничение миграции не соответствует ни экономической, ни демографической ситуации в Европе и в других развитых государствах. Вместо того чтобы пытаться предотвратить иммиграцию, нужно, с одной стороны, контролировать ее в соответствии с потребностями принимающих стран в трудовых ресурсах, поощряя трудовую и ограничивая нелегальную миграцию, а с другой — воздействовать на причины, порождающие массовый исход африканцев из их собственных стран.

В феврале 1994 г. в знаменитой работе «Приближающаяся анархия» Роберт Каплан предсказал общемировой кризис в результате разложения государств в регионе Западной Африки, что приведет к мощному «иммиграционному выбросу». Мигранты из Африки, писал он, будут пытаться добраться до благополучных государств Магриба и Европы. Сегодня эти предсказания сбываются. Более того, демографический взрыв на Африканском континенте сопровождается сегодня политиче-

ской и экономической дестабилизацией в относительно благополучном североафриканском субрегионе и массовой эмиграцией населения из Ливии, что еще более обостряет ситуацию как в Европе, так и на Африканском континенте. Решение проблем, связанных с миграцией, может быть найдено только тогда, когда возобновится экономическое и социальное развитие стран Африки, что невозможно без совместных усилий африканских государств и всего мирового сообщества. Между тем в мировой практике уже накоплен большой «отрицательный» опыт помощи странам Африканского континента. Анализ их неудач свидетельствует, что государства региона, переживающие внутренние кризисы, требуют не краткосрочных программ, рассчитанных на немедленное получение результата, а помощи, имеющей долгосрочный и комплексный характер.

АВТОРЫ

Предисловие

ВАСИЛЬЕВ Алексей Михайлович — директор Института Африки РАН, действительный член РАН.

Причины и предпосылки

КОРОТАЕВ Андрей Витальевич — д.и.н., зав. кафедрой современного Востока РГГУ, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН.

ЗИНЬКИНА Юлия Владимировна — к.и.н., научный сотрудник Института Африки РАН.

ЗЕЛЕНЕВ Евгений Ильич — д.и.н., декан восточного факультета СПбГУ, директор филиала Института Африки РАН.

МУРСИ Мухаммед — председатель Партии свободы и справедливости (Египет).

САВАТЕЕВ Анатолий Дмитриевич — д.и.н., ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, зам. директора филиала Института Африки РАН.

ИСАЕВ Леонид Маркович — научный сотрудник Национального исследовательского института — Высшая школа экономики.

События и факты

ФИТУНИ Леонид Леонидович — д.э.н., профессор, зам. директора Института Африки РАН.

ТКАЧЕНКО Александр Алексеевич — к.э.н., зав. Центром исследований стран Северной Африки и Африканского Рога Института Африки РАН.

АШРАФ ЭЛЬ-САББАХ — политический обозреватель и корреспондент российского арабоязычного телеканала «Россия аль-Яум».

ГРИНЯЕВ Сергей Николаевич — Руководитель Центра стратегических оценок и прогнозов.

Что их ждет?

ФИТУНИ Леонид Леонидович — д.и.н., профессор, зам. директора Института Африки.

ДОЛГОВ Борис Васильевич — к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

ГУСАРОВ Владилен Иванович — д. геогр. н, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН.

ВИНОКУРОВ Юрий Николаевич — д.и.н., ведущий научный сотрудник Института Африки РАН.

ОРЛОВ Владимир Викторович — к.и.н., доцент Института стран Азии и Африки МГУ.

ДЕЙЧ Татьяна Лазаревна — к.и.н., ведущий научный сотрудник Института Африки РАН.

АБРАМОВА Ирина Олеговна — д.э.н., зам. директора Института Африки РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глава I. Цунами революций не спадает	6
Глава II. Движущие силы. следствия	35

ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ

Глава III. Социальные корни «арабской весны»	98
Глава IV. Арабская политическая культура	110
Глава V. Борются за власть, проповедуют мир	117
Глава VI. Глобализация плюс исламская культура	129
Глава VII. Сетевые технологии и революционный процесс	135

СОБЫТИЯ И ФАКТЫ

Глава VIII. Исторические параллели и современность	141
Глава IX. Видимость и реальность	166
Глава X. Управление протестным потенциалом	174
Глава XI. Динамика и перспективы	194
Глава XII. Как это было в Тунисе	197
Глава XIII. Потери мировой культуры	216

ЧТО ИХ ЖДЕТ?

Глава XIV. Северная Африка: революция и экономика	223
Глава XV. Взрыхленная почва	247
Глава XVI. Почему же все-таки «арабская весна»?	256
Глава XVII. Быть ли революциям южнее Сахары?	259
Глава XVIII. Марокко: секрет «устойчивости»	265
Глава XIX. Кризис в свете интересов России, Китая и Африки	270
Глава XX. «Арабская весна» и трансграничная миграция	282
Авторы	301

Массово-политическое издание

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Васильев Алексей Михайлович

Петров Николай Иванович

РЕЦЕПТЫ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

Русская версия

Ответственный редактор Е. Соловьев

Редактор В. Манягин

Художественный редактор Ю. Щербаков

Компьютерная верстка А. Кувшинникова

Корректор И. Носкова

В оформлении переплета использована фотография

Андрея Стенина / РИА Новости

ООО «Издательство «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-izdat@mail.ru

Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Подписано в печать 13.04.2012.

Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.

Тираж 2 500 экз. Заказ 5676.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-4438-0148-3

9 785443 801483 >

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Как возникли революции в государствах, сравнительно спокойных в социально-экономическом плане и далеко не последних по уровню жизни населения? Кто за ними стоял? Какую роль сыграли в них информационные технологии? На эти и многие другие вопросы отвечают авторы этой книги: ученые, дипломаты, журналисты, в том числе и подготовивший книгу к изданию директор Института Африки РАН Алексей Михайлович Васильев. Все они в той или иной мере были свидетелями революционных событий.

Своеобразной «сверхзадачей» данной книги был поиск ответа на вопрос: существовали ли у сценария арабских восстаний «режиссеры»? А вывод о том, возможны ли аналогичные события в нашей стране или на территории постсоветского пространства, читателям этой книги предстоит сделать самим.

ISBN 978-5-4438-0148-3

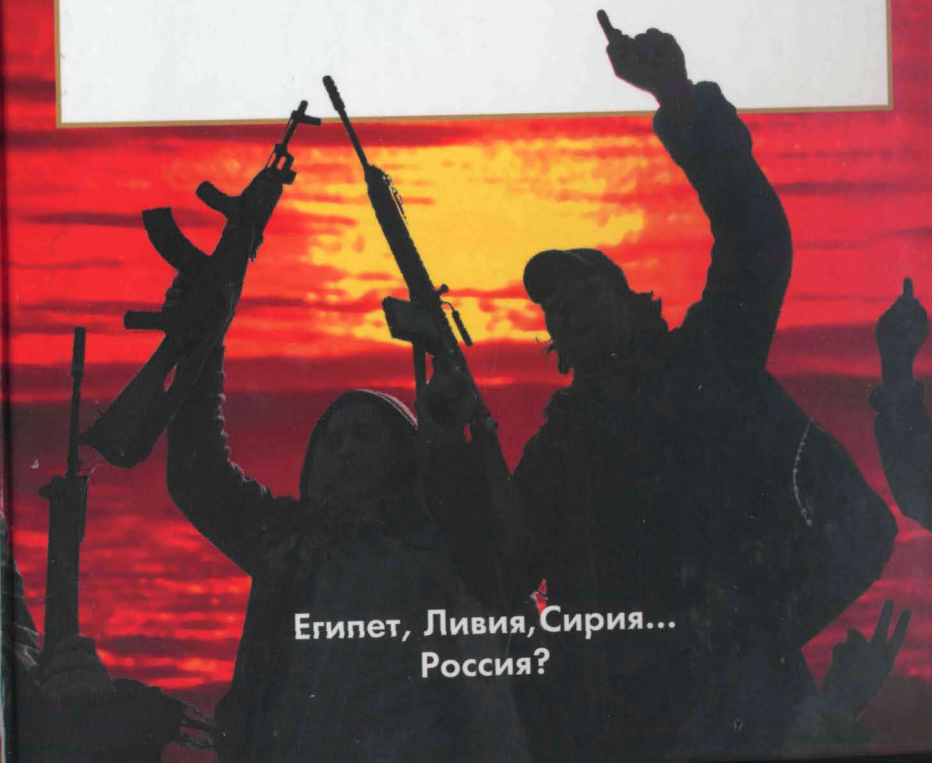
9 785443 801483 >

Алексей Васильев, Николай Петров

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

РЕЦЕПТЫ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

Русская версия

The background of the lower half of the cover features silhouettes of several individuals against a dramatic, fiery sunset sky in shades of red and orange. The figures are holding up rifles and their hands in various gestures, suggesting a scene of protest or conflict.

Египет, Ливия, Сирия...
Россия?